

Спасения не будет - Рина Белая

Глава 1

Так со смертными судьба порой играет:

То вознесет их вверх, то в пропасть низвергает.

И так устроен мир, что в счастье иногда

Уже заключена великая беда.

П.Корнель

Страх сковывал тело, тонкими иглами впиваясь в мой разум, холодил ощущением беспомощности перед пугающей силой мастеров меча и магии.

Несколько мучительно долгих секунд я смотрела на футляр, который вручил мне Фицион, и только белизна пальцев выдавала напряжение, с которым я сдавливала обтянутую черным бархатом деревянную коробочку. Времени открывать ее уже не было.

Размеренно твердыми шагами дознаватель подошел к моей парте.

— Роиль Чансе, именем закона, вы арестованы! — сказал он, словно клеймо на лоб поставил.

Я смотрела на грудь дознавателя, прожигая взглядом шеврон с силуэтом ястреба на струйчатом узоре и надписью по кайме «Союз Стражей Муарового клинка при С.С.»

— При С.С. — повторила я уже вслух.

— При Совете Судеб, — бесцветным голосом расшифровал заклинатель тьмы, вставший по правое плечо от господина дознавателя и заслонивший своей массивной фигурой льющийся из окна свет.

С малых лет я знала, что Совет Судеб — ненасытное зло, пожирающее судьбы смертных. Совет внушал ужас и все же казался чем-то далеким, существующим вне «моего мира». И сейчас этот «мир» трещал по швам, выталкивая меня в грубую реальность, а я даже не могла понять, когда совершила тот самый неверный шаг?

Ответ не пришлось долго искать. Со словами: «Роиль Чансе обвиняется в применении разрушительного магического давления на зарегистрированных граждан тонкого мира», муаровец протянул госпоже Шилле подтверждающий документ.

«Так виною всему наши призраки?!» — едва не воскликнула я.

Звук сломанного пера заставил меня вздрогнуть и обернуться к Фициону. Едва мы встретились взглядами, как поглотившая аудиторию тишина взорвалась негодующими возгласами адептов:

— Да ладно! Не может этого быть!

— Это смешно!

— Тем более наша Роиль!

— Не-ет. Не верю! Это какая-то ошибка!

Все, что происходило со мной в этот момент, казалось каким-то спектаклем, какой-то неудачной шуткой, непостижимым образом меняющей мою жизнь. Впрочем, именно я дала повод к негативному развитию событий и сейчас старалась сжиться с мыслью, что всему виной моя выходка! Признаю, обернуть призраков в иллюзию, превратив их тела в кисель, было довольно-таки весело, но как оказалось, крайне необдуманно. Но ведь... я лишь хотела тишины! Хотя бы на один вечер.

Глупые призраки совсем потеряли совесть! Это надо же... соорудить из себя несчастных

жертв?! Воображение тут же нарисовало картину: в Союз Стражей Муарового клинка вваливается толпа призраков с доносом на второкурсницу академии «Плавучая гора»! Призраки, оккупировав заспанных стражей, наперебой рвут глотки, описывая свою психологическую травму, между делом указывая меру моего наказания, которая в полном объеме будет соответствовать их страданиям... Бедные, бедные стражи! Нет, никому не устоять перед такой слезливой, бедной-несчастной толпой.

Наверное, я бы посмеялась от души, если бы не главная роль, отведенная мне в этом спектакле.

— Пагубное воздействие? На призраков? Но как? — нахмурилась госпожа Шилла и изумленно воскликнула, обрывая всеобщий галдеж. — Господа, это невозможно!

Чеканя каждое слово, дамочка заверила муаровцев:

— Господа, имей место негативное воздействие, профессорский состав незамедлительноотреагировал бы на частотно-избирательный отклик защитных заклинаний. Но отклика не было! Уверю Вас, возникло досадное недоразумение...

— Не исключено, — согласился стихийник, обозначивший причину моего задержания. — Так или иначе, с этим нам еще предстоит разобраться, — убил он хрупкую надежду на то, что профессору по предмету «Нематериальное начало» удастся отвести от меня беду.

«Ареста не избежать!» — с ужасом поняла я.

— На выход! — сухо потребовал дознаватель, но я уже не слышала его.

Кровь сошла с лица, образы утратили цвет, казалось, даже воздух сгустился и потяжелел. Ярким всполохом в сознании возникло видение моего измученного тела, распростертого на холодном камне в застенках одной из тайных служб Совета Судеб.

Дознаватель силой дернул меня, и я выронила из рук футляр. От удара об пол футляр обнажил зев, выпуская необычайно красивую заколку для волос из матового черного перышка с черной жемчужиной в основании.

— Пустите! — я попыталась поднять заколку.

Железный обруч пальцев потянул на себя. Подол моего платья попал под туфлю, и я рухнула на пол. Мозолистые пальцы усилили давление, и дознаватель весьма грубо вернул меня в вертикальное положение, показав, что моя слабость его нимало не трогает.

Не в силах выдержать боль, я застонала.

— Не стоит, не усугубляй свое и без того шаткое положение! — предостерег некроманта заклинатель тьмы. Он закрыл меня от Фициона, который попытался набросить следящее заклинание на мою ауру. Но иллюзия ауры водницы, в которую я некогда облачилась, чтобы обучаться в академии, осталась невосприимчива к мертвой магии.

Вторую попытку Фициону муаровцы уже не простили.

— С головой не в ладах?! Ну-ка, вяжите этого! — скомандовал заклинатель тьмы.

Во взгляде Фица промелькнула хищная решимость, и неожиданно для всех он перемахнул через парту, схватил стул и запустил его в окно. Грохот взорвавшегося стекла вырвал из груди вечно жизнерадостной госпожи Шиллы панический вопль. Не дожидаясь пока стеклянная крошка осыплется на пол, Фиц устремился прочь. Казалось, всего миг и он исчезнет в ослепляющем свете солнца, но воздушная плеть стихийника опрокинула его на спину. Не поднимаясь с пола Фиц выкрикнул заклинание. Аудиторию заполнил невыносимый трупный запах, который штопором вонзался в горло, пропитывая легкие и обрывая дыхание.

Выглянув из-за спины заклинателя, я увидела теряющих сознание девушек, что находились в опасной близости от некроманта. Голова одной опустилась на парту, второй повезло меньше, и, отключаясь, она ударилась об угол стола. Лужица крови окрасила пол. Адептов захлестнула паника. Вскочив со своих мест, они кинулись к

единственной двери, обещающей оборвать едкий запах. Несколько парней, задержав дыхание, отважились ответить на вызов некроманта, но муаровцы их опередили. Взвился смерч. Воздушный змей с яростью накинулся на отравляющее порождение мертвой магии, блокируя и унося гибельное марево в разбитое окно. Подпрыгнули чернильницы и завалились на бок, выплевывая свое содержимое на бледные листы бумаги. «Застонали» книги. Взметнулись к самому потолку молочные занавески и, очищая воздух, в аудиторию ворвалась осенняя прохлада.

Темные пряди хлестнули по глазам, ослепив меня. Я тряхнула головой и снова едва не упала. Дознатель, будучи уверен в том, что сопротивление некроманта подавят, и мальчишка непременно ответит за неисправимую дерзость, потянул меня к уже опустевшему выходу.

Отказываясь становиться жертвой, Фиц раскинул руки словно крылья и выплюнул проклятие, как тут же силой стихийной магии его вбило в дальнюю стену. Воздушная плеть обвилась вокруг тела Фициона, безжалостно сдавив ему шею, грудь, стреножив руки и ноги. Его тело задрожало, лоб покрылся испариной.

Темный хватил некроманта кулаком в висок, и Фиц обмяк.

Последним, что я разглядела сквозь плен волос, была госпожа Шилла, которая напоминала ушедшую в мир иной душу. Она медленно опустилась на свой стул и закачала головой, не в силах поверить в увиденное:

— Как же так...

Я покинула аудиторию под конвоем, оставив за спиной профессора в полуобморочном состоянии, растерянных адептов и некроманта, которому здорово досталось от стражей Союза.

Направляясь в здание женского общежития, мы никого не встретили, если не брать во внимание бродячего кота с черными ушами. Кот при виде нас бросился к дереву и с испугу залез на самую макушку.

Я беспрекословно отдала ключ от своей комнаты. Дознатель занялся обыском: сорвал постельное белье, ощупал подушку и матрас на наличие посторонних предметов, опустошил шкаф. Темный сковал мои запястья оковами, которые никак не мешали моему движению, замкнул обручи проушинами и пояснил:

— Обручи заблокируют твою магию.

Обручи с выемками, похожими на полумесяцы, были из особого сплава, в который, еще на моменте изготовления добавляли черные кристаллы вулканического происхождения. Финальным этапом в работе была гравировка вязью с основной руной всех блокировок «Иса», позволяющей запереть на время ареста любую магию.

Насколько я знала, в деревнях обручи заговаривали послековки, — это проще и дешевле, но эффект был значительно слабее. На силу мага заклятия ложились своеобразной остудой, лишь ограничивая его способности. Дабы исключить любое проявление магии, заключенным нередко цепляли на запястья по несколько таких «украшений».

В одно мгновение интерес, с которым я разглядывала браслеты, сменился леденящим душу ужасом. «Окажут на меня влияние... Заблокируют силу... Один лишь взгляд на мою изменившуюся внешность, и мне выпишут смертный приговор!»

«Попалась! Я попалась!», — пульсом застучало в висках.

Но ничего не происходило. Волосы, волнами струящиеся с плеч не посветлели, и золотистый загар не растворился. Более того, я не испытала никаких трудностей с концентрацией внимания; иллюзия адепки Роиль Чансе осталась неизменной. Стало быть со мной их браслетики не работали. Не работали!

Чувство радости вспыхнуло в груди и, не совладав с эмоциями, я громко выдохнула, чем привела стражей в недоумение.

Спустя несколько минут к нам присоединились остальные муаровцы. К тому моменту с обыском уже было покончено, и кучку тряпья посреди комнаты увенчали мои льняные панталоны. Как вы думаете я себя чувствовала? Когда чужие взгляды касаются вашего белья и с насмешкой разглядывают его...

— Проверьте остальные комнаты, — приказал дознаватель, не обнаруживший ничего, что сыграло бы против меня. — Где ты хранишь вещь, способную оказывать влияние на посланцев тонкого мира? — обратился он ко мне, наступая.

— Не понимаю о чем вы? — не уж-то он неприкаемую накипь считает ни кем иным, как посланцами тонкого мира? Надо же как благородно!

Грубые пальцы заклинателя, который стоял за моей спиной, сжались у меня на плече. Я взвизгнула и попыталась вывернуться из захвата, да не тут-то было.

— Ваши... посланцы — те еще заливалы, а я, мягко говоря, с ними не в ладах, — заявила я и, под тяжестью ладони встав на колени, пискнула:

— Да прекратите. Больно же!

— Это не тот ответ, который нам нужен, — с ледяной вежливостью констатировал голос за спиной.

Чего лукавить, умеют они найти подход к людям.

— Да врут они все! — я молящее протянула руки к дознавателю. — Ну, подумайте сами, я сирота. Откуда у меня подобная роскошь? Живу скромно, на серебряный и двадцать медяков. А с вашими посланцами мы просто не сошлись во взглядах на жизнь. Не смогли поделить комнату... Да они просто спятили! — взорвалась я. — А вы сразу меня по рукам вязать...

В своей изломанной правде я была естественна. Я знала, что только ложь станет моим оружием и любой ценой вознамерилась спасти Роиль Чансе — адептку второго курса академии «Плавучая гора». Ведь если я позволю Роиль «умереть», то... То безродная Элин угодит прямиком на костер!

Захват ослаб, позволив мне подняться и распрямить спину.

— А магическое перо каким ветром к тебе занесло? — навис надо мной дознаватель, не спеша поддаваться влиянию подкупающей искренности.

— Распутным, — буркнула я, отводя взгляд в сторону.

— Следствие установит, — припугнул он. — Но для начала: мрачное здание, мрачная камера и заключенные, агрессивные и враждебные в своем ожидании.

Дознаватель схватил меня за подбородок, вынуждая смотреть ему прямо в глаза и проникаться тембром его голоса, в котором слышалась жесткая констатация факта, проясняющая суть моего положения:

— Контрабандисты, выходцы из кочевых племен, изменники королевства, конокрады и прочие, вынужденные ожидать своего часа, и милая девушка, которая станет им забавной игрушкой, — и когда я уже была готова увидеть зловещую ухмылку на лице дознавателя, он неожиданно перешел на понимающий и даже сочувствующий тон. — Будь разумной, Роиль. Отдай нам «глаз дракона» и мы будем действовать тебе во благо: на срок заключения обеспечим тебе одиночную камеру и горячий паек. Подумай, тебе есть что терять?

— У меня нет и никогда не было никакого «глаза»! — осипшим голосом ответила я. — Почему вы не верите мне?

На пороге моей комнаты нарисовалась фигура стихийника. Коротко и по существу муаровец доложил, что в ходе обыска подвальных помещений они ничего не нашли.

Конечно не нашли... если не брать во внимание вековую пыль и паутину, что оставили свой след на его черном колете.

Взгляд дознавателя, с которым он оглядел мое бирюзовое платье, отвлек меня от стража и навел на нехорошие мысли. Я скрестила на груди руки, что красноречивее слов дало понять, что не дам себя обыскивать.

— Я не позволю себя лапать, хоть убейте!

— Стой спокойно, — сурово потребовал дознаватель.

Очень быстро я поняла, что всякое сопротивление с моей стороны будет пустым, к тому же болезненным.

— Где артефакт? — выплюнул мне в лицо дознаватель глубоко недовольный моей несговорчивостью.

— Да нет у меня ничего! И не было никогда! — с каким-то ненормальным упорством держалась я.

— Чего ж некромант так тревожился за тебя?

— Повезло мне с парнем, понимаете? — сказала я человеку, не желающему мне верить.

— С огнем играешь... — вконец разозлился дознаватель. Убедившись, что все без толку, он дал знак темному уводить арестантку.

Мы молча прошли сквозь пыльную взвесь коридора, купающегося в сизом полумраке. Ноги едва меня слушались, и, поднимаясь по лестнице, я придерживалась перил. Еще до того как ступила в холл я услышала задушевную речь комендантши, а мгновением позже — увидела знакомую старушку в компании молодого муаровца, который непрерывно водил по бумаге пером. Моим пером!

— ...Так я ж и говорю, господин страж, спят они вместе, — вовсю распиналась старуха, казалось, не упуская ни одну деталь из личной жизни Роиль Чансе. — Молодежь совсем стыд потеряла! А некромант этот — птица темная, бережет он ее. Бережет и... балует... платьишки дорогие, туфельки модные, — комендантша скривилась и продолжила угождать, — на денежки не скупится! Как и на угрозы. Ему, видите ли захотелось проникнуть в женское общежитие. И это в ночное время! А нам пускать не велено...

— А зачем пускали, раз не велено? — ужалила я, томимая острым желанием наколдовать на старческом лице парочку больших и жирных бородавок.

Комендантша прищурилась и смерила меня презрительным взглядом, а после с удвоенным рвением продолжила:

— Она и дома у некроманта ночевала. Помню, неделя только началась, я как раз собиралась обход делать. Никакого доверия к молодежи, сами понимаете?! Хорошо, если только стулья сломают, а иной раз такое бывает, что ой-ой-ой! Польют комнатное растение приготовленным своими ручками удобрением, да разъедутся по домам, а за выходные цветочек-то разросшимся корнями пол стены искорежит, да окно выстеклит. Но не о том же ш сказать я хотела. В окошко я тогда глянула. Смотрю, девка-то с некромантом распрощалась и мышкой в общежитие юркнула. Меня как увидела, так стыдливым румянцем вся и залилась...

— Ты ему еще ботинки оближи, а то в пыли все, — прорвало меня.

Старуха сжала кулаки готовая меня растерзать.

— На выход, — потребовал заклинатель тьмы и, пропуская меня вперед, придержал дверь общежития, чем вызвал мое удивление, которое сменилось брезгливостью при виде конвоирской повозки.

— И откуда вы такие ухоженные вылезли?

Два пузатых мерина нетерпеливо перебирали грязными по колена ногами. Грязь расплзлась по днищу повозки, на добрый локоть поднялась по стенам, набилась в подножку. Граненые стержни колес также были облеплены дорожной хлябью, и только металлический обрuch, обтянувший наружный обод колеса, сиял отполированный

булыжной мостовой.

— В ближайшие сутки все выяснится. Если доказательства, подтверждающие слова призраков, не будут найдены, тебя отправят к менталисту. Приятного мало, зато процедура позволит тебе вернуться в академию, — неожиданно обнадежил темный, после чего резко подхватил и посадил меня в клетку, захлопнул дверцу и со скрипом запер ее. Слуха коснулось ругательство, а после... после шла фраза, которую мое сознание, запнувшись на слове «менталист» уже не восприняло:

— Призрачные ублюдки со своими глупостями, чтоб их тьма поглотила! — повозка покачнулась. — Трогай.

Я обхватила железные прутья решетки, взглядом провожая главное здание академии. Нет, я не прощалась. Я не ставила крест на своей жизни, на судьбе Роиль Чансе. В этот момент я наивно верила, что смогу вернуться и вновь занять одну из подвальных комнат общежития. Я расскажу Фициону о своих чувствах. Я буду честна с ним. Фиц...

Простая фраза, брошенная комендантшей: «бережет он ее», нашла запоздалый отклик в моей душе...

— Фицион... прости.

Глава 2

Я отрешенно разглядывала алые прожилки заклятий, впаянные в стены и пол. Призванные поглотить любой всплеск стихийной магии, они оказались бессильные перед самой обычной плесенью. Ржавые прутья решетки и жесткая седушка со сколотым углом завершали внутренне убранство колесной повозки. Дорога круто повернула, повозка накренилась, я рефлекторно схватилась за доску, на которой сидела. Поморщившись, страхнула с пальцев гнилую труху и сложила руки на коленях. Оси выровнялись, ритм, отбиваемый металлом подков, сложился, вновь отдаваясь в висках дефектным эхом.

Вскоре повозка остановилась.

«Неужто, все?» — подумала я, припадая к окну.

Крепостная стена, окольцевавшая портовый город, напоминала пригретую лучами утреннего солнца змею. Из-под ее крепкого аспидно-серого тела натужно тянулось к свету деревце. Низкорослое, корявое, не раз пиленное, оно качнулось от ветра, стряхнуло с веток последние золотые искорки осени и вновь замерло. Катарина учила меня, что по тому, как ложатся наземь листья, можно определить, будет зима теплой или поморозит от души. Мама часто обращала мое внимание на знаки-подсказки, которые оставляет нам природа. Тогда я слушала ее в пол уха... Хорошее было время... Счастливое.

В поле зрения попала спина рядового досмотрщика. Он обменялся парой фраз с моим конвоем и дал добро на выезд. Стоило ему всмотреться в зарешеченное окно, как я прижалась к стене, не желая, чтобы меня видели. Хлестнули вожжи, повозку тряхнуло, и мы миновали полосу резкой тени, отброшенную стрельчатой аркой явно не Западных ворот, потому как скрюченное деревце на каменном полотне я бы запомнила, когда въезжала в город Табел.

Грунтовая дорога заглушала топот копыт, награждая взамен отменной тошнотворной тряской. Хотя... лучше уж беспокоиться о целостности зубов, чем думать о холодных стенах камеры и неизвестных личностях с богатым темным прошлым... Милостивые духи, что со мной будет? Как я допустила все это? Почему с такой легкостью пошла на поводу у своих эмоций?

— И угораздило же меня разозлить эту призрачную накипь?! — сказала я вслух и тут же в безоговорочной уверенности ответила сама себе:

— Выкручусь! А иначе никак.

То и дело подпрыгивая на ямах и выбоинах, я убеждала себя, что впредь смогу быть предельно аккуратна в словах и тем более в действиях, что уделю игре с менталистом особое внимание и не наделаю ошибок. И как бы тяжело ни пришлось, я справлюсь! Справлюсь, а иначе смерть!

Со скрипом провернулись и замерли колеса. Щелкнул замок двери. Я приняла протянутую заклинателем руку и спрыгнула на утопанную площадку. Слова благодарности застряли в горле, словно рыба кость. С полураскрытым ртом и широко распахнутыми глазами я смотрела на место своего краткосрочного (пожалуйста-пожалуйста, пусть будет так) пребывания, увязшего в темных пятнах истории портового города.

— Милостивые духи, пусть невпопад сердобольная фортуна наградит меня хоть каплей своего везения...

Заклинатель понимающе хмыкнул и указал направление.

— Нехорошее чувство юмора у создателя этого...

— Проект здания разработан архитектором Главного тюремного управления Лариусского королевства — господином Ветерисом Кромским. Внешне напоминает тюрьму, но, по сути, является следственным изолятором. Здесь содержат подозреваемых и осужденных, ожидающих конвоирования в места, исполняющие наказание, —

просветил меня темный и кивнул постовым, стоявшим по обе стороны массивных ворот.

— Вы хотите сказать, что есть места хуже, чем это? — скованная ужасом я махнула в сторону огромного мрачного замка.

— Есть повод для беспокойства? — воспользовался моментом зачинатель.

— Нет, — встрепенулась я. — Вашим людям не найти артефакт. Невозможно найти то, чего нет.

— Тогда и волноваться тебе не о чем, — заверил он, распахивая передо мной тяжелую воротину.

На карте Лариусского королевства зона, примыкающая к предместью города Табел, напоминала уродливый придаток. Обособленная территория была объединена арсеналом магических заклинаний, грозными бастиями и крепостной стеной, взявшей в кольцо замок грешников. Фасад огромного замка на три части делили фигуры костлявых горбатых уродов с изломанными конечностями. Их лица застыли гримасами боли, словно они подвергаются невыносимо жутким пыткам. На фоне самого замка служебные здания смотрелись жалко и даже убого, словно усохшие пни. К западу от основного здания на расстоянии выстрела стрелы был виден колодец. Выкопанный еще в незапамятные времена, он функционировал и по сей день.

В кабинете надзирателя темный указал мне на табурет, а сам остался у закрытой двери.

При виде меня у надзирателя похотливо загорелись глазки и он нетерпеливо заерзал на стуле. Видя, что темный и не собирается уходить, он бросил взгляд мне за спину и недовольным голосом произнес:

— На этом ваши обязанности закончены. Вы свободны.

— Мне поручено последить за процедурой приема и размещения заключенной, — парировал темный, ущемив тем самым самолюбие надзирателя.

В итоге надзиратель, все-таки был вынужден проверять наличие необходимых документов, изучать протокол задержания и оформлять подозреваемую под присмотром «стороннего наблюдателя».

— По бумагам все. Заключенную осталось только досмотреть, — надзиратель, теребивший верхнюю пуговицу черной формы, пока марал кляксами бумагу, придавил лежащие на столе листы бронзовым пресс-папье, и, обласкав меня похотливым взглядом, неуклюже выполз из-за стола.

— Нет, — вскочив, я прижалась спиной к груди темного, досадуя на откровенное декольте своего наряда, и вцепилась в его руку.

— Досмотрим и в коробушку тебя, плясунья, упрячем. Того гляди и удержишься у нас. Чего рот кривишь? Все может быть! Все может быть... — надзиратель услужливо распахнул дверь, предпринимая очередную попытку выпроводить темного.

— В этом нет необходимости. Личный досмотр, а также досмотр вещей был проведен нами в принудительном порядке на момент задержания адепки, — заверил темный, глядя в глаза надзирателю.

— Давайте каждый будет делать свою работу, — надзиратель сложил пальцы в замок. Улыбка расплылась на одутловатом лице землистого цвета, вот только взгляд его был непреклонен.

— Следуя внутреннему уставу, я обязан досмотреть заключенную. Пренебрегать своими обязанностями я не намерен. Вы же предлагаете мне сделать именно это! Нарушить порядок приема подследственной?! Сам страж Союза Муарового клинка, единственного в своем роде Союза, который весьма продуктивно работает с потусторонним мусор... кхр, людом иного мира... Не ожидал, не ожидал... — пристыдил надзиратель, чувствуя себя на подконтрольной ему территории комфортнее жука-листоеда на картофельной ботве.

— Повернись-ка... Руки в стороны, — приказал он мне.

Стиснув зубы, я уставилась на избыточные накопления жира на шее надзирателя, который с вожделием стал ощупывать лиф моего платья. Когда его наглые руки стали оглаживать мои бедра, я мысленно принялась считать седые волосы на его просаленной башке. Ох, как мне захотелось пройтись по ней бронзовым пресс-папье. Рука сама потянулась к столу. Встретившись с насмешливым взглядом темного, который уловил ход моих мыслей, я тут же ее одернула, тряхнув рукой, будто она затекла.

Разумеется, надзиратель, со своей досаждающей дотошностью никаких запрещенных веществ у меня не обнаружил. Он взглянул на часы, поставил на документе время и печать, после заверил его неразборчивой подписью.

— Ну что, плясунья, идем, определим тебе место в моем рассаднике!

... Я шла по длинному коридору, стараясь не смотреть на истощенных заключенных, измученных бессонными ночами. Вдруг я застыла на месте и схватила темного за запястье. Он остановился и, повинувшись внезапному порыву, накрыл мою ладонь своей. Руку я тут же одернула. Со всей этой кутерьмой, я совсем забыла про угрозу куда более страшную, чем замок грешников.

Милостивые духи, как я могла забыть про Лега Тьмы?!

— Насколько хорошо защищено это место? — мой голос, искаженный эхом, дрогнул.

— Не беспокойся. За последние девятнадцать лет не было ни одной записи о побеге, — хвастливо ответил надзиратель, гордый своим достижением.

— А за последние двадцать? — съязвила я, поморщившись от звонкого сопровождения, умирающего в каменных стенах.

— Я на должности девятнадцать лет и... ни одна грешная душа не покинула этих стен!

Мы поднялись на второй этаж. Низкие и узкие камеры были переполнены и больше напоминали коробки с жуками, а надзиратель все шел и шел вперед, мусоля толстыми пальцами маленькую пуговку черной формы. Я семенила следом, все больше погружаясь в отчаяние. Темный уверенными шагами шел за мной.

Наконец надзиратель остановился и жестом поприветствовал, по всей видимости, главную узницу.

— Мамаша, вот тебе новенькая, прошу любить и жаловать.

— Задыхаюсь от счастья! — развязно бросила мамаша, размером с бегемотиху.

Злорадно улыбнувшись, она скинула рваную туфлю, взвалила ногу на койку и нетерпеливо пошевелила пальцами с отставшими из-за нарыва ногтями. Сидящие на полу женщины тут же кинулись согреть ее конечность своим дыханием и разминать каждый палец. В зарешеченное окно ворвался сквозной ветер, раздувая мусор по всей камере. Вдохнув этот тошнотворный запах, я закрыла ладонью нос.

— Опять этот суховей, — вдруг заорала мамаша.

Охваченная яростью, она схватила одну из женщин за воспаленное ухо и швырнула ее к решетке, да так, что бедняжка налетела на ведро с помоями и опрокинула его прямо на ботинки надзирателя.

— Ради всего святого! — не вставая с колен, сквозь прутья решетки, та постаралась очистить обувь рукавом своей рубахи.

— Дуры бестолковые! — выругался надзиратель.

— А в здание может ворваться посторонний? — не соображая, что говорю, спросила я. Лег, крещеный кровью своих жертв, уже не казался таким ужасным, а вот тиски мамашиных рук поражали воображение!

— Да с такой любвеобильной мамашей недолго и рассудка лишиться! — заорала я, глядя, как выгибается надзиратель, чтобы снять с пояса связку ключей.

Словно насмехаясь над моим бессилием, нарочито громко лязгнул замок.

Все. Мне конец!

— Утро доброе, дамы. Сегодня на редкость чудесный день, не правда ли?! — сдавленно пискнула я, выдавливая из себя улыбку.

— Ты смотри, какая манерная! Ну ка, поди суда, рассмотрю тебя поближе, — махнула в призывном жесте мамаша.

«Небесные старцы, дайте мне сил, пережить обещанные заклинателем сутки...» — взмолилась я и тут же себя одернула: «Не помогут они тебе! Думай, думай, Элин... черт бы тебя побрал!» И, как назло, ни одной стоящей мысли.

— Одиночная камера и двухразовый горячий паек, пока ее вина не будет доказана, — заклинатель выдернул меня из камеры и захлопнул решетку.

Казалось, что я забыла, как дышать.

— Так у нас нет свободных камер... — заколебался надзиратель. — Не сажать же ее к горцам?!

Я перевела взгляд на бритоголовых воинов в камере напротив. От их татуированных тел и острозубых улыбок сознание помутилось, ноги ослабли, я пошатнулась, но... была тут же подхвачена темным, будто он только и ждал, чтобы подставить мне сильное плечо.

— Мест нет, — повторил надзиратель, с недовольством поворачивая ржавый ключ в замочной скважине.

— Малодушие, проявленное сейчас, в дальнейшем обернется для вас потерей места и я вам обещаю, это в лучшем случае... Так что в ваших интересах освободить одну из камер, — потребовал темный, стараясь при этом на меня не смотреть.

— Вы мне угрожаете? Да как вы смеете? — от гнева на лице дознавателя проступили белые пятна.

— Сколько душ сгнило в этих стенах? Вы осведомлены о возможностях Союза, созданного при поддержке Совета Судеб, к взаимодействию с миром духов? — пауза, чтобы впечатлиться и проникнуться словами, и контрольный в голову, — я надеюсь, мы друг друга поняли?

Поняли. Прониклись. Побледнели и затряслись. Эти злобные духи, эта бестелесная хлябь изо дня в день, из ночи в ночь отравляющая ему жизнь — упаси небо!

Одиночная камера! Кажется, я никогда не была так счастлива! Чего нельзя было сказать про горцев, к которым подселили еще троих соплеменников, разгрузив для меня смежную с мамашей камеру.

— Не загнись тут! — приказал мне темный, собираясь уходить. Понимая, что это последняя возможность что-либо узнать, я задала так мучавший меня вопрос:

— Фицион... Что с ним будет?

Заклинатель молча отвернулся от меня и вместе с надзирателем удалился.

Глава 3

Честность — лучшая политика,

если, конечно, вам не дарован талант убедительно лгать.

Джером Джером

Мрачная, пропитанная смрадом действительность, обрушилась на мою голову. Узники сыпали вопросами, чередуя их с фривольными шуточками и утробным смехом. Хотя, уж лучше так, чем молчаливые горцы, пожирающие меня голодными взглядами так, словно перед свирепыми хищниками, которых держат на одной бобовой похлебке, вдруг повесили кусок свежего сочного мяса. «Кусок мяса» мечтал, чтобы про него все забыли. Большую часть дня «он» провел сидя на скамье, не двигаясь и не раскрывая рта, лишь изредка поднимал голову и с ужасом поглядывал на ведро, оставленное «ему» в углу.

Узники все же потеряли ко мне интерес, но не успела я порадоваться тишине, как была жестоко атакована мыслями. Навязчивые голоса шептали мне ужасное, заставляя изнывать от чувства обреченности, неотвратимости страшного конца. Сознание вновь и вновь транслировало картину моего поражения, рисуя изуродованное Советом мертвое тело, мое тело, застывшее лицо с гримасой боли, мое лицо, мою вскрытую грудь и оттянутую крючками кожу, мое небоьющееся сердце...

От жутких видений отвлек голод. Я и не заметила, как стемнело. Нетронутая с обеда миска с полбенной кашей осталась мне и на ужин. Пришлось давиться недоваренными, еще и плохо обшелушенными зернами.

Ночная прохлада сочилась через толстенные прутья решетки. Незаметная глазу, но ощутимая нежному телу она забирала тепло и смиряла дух заключенных. В попытке немного согреться, я стала мерить тесную клетку шагами. Вскинув голову, я всмотрелась в прорезанные металлом очертания луны, отбрасывающей вилы теней на каменный пол.

Мы были вдвоем, только я и луна, одетая в неподвластную мне маску спокойствия.

Кто я такая? Девчонка без имени и рода.

Что заставило моих родителей отречься от меня? Маленький сверток, оставленный в крошечной тьме на берегу реки, был обречен на гибель. Волею небес я выжила. Ребенок с иным даром — проклятое дитя...

— Как же здесь холодно... — тихий шепот сорвался с замерзших губ, в то время как голова закипала. Как мне скрыть свой дар от менталиста? Как обмануть человека, чей жизненный опыт превосходит мой, а сила позволяет просматривать картины чужого прошлого?

Ответом мне вновь стала неизвестность, что сквозняками гуляла по камере, обнимая мои плечи и пробирая до костей.

Я услышала приближающиеся по коридору гулкие шаги. Из темноты вынырнул огненный сгусток и осветил испещренное морщинами лицо сутуловатого зрителя, проходящего мимо моей камеры. Я проследила за игрой света, который заставил отвергнутые тени решетки вскинуться подобно волшебным веерам и растаять на моем полу. Зритель обернулся и взмахом руки отбросил огненный сгусток. Тот прыгнул за решетку, замер возле моего лица, заставляя сощуриться от обилия света и тепла.

— Мать честная, это что еще за подкидыш? — в явном замешательстве произнес вновь заступивший на смену. — Ты чего здесь забыла?

— Я бы охотно покинула это место... — простучала зубами я.

— Охотно верю! — оборвал он. — Вот только всевидящим виднее кому и где находиться.

Я открыла рот, но не найдя что сказать, просто его захлопнула. Мы так и стояли, сверля друг друга взглядами, пока он не ушел.

Однако зритель вскоре вернулся. Постоял немного, помялся, словно раздумывая над чем-то, а после кинул мне какой-то сверток.

— Кожа у тебя, как у щипаного цыпленка, — вымолвил он, наконец. — Держи. Мне пока без надобности...

— Спасибо, — поблагодарила я и проводила взглядом резкий темный силуэт в ореоле мягкого света.

Одной мысли о тепле хватило, чтобы на тело накатила сонливая усталость. Не раздумывая, я расправила удлиненную мужскую куртку, немало повидавшую на своем веку: большая часть застежек по центру была утеряна в темных коридорах замка, подкладку доедала моль, а пояс вышоркался, но сохранил былую прочность. Сказать, что куртка была просто старой — сделать ей незаслуженный комплимент, но мне выбирать не приходилось. Укутавшись в подачку с головой, я улеглась и закрыла глаза, стараясь ни о чем больше не думать.

Я и не заметила, как провалилась в сон.

В ожидании встречи с менталистом я провела в камере чуть меньше суток.

Наутро нам огласили список. Я понимала, что благодаря снисходительному отношению темного, мое имя в нем стояло первым, но чувства признательности за оказанную услугу не было. Пусть лучше я буду измучена голодом и выжата гаданием о своей дальнейшей судьбе, чем вот так спросонья идти «в бой». Да я по утрам еле встаю — голова ватная, в глазах туман и этот сумеречный свет... он меня просто вырубает.

В сопровождении двух зрителей я спустилась на первый этаж и вошла в комнату без окон. Единственным источником света здесь был врезанный в пол слепящий обруч, в центре которого внушительными болтами были ввинчены в каменную кладку два стула. Я наскоро подправила свою иллюзию, высветив маску Роиль голубоватым металлическим сиянием. Я не знаю, почему сотканная мной иллюзия не способна была следовать игре света и тени. Разбираться в этом сейчас у меня не хватит ни ума, ни сил.

— Утро... доброе, — как можно доброжелательнее поприветствовала я.

— Ваше имя? — спросил менталист и указал мне на стул.

— Роиль Чансе.

Зритель закрепил мои браслеты, прижав их выемками к специальным креплениям в локотниках. Два отчетливых щелчка дали понять, что с места мне не сдвинуться.

— Тебе известно, кто я и почему ты здесь?

Я сосредоточилась и выдала не совсем чистое, но сердечное признание:

— А мне скрывать нечего. Они сами виноваты. Я их по-хорошему просила оставить меня в покое. Я их терпела. Долго терпела. Думала угомонятся, а они донимали меня изо дня в день, замечания делали: то я волосы не так заплела, то кровать не так заправила, то не с тем парнем дружбу завела... Все им не так было!

Менталист спокойно выслушал мою тираду и уселся напротив. Стоит заметить, что кроме двух стульев в комнате ничего не было. Какое-то время мы просто рассматривали друг друга. Высокий, весьма крепкого для его возраста сложения, и не очень интересный в штатской одежде, менталист показался мне человеком жестким, привыкшим находить правду, как бы тщательно ее не скрывали. Он вызывал страх, желание согнуться и накрыть голову руками, но руки были обездвижены. А еще казалось, что незаметно и тонко он срезает все маски, за которыми я пытаюсь скрыть истинное положение вещей, проникает в глубины сознания, отбрасывая ненужное. Но я не могла позволить себе сдаться, даже не начав боя. Я закрыла глаза и взмолилась небесным старцам, прося тех поскорее покончить со всем этим недоразумением. Хотя нет, поскорее они могут отправить меня только в ящик, пусть лучше не вмешиваются и позволят мне самой явить менталисту ту «истину», которая подарит мне желанную свободу.

— Мое имя Цонс Пицио, верноподданный Лариусского королевства, состоящий на службе у верховного магистра Мора Мисери-Цорсе. Уполномочен на расследование дел особого характера... — он прочистил горло и неожиданно выдал:

— Ох уж эти «призрачные дела»... Эти призраки как болезнь, многим искалечили жизнь.

Округлив глаза, я едва сдержала себя, чтобы не согласиться с ним.

— Должно быть, вы хорошо разозлили призраков, раз вынуждены сидеть передо мной в этой убогой кладовке? — заметил Цонс Пицио.

— Да уж, проявила прыть там, где не следует. А хуже всего то, что из-за меня пострадал мой парень, — призналась я и воспользовалась моментом: — Знать бы, что с ним теперь?

Вопрос остался без ответа.

— Роиль, я вижу, что вы напряжены и взволнованы, хотя стараетесь этого не показать. Будьте благоразумны. Если у вас действительно есть магическая вещица, способная влиять на жителей тонкого мира, сознайтесь.

Я поджала губы и опустила взгляд на браслеты, схватившие мои запястья в свой металлический плен.

— Роиль, посмотрите на меня, — он чуть подался вперед. — Я на вашей стороне. Иногда мы все совершаем ошибки... Признайтесь мне. Отдайте запретную вещицу. В моей власти сделать так, чтобы это место осталось лишь в вашем воспоминании.

На миг мне показалось, что передо мной сидит самый обычный человек, уставший от жизненных тягот, но я запретила себе верить его подкупающей искренности, в которой, к слову, так и не смогла разглядеть тайного умысла.

— Я не хочу, чтобы вы лезли в мою голову, — прошептала я.

— А я не хочу крушить ваше сопротивление своей волей, — серьезно ответил он.

Я вымученно улыбнулась.

— Поверните руки ладонями вверх. Физический контакт откроет мне путь к вашему прошлому.

— Я боюсь боли.

Пребывание в этом мрачном месте тянуло из меня силы. Хотелось сбежать, но я вынуждена была сидеть на стуле подобно деревянному идолу. Цонс Пицио, верноподданный Лариусского королевства, состоящий на службе у какой-то там верховной шишки, накрыл мои ладони, при этом его указательный и средний пальцы легли на запястья, прощупывая пульс, и сосредоточенно посмотрел мне в глаза. Одержимая страхом разоблачения, я не сразу поняла, что происходит вокруг. Не тронув нас, сидящих в центре светового обруча, растворились стены изолятора, оставляя вместо себя пустоту, из которой медленно, словно неохотно начали выныривать образы. Вскоре мы с менталистом увидели Роиль в обеденной зале. Она задумчиво ковыряла вилкой рыбный пирог с румяной хрустящей корочкой.

Столовая была забита адептами, и я порадовалась, что их броские, яркие одежды «забирают» внимание на себя, отвлекая взгляд от гигантских картин в костяных оправках. Конечно, я знала, что это не просто картины, а зеркала, которые остаются «слепы» ко всему, что происходит вокруг. Они ничего не отражают. Сейчас менталист на все смотрел моими глазами, и эта странность могла заинтересовать его, поэтому я быстренько «разукрасила» пустые зеркала всеми известными картинками. И каково было мое удивление, когда иллюзия удалась. Я в очередной раз убедилась: их хваленые браслеты блокировали все что угодно, но только не мой дар.

На этом экскурсия в столовую закончилась. Мы спустились в подвал и уже через мгновение стали свидетелями «призрачных посиделок». Господа тонкого мира развлекались игрой в карты, делились грехами своей далекой-далекой бурной молодости. Их губы шевелились, менялась мимика, но речи мы не слышали, чему я была

невероятно рада.

К тому моменту, когда призраки дружно обернулись и уставились на Роиль, я уже была готова выложиться без остатка и подменить не только действующих лиц, но и всю сцену целиком.

Я пригнула голову, словно перед прыжком, и когда Роиль крикнула беззвучное «стой» и метнулась к окну, я дернулась, словно пытаюсь освободить руки. Браслеты впились в запястья, сдирая кожу, но боль того стоила. Всего на мгновение менталист переключил внимание на меня, но этого мгновения мне хватило, чтобы...

— Потерпи немного, — пожалел меня менталист и продолжил просмотр, вот только перед его взором разворачивалась уже совсем другая картина.

Состряпанная на ходу идея, помноженная на понимание того, что изменить или переиграть сценарий будет невозможно, далась мне нелегко. Но когда я поняла, что сцену с плавающими призраками могу подменить сценой, в которой Роиль показывает свое умение подчинять воду, обман дался на раз-два. Я просто использовала способности Роиль, что было логично.

Первым делом я избавилась от камня. «Роиль» запустила его в разгневанного призрака, и, вздевая вверх ладони, призвала на помощь воду. Из приоткрытого окна тонкими нитями потянулись к ней прозрачные струйки дождевой воды, собираясь и сворачиваясь в клубок. Роиль раскинула руки в разные стороны, разрывая водяные связи, и резким взмахом разбросала искристые капли, заполнив ими тела призраков.

Призрачная дама с ужасом смотрела на своих собратьев, тела которых покрылись мелкими волдырями. Она поднесла к вороту сюртука руки и застыла, не отводя взгляда от своих пальцев, на которых «выросло» множество водяных пузырей. Неожиданно резко она засучила рукава и тут же попыталась стряхнуть с себя заразу. Из ее груди вырвался беззвучный стон. Мертвецки-бледное лицо исказилось судорогой, и дамочка, словно безумная, заметалась по комнате. Все попытки призраков остановить и успокоить ее были тщетными. Курильщик схватил ее за руку, но она отшвырнула его в сторону стола. Беспрепятственно пролетев сквозь стол, он исчез за стеной. Когда он вернулся, аристократ и старик уже скрутили рыдающую от отчаяния даму, метнули на Роиль злые взгляды и исчезли. Курильщик сплюнул, угрожающе ткнул в Роиль своей тростью, собираясь что-то сказать, но промолчал. Жестом отсечения головы, он провел тростью по своему горлу, давая понять зарвавшейся адептке, что ей крышка.

Картинка медленно растворилась. Думаю, после всего, что увидел Цонс Пицио, он поверит мне, и у него не останется сомнений, что уникальная вещица, способная влиять на жителей тонкого мира, не существует; что благородная дама, которая в прошлой жизни, видимо, скончалась в мучениях от лихорадки, не выдержала «повторения»; что конфликт между мной и призраками, усиленно раздутый с двух сторон, зашел слишком далеко, и сейчас я просто расплачиваюсь за свою глупую выходку. Однако менталист молча продолжал изучать уже пустующую стену, а во мне медленно росло беспокойство от мысли, что интуиция поможет ему распознать обман.

— Вот и все, — неуверенно подытожил Цонс, поднялся и распахнул дверь, словно ему не хватало воздуха.

Глава 4

Я знала, что обман удался, вот только документ об освобождении из-под стражи Роиль Чансе так и не поступил в изолятор. Душу точил червячок сомнений, медленно отравляя мой разум и поглощая спокойствие. Он раздувался, жирел за счет моих страхов и неведения. Ощущение, что весь мир отвернулся от меня, не покидало. Все попытки себя успокоить были тщетными. Если не сказать безнадежными!

— Ты смеешься? Камень? Ты поднял меня затемно, чтобы показать... камень?!

Посреди массивного резного стола лежал обычный серый булыжник.

— Нет. Я не шучу... Распорядись подать крепкий кофе и я все тебе объясню.

Вскоре маленькая женщина поставила на стол серебряный поднос с кофейным набором и испарилась так же незаметно, как и вошла.

— Я многое повидал за время службы и ко всему привыкший... Но такую странность я видел впервые... Хочу рассказать тебе про одну девушку, с которой не так давно работал, — Цонс поднес чашку к губам и глубоко вдохнул аромат, пригубил горячий напиток и аккуратно поставил чашку на стол. — Чистый, светлый взор, лебединая шея, музыкальные пальцы. Смотришь на нее и сердце кровью обливается...

— Что в этом странного? — спросил командор.

— Видишь ли, ей каким-то образом удалось разозлить призраков, обитающих в подвалах академии. Те решили проучить непрошенную адептку и, требуя возмездия, обратились в Союз.

— А Союзу какой интерес?

— Стражи Муарового клинка заявили, что якобы у нее есть вещица, способная растворять призраков и делать их толщиной в палец.

— И ты поверил? — скептически хмыкнул командор.

— Мне платят не за веру. Я должен был проникнуть в ее тайну...

Командор внимательно слушал старого друга и уже не торопил его, понимая, что времени на сон не остается.

— ...И вот что мне удалось выяснить: девушка способна подменять объекты. До сих пор голову ломаю, существует ли в реальности этот магический артефакт или нет. Если артефакт действительно существует, тогда выходит, чтобы извести духов нам больше не нужны врожденные способности медиумов. Хочется верить в это. Но верится с трудом... — задумчиво протянул он и встрепенулся. — Единственное, в чем я уверен, прошлое, которое она мне показала, лишено всякой правды... Девушка мастерски владеет своим даром.

— Будь она мастером своего дела, ты бы сейчас не сидел у меня в кабинете и не делился бы своими мыслями, — прозорливо заметил командор.

— Все верно, — Цонс Пицио одним глотком осушил свою чашку. Его взгляд был сосредоточен на камне. — Я хорошо знаю свое дело. Через световые кристаллы, впаянные в каменной кладке, я могу проецировать общую картину преступления. Но не стоит забывать, что всякое воспоминание узника подкреплено эмоционально и гашение этих эмоций сопровождается для меня сильнейшей головной болью. Так вот, в какой-то момент этих эмоций у девушки не стало! Совсем! Были просто выведенные на экран картинки.

— Так ведь степень эмоциональности у всех разная.

— Согласен, только я в состоянии уловить любые эмоции, но с ней все было иначе... Это как взять в руки увесистый камень и не почувствовать его веса.

— Говоришь, у тебя есть все основания полагать, что девушка «иная»?! — медленно, еще

не веря своим ушам, спросил командор. Остатки сна сняло как рукой.

— Ну конечно! И более того, я призываю тебя использовать ее, чтобы спасти свою дочь!

Цонс посмотрел на картину, висевшую на стене. С холста весело улыбалась маленькая Ликерия, дочь командора крепко обнимала свою мать. Художник запечатлел красавицу Ноэми, сидящую с дочерью в лазоревых волнах барвинка.

Ноэми была удивительной женщиной — нежная, хрупкая как первоцвет, и в то же время стойкая духом — она безоговорочно доверяла в своей жизни лишь двум вещам: слову мужа и своей интуиции. Ее уход стал ударом для всех. Тогда в нелепую случайность, обернувшуюся смертью, было сложно поверить. Как сейчас сложно смириться с тем, что единственному ребенку командора предстоит связать себя узами брака с могущественным королем лариусских земель, и ровно на год стать для него донором жизненной силы. Это сулило вечно жизнерадостной Лике долгую и мучительную смерть.

— Конечно, выкрасть «иную» задача не из легких, особенно после того, как Совет уже объявил о ее публичном сожжении на празднике Солнечной короны...

— Ты сдал отчет... — казалось, ничто на свете не способно было сломить дух командора. Ощущения, которые испытал Хонор в тот момент, были такие, словно его подхватил ветер надежды и от всей души приложил о скалу.

— Я не мог тянуть. Ты ведь знаешь, я у Совета на коротком поводке.

— За освобождением этой девушки маячит виселица. Это чистой воды... безумие! Изолятор защищен так, что и таракану не проскользнуть без ведома смотрителей. К площади ее сопровождают назначенные Советом мастера меча и магии, каждый с отличительными знаками. Десятка два, если не больше...

— Значит, остается сама площадь.

— Дохлое это дело.

— И все таки нам стоит рискнуть, — недвусмысленно дал понять Цонс, что он в деле.

В воздухе повисла некая недосказанность.

— Это не все? — спросил командор.

Менталист улыбнулся своей непроницаемой улыбкой.

— Не так давно я работал с сознанием одного дознавателя... Речь пойдет о мальчишке из рода Севере. Полагаю, ты с ним знаком?

— Сайрос Севере, — со злостью бросил командор.

— Он может быть нам полезен.

— Преследующее род Севере проклятие легло и на Сайроса, и ты это знаешь! — глухо отозвался командор.

— Успокойся, он не повторит судьбу своих предков.

— Сила, которой обладает Сайрос, требует от него предельного контроля над своими эмоциями. Любой эмоциональный взрыв приведет к выплеску огненной энергии. Вокруг него сгорит все, что может сгореть!

— Сайрос спокойно переносит стрессовые ситуации. К тому же он подготовлен к энергетическим перегрузкам! Поверь, он как никто заинтересован в том, чтобы Ликерия была с ним, — не унимался менталист.

— Да Сайросу самому нужна помощь, а ты хочешь, чтобы я просил его о помощи?!

На вопросительный взгляд менталиста Хонор раздраженно пояснил:

— Мальчишка затесался в контролируемую структуру, чтобы доказать всем и каждому,

что достоин породниться с родом Ригхестов, одним из древнейших и уважаемых родов.

— Твоя безупречная родословная в три тома способна за несколько минут вызвать острую резь в глазах. Хотя... благословить Сайроса и вписать его имя в массив имен твоих малоизвестных предков...

— Благословить союз худородного с Ликерией?! — взревел командор.

— Это станет хорошим вознаграждением за вклад мальчишки в общее дело. Когда все закончится, Сайрос увезет Лику как можно дальше от лариусских земель и только после...

Хонор бросил убийственный взгляд на старого друга. Старый друг поперхнулся словами.

— Сайрос справится — он толковый парень. Сделает все возможное или погибнет во имя любви, — после длительного молчания сказал менталист. — Узнице смерть заказана.

— Я и близко Сайроса к Ликерии не подпущу, — устало сказал командор и провел рукой по лбу.

— Как знаешь, — ответил Цонс поднимаясь.

— Цонс, подожди... Если обман откроется, наши головы полетят к ногам королевских псов.

— Хонор, дружище, я пожил достаточно. К тому же мигрень и так меня скоро доконает.

Глава 5

— Ну что, плясунья, не видать тебе свободы!

Я обернулась на слащаво-ядовитый голос. Рассвет, окрасивший небо в дымно-розовые цвета, мог подождать, а вот надзиратель, бесстыдные взгляды которого похотливо блуждали по моему телу изо дня в день, увы, нет. Несмотря на спутанные космы, успевшие позабыть гребень, запах невымытого тела и грязное платье, я продолжала возбуждать его интерес.

— Идем, поговорим о твоей дальнейшей судьбе... — подобрал брюхо, надзиратель вставил ключ в замочную скважину, но повернуть его не успел.

Понимая, что ждет меня, когда разговор закончится, я обратилась к своему дару, показав надзирателю, что угроза темного вполне реальна. Призраки с суровыми минами и белесыми браслетами на запястьях, выросли из каменной стены, словно старые трутовики. Все эти сущности как один уставились на тупого начальника, задумавшего неладное. Надзиратель икнул, вдавил голову в складки шеи и попятился. Его интерес ко мне сразу пропал.

— Я хотел... Знать я хотел может ты того... голодная? — заикаясь и опасно озираясь по сторонам, спросил он.

— Спасибо, я не голодна.

Надзиратель убежал. Я уселась на койку и обхватила голову руками. Почему меня не отпускают? Почему они медлят?

Девушка вихрем влетела в кабинет командора, хотела было что-то сказать, но увидев беловолосого незнакомца, одетого не по форме, в последний момент недовольно поджала губы и демонстративно скрестила на груди руки, дожидаясь, пока он смекнет, кто здесь третий лишний и изволит «очистить» помещение.

Мужчины уставились на нее, один с осуждением, другой с интересом.

Зная, что дочь упряма и не уйдет, пока не сделает то, зачем пришла, командор был вынужден закончить разговор словами:

— На этом все. Можешь начинать подготовку.

Незнакомец кивнул, вместо того чтобы отдать честь. Девушка нахмурилась, захлопнула за ним дверь, порывисто развернулась и подошла к столу отца.

— Ликерия?

— Отлеталась твоя Ликерия, — хлестнула словами девушка, упала в кресло и уставилась на темнеющее за окном небо с крупными ранними звездами.

По ее внешнему виду можно было понять, что она только что соскочила с коня и еще не успела привести дыхание в норму. Короткий волос растрепался, черные глаза горели огнем и опасными фантазиями, воплотить в жизнь которые в подобном состоянии ей не составит труда.

— К нам прибыл Мэдок — доверенное лицо короля. Мне придется покинуть поместье раньше планируемого срока. Как тебе такой подарок от моего супруга, папочка?

— Я слишком много времени отдавал работе.

— Что, прости? — не поняла Ликерия.

— Где твое воспитание?

— Трупу оно ни к чему!

— Не говори так, — устало попросил командор.

— Хорошо, — слишком быстро пошла на мировую Ликерия. — Пойду, засуну свои замашки куда подальше и помолюсь, чтобы королевские сапожки его темнейшему величеству не натерли.

— Ликерия.

— Да горб ему на спину, такой чтоб век неба не видать!

— Ли́ка! Прекращай сыпать оскорблениями, еще и в адрес самого короля!

— Хорошо, — с покаянной миной произнесла девушка и злорадно оскалившись, пожелала: — Да чтоб отсохло у него все!

Кулак, словно молот, рухнул на стол. Вместе с девушкой испуганно подпрыгнул и разлапистый подсвечник. Свечи мигнули и потускнели. Затихла и Ликерия.

— Твои слова отвратны, словно стрелы, пущенные неумелой рукой.

— Когда через год получишь мой хладный труп для отпевания, тогда и расскажешь ему про стрелы.

— Замолчи! — взревел отец, отчего девушка вмиг стушевалась и вжалась в кресло. Голос у командора был раскатистый, сильный и способен был перекричать рев прибоа в шторм, а от сурового рыка все просто шарахались. Может, поэтому ему так и не удалось вновь связать себя узами брака...

— Пойду-ка я домой. Не скажу, что была рада тебя видеть, но... хоть какое-то общение. Можешь не провожать, — Ликерия направилась к двери, но не успела сделать и пары шагов, как услышала грозное:

— Стоять!

Ликерия остановилась, скрестила на груди руки и с укором посмотрела на отца:

— Выходит у меня одна дорога — просто взять и смириться. Длительная мне предстоит прогулка на тот свет. И все бы ничего, только маячат впереди огни могильника.

— Мы не будем обсуждать это здесь!

— Но дома тоже нельзя. Там завелась «крыса»!

— Ли́ка, ты вернешься в поместье и будешь хорошей девочкой...

— Ты же знаешь, я не умею притворяться!

Командор поморщился, и хотел было продолжить, как за окном вдруг взвились дерущиеся лошади. Грубый окрик и удары хлыста прорезали воздух. Стражи бросились разнимать коней, но судя по крепким выражениям, получалось у них плохо. На мгновение командор и его дочь оставили тревоги, прислушались.

— Бурый снова лезет на рожон, — недовольно засопел командор. — И что за кличка у салтедской верховой?

— Он такой огромный и вечно ко всем задирается... Может у него комплекс? — девушка впервые за несколько дней свободно рассмеялась.

— Иди. Забирай своего бугая, пока он моим хребты не сломал. Каждый раз одно и то же. Ставь его отдельно.

— Тогда со скуки он будет сбрую рвать, — помедлив перед дверью, Ли́ка поинтересовалась: — Так что с моими сборами?

— Прикажи отложить на пару дней. Город готовится к празднику, не пропускать же его.

— К чему эти сложности? Просто позволь мне воспользоваться подарком дядюшки Инара, — взмолилась Ли́ка, воскрешая в памяти клинок, в котором пылала сама тьма, захватив и спаяв воедино все четыре стихии. — И станет все вокруг темно и пусто, —

пропела Лика.

— Не говори глупостей. Ступай и... Ликерия, я всеми силами пытаюсь найти выход... — командор вдруг замолчал.

— Дай знать, когда найдешь, — не оборачиваясь, сказала Лика и выскочила прочь.

Глава 6

Даже в самой худшей судьбе есть возможности для счастливых перемен.

Эразм Роттердамский.

— То, что вы просите — против закона!

— Думаю, столь щедрая награда сможет ослепить ваш взор на ближайшую четверть часа.

— У нее запрет на посещение. Указ от самого Совета, — мялся надзиратель, взвешивая в ладони мешочек золота, поворачивая его к свету то одним боком, то другим. — Допустим, я соглашусь... но камеру открывать не стану!

— И не нужно, — укоризненно произнес командор.

— И то правда, — выгнулся надзиратель, неуклюже пряча золотые. — Обходы узников совершаются несколько раз в день. Идемте, не будем терять времени.

Немногим ранее.

Сознание, угнетенное бесконечными копаниями в своих ошибках, взбунтовалось. Тупая боль сдавила виски. Хотелось просто взять и спрыгнуть с карусели беспорядочных мыслей, но на смену им пришли чувства, еще более ужасные и безжалостные. Укутавшись в ветхую куртку и свернувшись калачиком, я отбивала зубами рваный ритм. Морфей еще долго не желал впускать меня в свое царство. Едва мне удалось провалиться в спасительное беспамятство, как лязгнула дверь, и к мамаше в камеру поместили очередную заключенную. Жуткие, раздирающие душу крики окончательно лишили меня сна, и, услышав приближающиеся шаги, я резко вскинула голову. По ту сторону решетки стоял надзиратель, с притворной скорбью взирая на меня. Он объявил дату моей смерти и, нервно почесав вислую щеку, поспешил убраться в свою каморку до появления призраков.

Рассветные лучи беспощадно прорезали темноту, врезаясь в грешную землю. Небесная рана начала кровоточить, заливая тяжелые, придавленные к земле облака колдовской кровью. Бессильный перед мощью света мрак отступал, сея ужасные тени. Я стояла перед решетчатым оконцем, как перед иконой, и под жалобный скулеж встречала свой прощальный рассвет, ознаменовавший мой восемнадцатый день рождения.

Катарина нашла меня совсем крохой — месяц отроду. Отмотать этот месяц назад, и жители лариусских земель встретят светлый и добрый праздник Солнечной короны. Он-то и стал началом отсчета моего жизненного пути. Он же и станет его концом. Сжечь меня на площади в день моего рождения...

— Такое и врагу не пожелаешь.

Поморщившись от звука собственного голоса, я потянулась, разминая одеревеневшие мышцы. Ночной холод коснулся нежного тела. Поежившись, я затянула узлом пояс, в непонятном смятении задержав в посиневших пальцах его истертые концы. Казалось, разожми я пальцы, и мое самообладание рассыплется на осколки.

— Думай, Элин, думай! Другого случая уже не будет. Ничего уже больше не будет...

— От смерти меня избавит... только смерть! А еще счастливый случай!

Решение пришло мгновенно. Я рванула пояс из петель, куртка расползлась по полу черной лужей. Я покрутилась вокруг своей оси, внимательно осматривая место своего заточения. Взгляд зацепился за металлические прутья высокого окна, и я протянула руки к алому свету зари, вмиг подарившей мне надежду...

Гулкое эхо шагов возвестило о ступивших на этаж посетителях. Терять время было нельзя. Убедившись, что возможные свидетели моего колдовства спят, я вжалась в стену и скрыла себя за иллюзией камня. В итоге одна из стен моей камеры вышла на добрую

ладонь шире, чем все остальные, что было трудно заметить в сумерках. И это позволило верить, что у меня все получится.

Надрывный крик надзирателя расколол сонную тишину:

— Адское небо, она повесилась! Закрупа живо ко мне!

Смотрители тенью метнулись к лестнице, желая убраться куда подальше от брызжущего слюной начальника, который схватился за горло, словно собирался себя душить и захрипел:

— Да как же так! С меня теперь три шкуры сдерут! Отрубят голову и посадят ее на кол, а тело сожгут! Гореть мне в аду!

Узники, разбуженные криками надзирателя, вкладывали грязные пальцы в рот и оглушительно свистели, барабанили тарелками о металлические прутья, терзая слух всех присутствующих.

Командор взгляделся в бездыханное тело. Губы адепки посинели. Руги и ноги висели плетью, спутанная коса вместе с нежной девичьей шеей стала пленницей пояса, которого недоставало в петлях брошенной на полу куртки.

— Ты должен был это предвидеть и предотвратить! — заорал командор надзирателю. Такая нелепая кончина девицы заставила почувствовать себя обкраденным.

Надзиратель схватился за голову, продолжая стенать.

— Так меня подставить! Да я руки оторву тому, кто у нас тут такой жалостливый! Куртку ей дали... Это же прямое нарушение условий содержания заключенной! Денно и ночью муштруешь этих ослов, муштруешь, а они все равно ведутся на смазливую мордашку...

А в это время та самая смазливая мордашка упрямо ждала, что сейчас распахнут решетку и начнется суeta вокруг «ее тела», которая позволит незаметно накинуть на себя личину одного из смотрителей и сделать ноги. Но надзиратель с багровым от натуги лицом, судорожно сжимая связку ключей, в ожидании Закрупа метался по коридору, и не думая входить в мою камеру.

— Прежде чем приступать к процедуре мумифицирования ее тела, нам следует удостовериться в смерти, — неожиданно тихо произнес командор. Бедолагу надзирателя перекосило.

— У нее ж на шее петля. Она того уже... на небеса ушла.

— Вам известно, какой она обладает силой?

— Да ни одна сила не вернет ее с того света! А трупу плевать минутой раньше или позже его мумифицируют.

Милостивые духи, они вообще о чем? Стоило признать, что мой план побега трещал по швам, как старая, заношенная куртка.

— Я, как и вы, поверил увиденному, — командор задумчиво потер подбородок. — Однако мы имеем дело с «иной». И лучше бы нам убедиться в ее смерти, прежде чем ваш Закруп сработает своими жуками-сверлилами. Подумайте, что будет, если жуки впрыснут мумифицирующее вещество в еще живое тело... К тому же для проверки мне всего-то и нужно шесть ведер воды.

Надзиратель растерянно оглянулся. В поле зрения никого — удрали негодяи. Однако главное сейчас сохранить голову на плечах, даже если для этого придется принять навязанную ему роль носильщика.

— Где этих охламонов нечистая носит? — выругался надзиратель и, бряцая связкой ключей, отправился на поиск смотрителей.

— В любом случае я ничего не теряю, — тихо сказал Хонор, активируя перстень и накрывая нас пологом неслышимости. — Да и выбор здесь невелик. Либо вы

действительно ушли в лучший мир, а я всего лишь горем убитый отец, которого безысходность и неразумные мысли заставили выставить себя в глупом свете... Но если то, что я вижу, на самом деле не является правдой и вам каким-то образом удалось обмануть всех нас, тогда я искренне восхищен вашим мастерством. Более того, я готов приложить руку к вашему спасению. Но прежде чем я назову цену за свою помощь, я должен получить ваше согласие.

Командор замолчал в ожидании ответа.

Труп положено было молчать.

Не знаю, какие чувства испытывал командор, когда предлагал удушенной избежать прилюдного сожжения, я же подобное заявление сочла абсурдным. Что может заставить командора, верного долгу и кодексу чести, поступиться своими самыми строгими принципами? И ради кого? Какой-то девицы, которую он впервые видит... Это выходило за границы здравого смысла. Но, видимо, командору было важно убедительно лгать.

Когда надзиратель явился в сопровождении зрителей, поднявших на этаж три пары ведер, то застал Хонора Ригхеста уже в компании небритого Закрупа, любовно поглаживающего закрытый черный ящик.

— Ваши люди могут быть свободны, — объявил командор.

— Чего столпились, нерадивые? Пошли вон! — рявкнул надзиратель, нервно качая головой.

Командор неожиданно опрокинул ведро ногой, выливая колодезную воду на пол. Набежав волной на дальнюю стену, вода обожгла холодом мои ступни, отступила за решетку, и, облизав сапоги господ, утихла.

— Зачем это? — спросил надзиратель, недовольно топчась в грязной луже.

— Будьте терпеливы.

Командор поднял руку — и тысячи мутных капель взмыли в воздух. Щелкнул пальцами, и капли вытянулись, обретая форму лодочки. Резкое отбрасывающее движение рукой — водные жала отколоштели от двух стен и, прошив иллюзию, растворились в третьей. Командор не только наглядно показал, что удушенная является пустышкой, но и доказал, что я живее всех живых. Закрыв лицо, я закричала, когда на меня обрушился водяной рой, кусая и жаля со всех сторон. Извиваясь и корчась от боли, я выпрыгнула в центр камеры. Нога проехала по воде, и я рухнула в грязную жижу, куда надзиратель едва не уронил свою челюсть.

Горцы, припав к решетке своей камеры, дико и протяжно завывали.

— Раз в моих услугах больше нет нужды, я пойду... — Закруп перехватил поудобнее свой ящик с загадочным содержимым и, пока не оглох на оба уха, поспешил удалиться.

Я обхватила колени дрожащими руками. Концентрация моего внимания ослабла, иллюзия удушенной подернулась и пошла разрастающимися дырами.

— Ваше умение преображать реальность поражает! — сухо похвалил меня командор, когда от навешанной мной иллюзии ничего не осталось.

— Поражает-поражает, — передразнил надзиратель и взорвался: — Да она чуть не лишила меня разума! Да я едва не издох, пока ведра тягал! Кстати, вы почто шесть ведер просили? Использовали-то одно!

— Кто не умеет работать головой, работает руками... Выбор всегда остается за нами.

Я посчитала, что слова командора следует понимать двояко, и пока Хонор Ригхест не ушел, нервно закивала, то ли давая запоздавшее согласие, то ли сотрясаясь от холода.

Оскорбленный до глубины души надзиратель сплюнул.

Я заставила себя подняться. Мокрый подол облепил ноги, обжигая холодом. Игнорируя

пристальные взгляды горцев, я рухнула на койку и закрыла глаза. Сил не осталось даже на надежду.

— Вставай, плясунья, негоже заставлять ждать свой народ, — заржал надзиратель и, не дав мне опомниться, кивнул смотрителям.

По приказу начальства меня, словно безвольную куклу, поволокли по коридорам следственного изолятора и вывели во двор, где мою скромную особу дожидался совсем нескромный эскорт.

— Впечатлена? Ничегошеньки для тебя не жалко! — слащаво-ядовитым голосом пропел надзиратель и облегченно вздыхая, от всего сердца пожелал: — Ярким пламенем гори, тварь ты этакая! Чтоб от тебя и пепла не осталось.

Внутренний двор изолятора давно не видел такого количества мастеров меча и магии, облаченных в боевые доспехи. Их мощные кони, безропотно подчиняющиеся всадникам, казались монстрами. Спокойные и выносливые, они достигали в холке двух метров, и каждый из них был способен с наскока опрокинуть десяток солдат. Всадники образовали живой коридор к черной крытой повозке, которая походила на неподъемный вычурный гроб на колесах. От днища к основанию крыши тянулись изрезанные символами рога, обрамленные дюжиной магических заклинаний. Упряжных не было видно, но я была уверена, что взнуздали выносливых меринов, чтобы безо всяких казусов доставить заключенную к месту казни. «Небось, и на их шеях болталась куча магических безделушек» — только подумала я, как меня, словно куль с мукой, впихнули внутрь повозки. Дверь захлопнулась, отрезая лучи утреннего солнца, отряд двинулся в путь.

— Трогай! — заорал лошадям возница и взметнул кнутом, обрушивая его на крупы меринов.

Слабость неподъемными цепями сковала мое тело, неподвижно лежащее на ворохе жесткой соломы. Дыхание становилось все реже и натужней. Безысходность и отчаяние, словно яд, впрыснутый в мою душу, транслировали пламя, пожирающее мое тело...

Я и не заметила, как контуры ужасных видений смягчились, пока не растворились полностью. Отступили холод и боль.

Передо мной, словно в зеркале, возникла деревенька. Лучи света ярко освещали крыши низеньких домов, и, пробиваясь сквозь кроны фруктовых деревьев, игриво скользили по земле, прогоняя тень, в которой я стояла. Я протянула руку к странному отражению и осторожно коснулась живой картинке.

Неожиданно сердце наполнилось ликованием, а душа воспряла новыми силами — стоило понять, что я стою на пороге родного дома. Я знала, что там, за дверью меня ждет мама. Я представила, как протяну ей руку и, легко шагая навстречу «уже виденному», упаду в объятия «уже пережитого». Вместе с Катариной я буду вновь изучать еще неосмысленный мой дар иллюзии, стряпать пироги и кормить наших кур. Уже сейчас я понимала, что не смогу отпустить дорогие сердцу мгновения детства: где в воздухе витает запах меда и парного молока, где под тихую песенку Катаринины кружит гончарный круг, преображая ком глины в красивую узкогорлую вазу. Я смахнула слезу, представляя, как окликну маму, как брошусь ей навстречу и упаду в ее объятия, целуя родные, измазанные в глине руки. Мама тепло улыбнется в ответ и с нежностью прижмет меня к груди. И ничто на этом свете меня не вернет, никто не вырвет из лап химеры под названием Безумие! Я с упованием делаю шаг к двери, готовая ее распахнуть, как мне на плечо опускается чья-то рука. Я оборачиваюсь и...

«Выбор всегда остается за нами», — говорит командор, прожигая меня сердитым взглядом и вызывая странную оторопь. Он исчезает, не проронив больше ни слова, но унося с собой обманчиво прекрасное видение.

Я открыла глаза и нашла в себе силы перевернуться на спину. Какое-то время бесцельно смотрела в потолок, неохотно возвращаясь в реальность. Туман в голове рассеялся, во рту оставив неприятный, чуть сладковатый привкус.

Внезапно тяжелую повозку сильно тряхнуло. Раздался жуткий выламывающий звук, после чего всей своей мощью чертов гроб «носом» вбил в землю. Меня кинуло к

передней стенке и на время оглушило. Лошади остервенело били копытами, терлись друг о друга взмыленными боками, издавая надсадные хрипы, но сдвинуть махину были не в силах.

Когда лошадей успокоили, я прилипла к одной из щелей. Из грязно-серого облака пыли удалось выловить крупы коней, напряженные спины всадников, обнаживших лезвия мечей, и магические пентаграммы, зависшие мерцающей паутиной в воздухе. Вскоре картина сложилась: маги окружили повозку плотным кольцом и приготовились к бою. Вот только горизонт был чист, разве что привлеченные шумом жители предместья опасливо выныривали из-за своих заборов и с любопытством разглядывали накренившуюся повозку в окружении боевых магов.

«Вот он — шанс на спасение!» — подумала я, суетливо подползая к другой стенке и нервно припадая к ничтожной полоске света.

— Да где же вы, мои спасители?

Я припала к третьей стенке, но и здесь меня ждало разочарование. Если меня кто-нибудь и собирался спасать, то делать этого почему-то не торопился...

Я отпрянула от стены и устало завалилась на солому, прислушиваясь к голосам.

— Четверть часа на устранение поломки! — скомандовал главнокомандующий.

Стражники без труда определили поломку и вскоре отчитались главному:

— Ремонт невозможен! Ось разорвало в районе шкворня.

— Не выдержала нагрузки, — уточнил кто-то, отряхивая руки.

— Как не выдержала? Вот если бы мы оси из обычного бруса изготавливали — тогда да, не выдержала. А у нас оси из металла! В лучшей кузне ковались... — изумился возница.

— На что намекаешь? — недобро спросил главный.

Возница прикусил язык, вдавил голову в плечи и только натруженные пальцы, мусолившие вожжи, выдавали его напряжение.

— Ну и как мы провезем девку через городские кварталы? — низким голосом спросил кто-то, зачехляя оружие.

— Свяжем по рукам и ногам, да через луку перекинем... — хохотнул кто-то в ответ.

«А дальше что? Выбор-то у вас небольшой. Если решите перевозить «иную» таким способом, то учтите, что народ как только поймет, чей тут зад выше головы поднят, дожидаться казни не станет и, желая выслужиться перед Советом, забросает меня камнями. Скольких горожан искалечит ваша магия, сколько голов снесут ваши клинки, сколько костей раздробят копыта ваших «монстров», прежде чем вам удастся усмирить толпу? Конечно, есть и другой вариант — вернуться в изолятор за новой повозкой. Время уйдет на запряжку коней, да и на обратный путь. Вы заставите представителей Совета ждать, а они не оставят это безнаказанным и в показательной казне весь ваш отряд отправят к праотцам. И зрелищно, и остальным уроком послужит. Так что ты выберешь, главнокомандующий? Какое решение примешь?» — с отчужденным спокойствием мысленно спросила я.

— Солов, вернешься в изолятор! Повозка должна быть здесь не позднее двенадцати! Сарки, ты на площадь Угольного клейма! Предупредишь о задержке. Остальным сохранять свои позиции, — раздал команды главный.

Всадники умчались. Все замерли в ожидании — казалось, даже кони соляными столбами вросли в землю, не смея лишний раз бряцнуть удилами. Не пошло и четверти часа как напряженную обстановку разрядила голосистая песенка. Сразу стало понятно, что распеваящий не имел ни слуха, ни голоса, да и часть рифм была им успешно забыта. Однако настроя это не сбивало, и рифмы, которые не удавалось вспомнить, он стряпал на ходу, а то и вовсе заменял их колоритным ругательством.

— Тпрууу, — оборвал возница свое фальшивое пение, когда главнокомандующий на вороном заступил ему путь и приказал своим бойцам:

— Сажайте девку к нему.

Грузный мужичек с ранней лысиной затравленно огляделся и выдал:

— Мне же в другой конец города нужно. Я же на «площадь Спасительного круга» еду. С этой вот... — оттопыренным большим пальцем он показал себе за спину, на деревянную коробку, в которой перевозил узницу.

Не успела я и глазом моргнуть, как меня подхватили и словно котенка перебросили в другую повозку.

— Ненавижу, — простонала я, с трудом приподнимаясь на локтях.

— Но... — заволновался возница. — Нам ведь не по пути!

— Один черт на казнь. Трогай давай, а то терпение у посвященного кончится!

Тот чертыхнулся и выдал бодрое «н-но».

Лошади сорвались в галоп, наверстывая упущенное время. Повозку трясло и кидало из стороны в сторону. Я клацнула зубами и подняла голову. Напротив меня сидела женщина с подбитой физиономией и в точно таких же браслетах. Было видно, что немытую шевелюру она, как могла, расчесала пальцами и собрала на затылке в пучок, зафиксировав его зеленой лентой. Ее взгляд был устремлен на меня, при этом уголки ее рта были презрительно опущены. И хотя мы находились в одинаковых условиях, но сочувствия друг к другу не было; а было у каждой из нас свое... темное прошлое, ставшее роковым пропуском на площадь Угольного клейма.

Однако если первую ждала неизбежная смерть, то судьба второй была под большим вопросом...

Глава 7

Счастливым случаем недолго ждет.

Пиндар.

Подъезжая к городу, лошадей перевели на шаг, и мы, наконец, смогли не только спокойно вздохнуть, но и перекинуться парой фраз.

— Столько охраны у тебя в сопровождении... — удивилась моя соседка. Неожиданно она заорала, всем телом вжимаясь в стену деревянной коробки: — Ты-ы! Ты... адское отродье...

— Серьезно? — улыбнулась я.

— Это про тебя шептались узники... Про тебя...

— А ты каждому шепоту веришь?

— Я знаю, что это ты! Ты! — упрямо твердила она, тараща на меня глаза.

— Ну я. Ты бы успокоилась... А то сожру! — пригрозила я, устало запрокидывая голову.

Чем ближе мы приближались к площади, тем медленнее двигалась наша повозка. Хмельная толпа обступала нас со всех сторон. Сотни орущих прихожан, укрытые тенью полотен, протянутых через всю улицу, осаждали торговые лавки. Женщины в ярких головных уборах угощали гостей праздника вином, а девушки в самодельных венках из шишек и ягод зазывали отведать праздничные лепешки. Какой-то пьянчужка едва не попал под копыта всадников. Бедолагу едва успели оттащить за шиворот, за что он получил несколько ударов плетью.

— Всю жизнь мечтала попробовать вино из белой ловелы, — неожиданно призналась соседка. Припав щекой к островку света, она с завистью наблюдала за сытыми и довольными горожанами. — Хотя, к черту эти аристократические изыски, мне хватило бы и яблочного сидра, да под лепешки, а они вкуснее всего, когда обжигают пальцы. М-м-м... — она облизнулась, и наши желудки не сговариваясь заурчали.

— Есть хочу, аж нутро сводит. Вот помилуют в честь большого праздника — вернусь домой... — соседка предавалась мечтам, с пылом и жаром рассказывая мне, чем еще она будет чревоугодничать, когда все лепешки у нее кончатся. В ее меню были и тушеная в собственном соку свинина вприкуску с мочеными яблочками, и зажаренная целиком птица, и высушенная на солнце озерная рыбка, и даже топленое сало. А что? И вкусно и питательно!

— А вот сыр даже пробовать не буду! Видела однажды, как его размельчали молотком, настолько твердым он был! И обязательно вино. Второго или третьего отжима — не важно, добавить специй и можно пить...

— Я нормальной еды с лета не пробовала, — жаловалась она. — Гляди, как отощала!

«Действительно отощала» — подумала я и стала расплетать косу. Скрутив волосы спиралью, обмотала их у основания и закрепила крепкими соломинами. Действия мои были медленными, но уверенными. Всеми правдами и неправдами я вознамерилась вытащить себя из этого «кошмара». И почти сразу возникла проблема весьма пикантного характера. Все дело в том, что моя соседка была одета в мужское платье. Ее ноги обтягивали брюки, тогда как на мне были широкие панталоны с рюшами чуть ниже колен. Решить эту проблему я могла только полностью обнажившись.

Повозка стала двигаться совсем медленно, и я поняла, что мы подъезжаем к площади. Обнажаться совсем не хотелось, но гореть в адском пламени не хотелось вдвойне. Собственно выбора у меня не было, и я принялась стягивать мокрое платье, чем привела соседку в недоумение:

— Чего это ты? Девочки меня не интересуют! — засуетилась она, округляя глаза.

Я едва успела стянуть с себя панталоны и похоронить их в соломе вместе с платьем, как повозка остановилась. Несколько магов спешили и направились к нам.

— Бесстыдница, — запричитала соседка и, не скрывая отвращения, добавила: — Дура пустоголовая! Решила позабавить народ своим юным телом или надеешься разжалобить вековечных? Тебе надеяться больше не на кого!

— Не на кого, — согласилась я и вдруг схватила ее за волосы и опрокинула на пол.

Не ожидавшая такой подлости, говорливая баба подскочила и мощным ударом в живот отшвырнула меня в угол. Я не удержалась и упала навзничь.

— Ну ты и тварь, — заорала она и кинулась на меня с кулаками. Удары в лицо и по ребрам были слишком болезненны. Я не выдержала и закричала. Рывком отворилась дверь повозки. Яркий свет ударил в глаза, и невероятно могучая сила раскидала нас по разным углам.

Я вымученно улыбнулась и с трудом разжала пальцы, роняя в ворох соломы зеленую ленту. «Я все же успела. Успела поменять нас местами еще до того как к нам ворвались маги, а главное успела растрепать тугой пучок на ее затылке, который не смогла бы скрыть за иллюзией распущенных волос Роиль. Успела!» Еще мгновение и мощная рука в кожаной перчатке с защитой из мелких чешуек выдернула меня из повозки и волоком потащила в сторону высокого помоста.

Перед взором мелькали разноцветные пятна. Это жители города, разодетые в красочные наряды по случаю праздника, все как один смотрели не на меня, а на «иную», которую волокли к столбу. Тут же в голове что-то щелкнуло, словно включили звук, и я услышала ее истошные крики:

— Я не та! Не та! — кричала «Роиль», срывая голос. — Это она должна гореть! Она! Это все ее колдовство! Вы не можете так поступить со мной! Я невинна! Отпустите меня...

«Роиль» отчаянно сопротивлялась, не давая надеть на себя рубаху, пропитанную серой.

— Бездушная тварь! Будь ты проклята! Вековечные покарают тебя! Обрушат свой гнев на твою голову! Разрушат твою жизнь! Изуродуют твоё тело! Ты заплатишь за все! — орала она, чередуя проклятия с безумным смехом.

Поднимаясь по ступеням помоста, я вздрогнула и обернулась к «Роиль», кристально голубые глаза которой полыхали ненавистью и отвращением. Через мгновение она уже пыталась выцарапать глаза стражникам.

— Убери от меня свои руки, мразь! — выплюнула она заковавшему ее магу и ногами оттолкнула его от себя, на миг повиснув на цепях, которые проходили под грудью, намертво приковав ее тело к столбу. Больше она ничего не успела сказать, на ее голову опустился тяжелый кулак. «Роиль» вскрикнула и обмякла. Площадь накрыл изумленный гул голосов.

Посчитав, что другого случая обезопасить себя не будет, я наглядно показала всем, кто из нас двоих владеет проклятой магией. Я запеленала неподвижное тело «Роиль» в светящийся кокон, свитый из лучиков света. Все выглядело так, будто лишившись сознания, она утратила контроль над своей силой и больше не могла сдерживать особое излучение энергии. Эти тонкие энергетические вихри, закручивались вокруг нее, наполняя ее ауру белым сиянием, что и вызвало волну изумления у всех, даже у дремов, которые не были причастны к магии и не владели иным зрением.

Площадь гудела, работяги укладывали столб сухими дровами и вязанками хвороста, а всадники, выстроившись в две шеренги, сдерживали горожан, желающих подойти ближе, чтобы насладиться зрелищем мучительной казни. Я преодолела последние ступени и в образе своей подруги по несчастью, предстала перед посвященным. Жестко и непреклонно из-под нависших век смотрели его широкие, поглотившие почти весь белок зрачки. Невысокое холеное тело плотно облегал выбеленная тога с расшитым платиновой нитью орнаментом. Шею оттягивал амулет со знаком «истины», который давал своему обладателю право удостоверять небесную волю и мирской закон. Выбритая голова, лицо, лишенное бровей и ресниц, — были основным отличительным признаком

всех посвященных, высших носителей власти. Мне следовало выразить свое почтение, но я не смогла. Не смогла преклонить голову перед представителем Совета Судеб, который испокон веков истреблял моих братьев и сестер по силе.

— На колени, — раздался басистый голос за спиной, сразу за которым последовал удар. Я рухнула на колени перед посвященным Совета Судеб так низко, словно готова была целовать его ноги в плетеных сандалиях.

Раскинув в стороны руки и приветствуя всех собравшихся на площади, городской глашатай выступил вперед:

— Испокон веков лариусские земли имели преимущество! Благодаря вечному правлению нашего короля БегГара Шампуса и вечным скалам в королевстве царит мир и спокойствие. Мы растим своих детей в любви. Мы занимаемся ремеслом, возделываем поля и собираем урожай, торгуем. Мы народ, обретший мир в своей душе! Но! — глашатай замолк, взгляд его упал на «Роиль» и он продолжил, пробирающим до костей голосом:

— Каждый из вас хоть раз слышал ту страшную историю, дошедшую к нам из-за океана. На зов «иной» прилетит одинокий ворон, не имеющий тени. Слуга ночи и сила иной откроют врата глубин ночного мрака. И вырвутся на волю огромные змеи, и укроют они черными крыльями землю, и погрузят ее в смертный сон. «Иные» — зло! И если сегодня мы жалимся над ней, то уже завтра... она будет плясать на наших трупах.

— Смерть «иной»! — разорвал тишину крик.

— Сжечь!

Уже через мгновение площадь скандировала всего одно слово:

— Сжечь! Сжечь! Сжечь!

Глашатай ликовал вместе с толпой в ожидании, когда захваченная мстительной силой охмелевшая толпа, ринется к эшафоту с единственным желанием, разорвать на куски обездвиженную девицу. Всадники с трудом сдерживали коней, приученных грудью давить своих врагов.

— Да, страх велик, но мы в силах предотвратить гибель нашего мира! Жертвой станет «иная»! — уже орал глашатай, указывая на «Роиль», в которую из толпы полетел первый пульсар. Сгусток огненной энергии врезался в мерцающую пентаграмму и взорвался, опалив жаром лицо «Роиль». И пока «иная» не пришла в сознание, а ситуация не вышла из-под контроля, глашатай приказал:

— Привести приговор в исполнение.

Магические пентаграммы над эшафотом развеялись как дым, и огонь в одно мгновение охватил сухие ветки, подбираясь к ногам своей жертвы. Я заставила себя смотреть, как приходит в сознание «Роиль», как ее лицо искажает гримаса боли и она запрокидывает голову. Крик полный ужаса вырвался из ее глотки, отдаваясь звоном в моих ушах. Ее тело выгнулось, и железные цепи врезались в грудь. На мгновение она скрылась в густых клубах дыма, и рубаха схватилась огнем. От едкого дыма моя голова замутилась, но я упрямо продолжала держать иллюзию, пока хлесткие языки пламени не оставили от бирюзового платья лишь несколько черных оплавленных лоскутов.

Столб дыма еще вздымался в небо, когда глашатай взбежал на помост и, внезапно склонившись ко мне, тихо заметил:

— Повезло тебе. Казнь усечением считается гуманной.

— Значит... все уже решено?

— Что ты?! Твою судьбу будет решать народ, — простодушно сказал он.

— Народ? — прохрипела я, обводя туманным взглядом ликующую площадь. И горожане, и жители предместья находили в казнях удовольствие, видели в них глубоко символическое действие. Сказать по правде, в этот момент я сомневалась, что у меня есть

хоть малейший шанс на спасение.

— Тогда зачем...

— Сказал про обезглавливание? Ободрить хотел. Уж больно ты бледная. Того и гляди в обморок свалишься.

Глашатай тряхнул головой и шагнул к краю помоста.

— Жители Лариусского королевства, сегодня, в честь празднования Солнечной короны, мы даем вам право самим решить судьбу еще одной заключенной, — провозгласил он, указывая пальцем на меня. — Эта женщина с лживым раскаянием в глазах, совершила два гнусных убийства. Вместе с напарником в темном переулке она подкараулила торговца вином, намеревшись совершить крупную сделку, и перерезала ему горло, а после обчистила его карманы. Но, видимо, человеческая жадность победила разум и, прикарманив долю своего напарника, она, пользуясь магией земли, обрушила на него старую постройку, похоронив его под глыбами камня. Признаться, мне становится страшно от одной только мысли, что такие уроды, как она ходят по нашему городу. И все же... ее судьба в ваших руках! Вам решать даровать ей свободу, или же... смерть.

И тут он повернулся ко мне:

— Твое последнее слово?

Неужели на свете найдутся слова способные перевесить чашу, до краев наполненную праведным гневом? Еще я понимала, что как только я закричу, доказывая всем свою «правду», то осипший от простуды, но все же девичий голос вызовет подозрение. И начнется: «Эта песня хороша, поджигай сначала»...

Я скользила взглядом по зателившейся толпе, пока не закружилась голова. Опасаясь потерять контроль над своей иллюзией и предстать перед всеми в первозданном виде, я уставилась в одну точку. На остроконечном шпиле одной из башен, не столько представляющих охранное строение, сколько являющихся символом власти и величия сидел сизый голубь, к слову, олицетворяющий знак мира. На него-то я и смотрела.

Первой крикнула женщина:

— Смерть!

Вслед за ней раздался уверенный мужской: «жизнь» — что стало полной неожиданностью для многих, включая и посвященного. А поскольку тень его подозрения коснулась меня, посвященный дал едва заметный знак глашатаю, и тот поспешил «направить толпу в нужное русло»:

— Люди, помните, сознание этой женщины разъела черная гниль. В любой момент ее разум может помутиться. Что тогда удержит ее от преступления еще более ужасного?

— Жизнь! — голос в толпе прозвучал словно вызов. Я тут же отыскала его обладателя, о котором с уверенностью можно было сказать лишь две вещи: он был магом света и он был высок. Широкий капюшон скрывал его лицо, а длинный черный плащ — фигуру.

Глашатай сделал едва заметный шаг назад и, не оборачиваясь ко мне, спросил:

— Твой хахаль, что ли?

Безусловно, маги света были в почете. Толпа стала переглядываться, шептаться. Уже через мгновение хор голосов разделился на два лагеря, при этом первый брал большинством, а второй... какой-то удивительной слаженностью.

И что делают в таких случаях?

Посвященный Совета Судеб, за все время не сказавший ни слова коротко кивнул и глашатай тут же объявил:

— Вы приняли мудрое решение... казнить!

Стражники развернули меня лицом к палачу, бросили на пень и придавили голову

металлической перчаткой. Палач провел пальцами по лезвию секиры, и она запела свою стальную, жаждущую крови песню. Я вцепилась в грубую кору и скукожилась, словно старуха. Мне захотелось, чтобы все быстрее закончилось: голову словно набили опилками, а носом пошла кровь. Поддерживать чужой образ становилось все труднее. Сейчас мне уже было все равно, что они сделают с моим трупом, когда поймут кому отсекли голову: сожгут, заберут для детального изучения, или засушат и по частям распродадут ведьмам.

Мне уже все равно...

Свой прощальный взгляд я подарила стае голубей, которую спугнули с крыши одной из башен шум и гам толпы, призывающей палача поспешить. Голуби вспорхнули и разлетелись. Я закрыла глаза, мечтая также как они... просто вспорхнуть и... улететь.

Голубь — символ мира, жизни, надежды.

Милостивые духи! Немедля и мгновения, я нарисовала белого голубя, который скользнул над площадью, широко взмахнул крыльями и присел на занесенную над моей головой секиру. Я зажмурилась, боясь услышать удар страшной силы...

Безмолвная толпа изумленно ахнула. Я судорожно вздохнула и как младенец подавилась собственной слюной. Да... я снова успела!

— Это знак!

— Всевидящие благоволят ей!

— Жизнь, жизнь, жизнь... — всем вдруг ужасно захотелось, чтобы мне даровали жизнь, и посвященный был вынужден уступить:

— Да будет так.

С меня сняли браслеты, и я буквально сползла с помоста. Ноги, словно лишённые суставов, не желали меня слушаться. Все плыло перед глазами, и я уже едва различала незнакомые лица. Глаза смотрели словно через какое-то мутное стекло, лишённое красок. Сквозь размытые тени проступил светлый силуэт мужчины, и прежде чем я лишилась сознания, его плащ укрыл меня темнотой.

Глава 8

В сознание меня привел чей-то отдаленно знакомый голос:

— Ничего понять не могу. У больных людей аура блеклая и рваная. Очевидно, что ты не здорова, но твоя аура яркая и полностью обволакивает твое тело. А твой универсум воздушника, так вообще вводит в заблуждение. Ты не стихийница, — напряженно заметил всадник, сидящий за моей спиной, и пришпорил коня, который вразнобой шевелил ушами, настороженно ступая по поросшей диким вереском тропе, опасно петляющей между каменистых скал.

Я была не в силах выговорить и слова. Боль в горле, озноб и сильная слабость наполняли мое тело.

Вскоре всадник вновь прервал молчание:

— Когда я спрятал тебя от посторонних глаз, ты потеряла сознание, и твоя внешность... Она изменилась. Благо никто этого уже не видел.

Затянутое липким туманом сознание неохотно напомнило мне, что это мой спаситель.

— Даже не спросишь, куда я тебя везу?

— Лично принести в жертву небесным? — вымолвила я наконец.

С каждым шагом растительность становилась все скуднее, пока не исчезла вовсе. Проезжая под узкой природной аркой, я запрокинула голову, пытаюсь сфокусировать взгляд на «воротах», созданных ветром из камня.

— Если шутишь, значит не все так плохо, — мужское дыхание пощекотало мне ухо, и я опустила голову, впервые подумав о том, что человек, которого я знать не знаю, крепко прижимает мое укутанное в плащ обнаженное тело к своему.

— Должен предупредить, на твоём запястье браслет, который наполнен энергией света. При попытке к бегству я его активирую. Убить он тебя не убьет, но ощущение будет, словно рану прижигают раскаленным железом. Орать будешь во все горло... В общем, проверять не советую. И да, браслет может снять только тот, кто его надел.

— Ты?

— Я... Приехали. Дальше пешком, — объявил спаситель, одной рукой натягивая повод.

Спешившись, он осторожно снял меня с седла и также осторожно поставил на ноги.

— Моя госпожа, — придержав под локоть, он дал мне время справиться с головокружением.

Столь неуместное обращение позабавило, и когда приступ тошноты прошел, я неторопливо оглядела своего спасителя. Если попытаться описать его внешность в двух словах, то она больше подойдет злодею, чем прекрасному принцу на буланом коне. Его безразлично-покорная фраза: «моя госпожа» — никак не вязалась с застывшей на лице циничной усмешкой. Слегка прищуренные глаза выражали недоверие. Сквозь туннику проступали бугры мышц. О силе и выносливости говорило его оружие за спиной — пара одинаковых клинков, метр в длину каждый. Когда он привязывал коня, я смогла рассмотреть клинки, концы которых были загнуты в виде крюка, а в области рукояти с внешней стороны крепилась гарда в виде полумесяца.

Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Никогда не знаешь, что ждать от таких людей. Этаким грозный воин, который вооружившись парой крюков, способен бросить вызов льву и сразиться с ним один на один. Вот только я пока не знала, что он сделает после того, как одержит верх: совершит обряд захоронения или плюнет на окровавленную пасть льва и отправится на поиски следующего бедолаги.

— Мы рано. Поднимемся и подождем наверху...

Я закончила разглядывать опасного рыцаря и огляделась вокруг. Тропа привела нас к

застывшему в скалах древнему храму, и вот что удивительно, вокруг, насколько хватало взгляда, сплошной голый камень без единого деревца, единого кустика, единой травинки. Я вскинула голову и замерла, увидев то, что, по всей видимости, служило входом в храм — высеченную из скалы ужасающе большую голову рогоносного змея с длинными острыми зубами. От раскрытой пасти змея нас отделяли две сотни высоких неровных ступеней, каждая из которых обещала стать для меня настоящей пыткой. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что на преодоление всех этих ступеней мне потребуется гораздо больше времени, чем ушло на дорогу к мистическому храму...

— Будет гораздо быстрее, если я понесу тебя на руках, — не выдержал мой спаситель, когда геройски преодолев пятую ступень, я вновь была вынуждена остановиться, чтобы послушать барабанную дробь в висках и просмотреть безумный танец черных точек перед глазами.

Неожиданно воин замер и коварно ухмыльнулся.

— Только посмей... — я судорожно схватила ртом воздух, ощутив, как почва в прямом смысле слова ушла из-под моих ног. Меня схватили и перекинули через плечо... Тошнотворная тряска закончилась так же внезапно, как и началась.

— Сволочь, — обласкала я воина, сидя под открытым небом на круглой паперти храма и опустив голову в пол, лишь бы не видеть его наглой улыбки.

Сквозь тонкие нити паутины я смотрела, как лучи света скользят по скалам, похожим на крылья огромной птицы, как закатное солнце проливает золотой свет на небольшое озеро, рубиновые воды которого пленяют своей чистотой и глубиной. Несмотря на то, что мое тело нуждалось в уходе, купаться в кровавом озере, по берегам которого ничего не растет и в водах которого не водится рыба, очень не хотелось. Не слышала я и щебета птиц. Кругом царила сонная тишина, нарушаемая лишь недовольным фырканьем буланого коня, который бил копытом по камню, словно он мешал ему что-то разглядеть. Сердце билось ровно и спокойно. Но вскоре все изменилось. Дробь подков разрешила тишину, и уже через мгновение из-за огромного валуна вылетел всадник на гнедом красавце. Конь загребал передними ногами, уверенно преодолевая опасные участки узкой тропы. Розовые ноздри раздувались, грива ходила волнами. У самых ступеней конь резко затормозил. Широкоплечий всадник, чью голову скрывал капюшон, спрыгнул наземь, и, отбросив плеть, взбежал по ступеням.

— Что за черт! — глубокомысленно изрек незнакомец при виде меня, но тут же совладал с эмоциями. — Этого следовало ожидать. Поднимайся.

— На случай, если придется уносить ноги, — беловолосый сорвал с шеи амулет и протянул его незнакомцу, который рывком поставил меня на ноги.

Незнакомец взял протянутый ему амулет и, оставив на паперти воина света, повел меня внутрь, в раскрытую пасть змея меж огромных клыков, на кончиках которых смолой свисали багровые капли яда.

Храм дышал холодной гипнотической силой. Красные вены на стенах из черного стекла пульсировали в такт широким, разбивающим тишину шагам незнакомца. Ранее неподвижная тьма сейчас недовольно клубилась под ногами, извивалась, перетекала, изредка открывая взгляду небольшие прямоугольные ниши в полу, наполненные человеческими останками. словно проснувшись ото сна, по витым колоннам угрожающе медленно поднимались громадные черно-красные змеи. Окольцевав колонны, они склоняли головы и немигающими глазницами смотрели на нас, готовые в любой момент совершить смертоносный бросок.

— 3-зачем я вам? — тихо спросила я, стараясь держаться как можно ближе к незнакомцу.

— Помолчи.

В центре храма недвижимо стоял девятипалый призрак. Но стоило нам приблизиться, как он вдруг колыхнулся и обратил на нас змеиный взгляд.

— Пус-сть духи ваших предков с-спят вечным с-сном, — мягким шипящим голосом

поприветствовал он. При этом красные рубины глаз сверкнули возбуждением.

— Как можно?! Духи берегут нас.

— Не в этот раз-с-с...

— Мне необходимо связать девушку клятвой.

— Гос-сти ус-стали. Гос-сти будут с-спать... — колдовским голосом произнес призрак, глядя мне прямо в глаза. Огромный змей бесшумно соскользнул с ближайшей колонны на пол. Я почувствовала, как слипаются веки, а тело проваливается в мягкую перину темноты. Я радостно обняла мягкую подушку и сладко зевнула, закрывая глаза, как вдруг... Резкий пронзительный крик призрака выдернул меня из оков сна, а мягкая подушка дернулась в предсмертной агонии.

Во все глаза я смотрела на рукоять знакомого меча с двойной оплеткой, каждый конец которой украшали кисточки из шелкового шнура. И я знала, кому принадлежит этот меч! Осознав, что я все еще обнимаю истекающую липкой кровью отрубленную голову гада, прижимаясь к ней всем телом, я одернула руки и отползла к ногам мужчины. Это был командор! Сон как рукой сняло.

— У меня нет времени на твои игры, — сказал командор, вытирая лезвие о полу своего плаща.

— Мои дети голодны, — хладнокровно ответил призрак.

— Разве одного обезглавленного гада тебе не достаточно, чтобы накормить остальных? — командор перекинул меч из одной руки в другую и повернул острие к ближайшей колонне, которую обвивал самый жирный змей. — Как насчет этого?

— Ни с-сомнений, ни с-страха... — с досадой поморщился призрак. — Зачем пришел?

— Мне нужна гарантия, что произнесенная в этих стенах клятва будет исполнена!

— Будь по-вашему, — согласился призрак и взмахнул руками. Послышался звук удара в храмовый гонг. Мрак развеялся, словно с глаз слетела пелена, и я непроизвольно вцепилась в руку командора. Сотни громадных и крошечных змей заполнили пол всего храма. Их тела сворачивались кольцами и замирали. Глаза зажигались огоньками, и, отражаясь в черных стенах, освещали пространство багряным светом. Девятипалый призрак подлетел к невысокому постаменту с необычным сосудом, к которому по воздуху тянулись тонкие, как паутина нити-пуповины. В центре сосуда убаюканная в объятиях светящейся туманности искрилась капелька розового жемчуга. Рядом ждал своего часа кубок из змеиного рога, до краев наполненный какой-то жидкостью. Оправленный в серебро, он был покрыт незнакомыми мне символами, несущими в себе древнюю магию.

— Готова? — глядя вверх сосуда, обратился ко мне призрак и, не дожидаясь ответа, протянул кубок: — Впрочем, выбора у тебя нет.

— Яд? — спросила я, принимая кубок из призрачных рук.

— Чис-стая вода! — возразил призрак и осторожно извлек на свет ценное содержимое сосуда — розовую жемчужину, которая тут же с тихим «бульк» упала в мой кубок и растворилась.

— А вот теперь яд, — спокойно заметил он.

— Зачем? — зашептала я, обеспокоенно глядя на командора. — Зачем вы спасали меня? Чтобы привезти в это жуткое место и отравить?

— Ты не умрешь, — ответил девятипалый и повернулся к стене, возведя руки к черному своду. — Испокон веков храм Змеерогого выступал гарантом исполнения клятвы. Для нас клятва — это не пустые слова и даже не ритуальный акт, связывающий некими обязательствами. Клятва, данная в этих стенах — это проклятие, которое заставляет каждого быть верным своему слову до конца. Давая клятву в храме Змеерогого, ты призываешь в свидетели самого Аспида. Нарушая клятву, будь готова принять его

кару, — от зловещего, вибрирующего низкими нотами голоса меня передернуло.

— Что за кара? — спросила я, глядя в темноту, в которой растворялись пульсирующие нити-пуповины. Все сильнее становилось желание узнать что или, вернее, кто питает своей силой странный сосуд, в котором хранилась еще более странная жемчужина.

— Да будет милостив к тебе великий Змей, — туманно ответил девятипалый призрак.

— Исполнишь клятву и будешь свободна! — невозмутимо сказал командор.

— Что за клятва?

— Ты займешь место моей дочери и в назначенное время вместо нее пройдешь обряд сочетания, — ответил командор.

Выйти замуж! И все?! Так просто!

— Согласна! — выпалила я, совсем не заподозрив ловушки.

Командор приказал повторять клятву за ним, что я и сделала, но в отличие от Хонора, который говорил размеренно и вполголоса, я вынуждена была надирать глотку. Казалось, от моих слов пульсировал даже воздух:

— Я призываю в свидетели вездесущего Аспида и по своей воле произношу данную клятву... Я последую за Ликерией Ригхест и в назначенное время вместо нее предстану перед алтарем, соединяющим судьбы... Союз этот будет заключен с истинным магом тьмы...

— БегГаром Шампусом, — закончил командор.

Наши лица с девятипалым вытянулись, и, не сговариваясь, мы изумленно воскликнули:

— Что-о?

— Стать женой самого короля?! — растерянно переспросила я.

— Тебя приговорили к казне. Стать королевой куда более лучшая участь или ты думаешь иначе? — холодно заметил командор.

— На площадь я больше не вернусь!

— Закончи клятву!

— Клянусь, что спасу Ликерию от брака и вместо нее стану женой короля, — выпалила я, понимая, что иного выхода у меня нет.

— Ликерия должна покинуть лариуские земли.

— Моя сила не безгранична! — и не давая командору времени перефразировать свои слова, прокричала:

— Обещаю сделать все от меня зависящее, чтобы Ликерия покинула королевский дворец.

— Живой и невредимой, — добавил командор.

— Живой, — повторила я, считая, что этого будет достаточно.

— Пей, нам пора возвращаться.

Я пригубила. Безвкусная вода обожгла холодом больное горло, и я закашлялась. Девятипалый принял кубок и, повернувшись ко мне спиной, водрузил его на положенное место. Не глядя на затаившихся рептилий, словно подстегнутая невидимой силой, я кинулась в направлении сверкающих силой нитей, которые вели в темноту. Сложно объяснить, но с энергией, пульсирующей по невесомым словно дыхание пуповинам, я чувствовала какую-то связь. Эта связь не давала мне покоя. И когда у меня появилась возможность взглянуть на источник этой энергии, я добралась до него и всем телом

налегла на дверь, распахивая ее и утопая в клубах тьмы...

В следующее мгновение произошли две вещи. Перед моими глазами выросли огромные клыки девятипалого призрака, готового вонзиться мне в глотку. Тут же командор расколол амулет, и слепящая вспышка света лезвием ударила по наслоениям густой тьмы, но прежде чем обжечь глаза, она показала мне страшную картину...

Раздался нечеловеческий крик призрака, которого всплеск чужеродной магии заставил отпрянуть от меня.

Сердце испуганно замерло. Широко раскрытые глаза ничего не видели. Неожиданно меня подхватили сильные руки и закинули себе на плечо. Словно одержимая я принялась считать шаги, которые все больше отдаляли нас от гибели...

Свежий воздух ударил в лицо. Командор наконец-то спустил меня на землю. Понемногу пустоту перед глазами стали заполнять темные пятна, контуры которых сложились в границу меж скалами и небом...

— ...весьма необдуманный шаг! — распекал меня командор в то время как я, уронив голову на грудь, выживала на поверхность сознания пугающую картину, которую успела увидеть, пока вспышка света не ослепила меня. Мальчишка лет восьми. Его маленькое и хрупкое тело было окружено багряным ореолом, удерживающим его в подвешенном состоянии. По позвоночнику тянулись устрашающе-длинные иглы, выкачивающие из него энергию, с которой я и почувствовала странное родство... Вдруг пазл в моей голове сложился: энергия эфира! Ну конечно, мальчишка «иной»! Прозрачный сосуд, установленный в центральной зале храма, удерживал в себе энергию всепроникающего эфира, причем его концентрация была настолько высока, что эфир светился! И в этой светящейся туманности, словно младенца вынашивали... и тут мне стало дурно. Что же такое я проглотила? И во что это выльется?

— Выпороть бы тебя за такое самоуправство! О чем только думала?! — в ярости крикнул командор и неожиданно замолчал. Хонор Ригхест извлек на свет расколотый пополам амулет, который мгновением ранее спас нам жизни, и, повернувшись к беловолосому воину, протянул ему со словами:

— Хорошая была работа. Девчонку... — по сжатым кулакам командора я поняла, что одним своим видом вывожу его из себя. — Отвези ее к Мирте, она придаст ей должный вид. Встречаемся на рассвете.

Я смотрела в след командору и никак не могла подобрать нужных слов, чтобы описать чувства, которые к нему теперь испытывала.

— Жуткое место! Не будем задерживаться и мы, — сказал беловолосый.

— Жуткое, — с безразличным видом повторила я и обернулась. Тьма, затопившая храм, неожиданно расступилась, и я увидела растягивающего губы в змеиной улыбке девятипалого.

— Спасибо, — поблагодарила я, принимая помощь беловолосого воина.

— Не стоит, сегодня ты дала нерушимую клятву и только всевидящим известно, сколько тебе осталось ходить по земле.

Глава 9

«Я готов приложить руку к вашему спасению. Но прежде чем я назову цену за свою помощь, я должен получить ваше согласие», — я воскресила в памяти слова командора, сказанные им еще в изоляторе. Что ж, я дала свое согласие, а Хонор Ригхест сдержал данное им обещание. Конечно, все вышло совсем не так, как я ожидала — я до последнего верила в чудо, надеялась, что командор соберет преданных воинов и разобьет отряд магов, сопровождающих прекрасную деву на казнь. Прекрасная дева, наконец, обретет желанную свободу, перед этим отдав пустяковую плату за свою жизнь...

За свою детскую наивность я дорого заплатила!

Я выжила, однако стала скованной нерушимой клятвой. Я вынула из воды руки и взглянула на свои запястья, с которых не так давно сняли тюремные браслеты. Гладкая, без царапин и синюшных подтеков кожа дышала здоровьем и чистотой. Мирта просто волшебница! Хотя, чему я удивляюсь?! В ее венах течет кровь отшельников-друидов! Своими невыносимо горькими зельями и настоями на травах, словно крапива обжигаящими тело, она и бескровную поганку превратит в красивую бабочку.

После нескольких часов пыток, Мирта, наконец, дала мне немного времени на отдых. И сейчас я сидела в наполненной горячей водой бадье, разглядывая свое тело. Надобность в магической безделушке отпала, и маг света забрал свое украшение. Я не собиралась нарушать клятву, которую взял с меня командор, тем более после того как своими глазами увидела мальчишку с родственной мне магией. Страшная кара, постигшая его, ждет и меня. Дрожь пробежала по телу, и я решила, что у меня еще будет время подумать над этим. А сейчас...

Медленно оплывали свечи на края бадьи и лепестками лотоса опускались в воду. Вода светилась мягким светом, клоня в сон. Я закрыла глаза и плеснула воду в лицо, ведь Мирта предупредила, что времени на сон у меня не будет.

— Ничего, в дороге выплыву, — ободряюще сказала сама себе и вылезла из бадьи. Тут же дверь распахнулась и в мыльню вбежала курносая девчушка. Она закутала меня в простыню и отвела к госпоже, которая уже приготовила мне одежду на выбор. Я окинула взглядом выбранные Миртой платья из простой ткани, скучные расцветки которых навевали печаль, а строгий однотипный фасон вызывал недоумение.

— Чего застыла? Проходи, — добродушно позвала Мирта и тут же скомандовала зазевавшейся помощнице: — Тьюи, одень госпожу.

Курносая кинулась было выполнять поручение, но я остановила ее резким:

— Не покойница еще, чтобы меня одевали!

Суетливо зашнуровав корсет дорожного платья, я провела ладонью по рукаву, восхищаясь мягкостью ткани графитового цвета. Порадовала и жемчужная россыпь, едва заметно украшающая высокий ворот.

— Какие роскошные волосы... Густые, блестящие... Как можно прятать такое богатство?! — сетовала Мирта, заплетая обычную косу. После она покрыла мою голову платком и внимательно осмотрела со всех сторон. Мирта взяла баночку со смесью жира и придала блеска моим обветренным губам.

— Теперь ты мне нравишься! Идем, я приготовлю тебе чашечку крепкого кофе.

Внизу раздался громкий голос. Мирта велела Тьюи проводить гостя к нам, а сама тем временем приготовила еще одну чашку с ароматным напитком. Как только маг света переступил порог, Мирта решила оставить нас и, пробормотав, что ей нужно проследить, как пакует багаж, вышла.

— Ты как? — справился гость о моем здоровье.

— Мирта знает свое дело.

— По твоей ауре сложно судить о твоём здоровье, поэтому спрошу ещё раз. Как ты себя чувствуешь?

— Я безумно устала и хочу спать, так что нельзя ли перейти сразу к делу, — предложила я, оставаясь сидеть за столом. — Но прежде чем ты озвучишь мою роль в вашем гениальном спектакле и прежде чем мы отправимся в путь, я хочу знать, почему вы не устроили побег Ликерии до её отъезда в королевский замок?

Гость проигнорировал кофе. Он подошел к окну и уставился неподвижным взором на девичий силуэт. Помощница Мирты в свете факелов подкралась к его жеребцу, и пока работники беседовали во дворе, незаметно вплела золотую ленточку в густую гриву.

— Зачем мы ждем свадьбы Ликерии? — я повысила голос, чтобы привлечь внимание беловолосого.

Воин обернулся.

— В ауру Ликерии вплетен «черный клещ» — он позволяет БегГару следить за своей невестой, где бы она не находилась. Предугадывая твой вопрос, скажу, что для жертвы освободиться от этого плетения без летальных последствий невозможно. Снаружи «черный клещ» выглядит как тату, однако не все так просто. Все её энергетические поля прошиты черной магией, где малейший разрыв уничтожит энергетический каркас её тела.

— И плоть начнет отмирать, — догадалась я.

— Верно. Ни один из самых умелых «врачевателей ауры» не сможет поддерживать в ней жизнь сколь-нибудь долго. Не говоря уже об исцелении.

— Дай угадаю, снять этого «паразита» может только тот, кто его посадил?

— Не только, любой черный маг такого же уровня.

— Это значит никто кроме короля, — усмехнулась я и вдруг с ужасом спросила: — Вы планируете пересадить этого «паразита» на меня?

— Нам это не по силам. Да это и не нужно. БегГар сам его снимет, когда будет произносить клятву перед алтарем.

Я с усилием втянула воздух и прикрыла глаза.

— Клятва... из клятвы в клятву... меня уже воротит от этого слова.

Маг подошел ко мне:

— Нам пора, так что слушай внимательно: тебя зовут Айла. Ты из рода Акмидивен. Род настолько мал и незначителен, что сейчас про него уже никто не помнит. Ты единственный ребенок красавицы Лейи и охотника Дорана. Родилась и выросла в небольшом поместье в городе Эпирии — это север Себрийской империи. Столица Себрийской империи?

— Нериан.

— Хорошо. Так вот, ты не только ни разу не была в столице, но и за пределы поместья не выезжала. Всею виной слабое здоровье, которое вместе с красотой ты унаследовала от матери. Обучалась чтению, письму и вышиванию.

— Вязанию. У меня плохо получается вышивать.

— Будь по-твоему, — согласился беловолосый и продолжил: — Четыре года назад север Себрийской империи подвергся нападению, Дорана призвали защищать границу. Без твердой руки мужа Лейе пришлось уступить поместье городу под госпиталь. Лишившись дома и присмотра отца, Айла сгребла украшения матери и сбежала. Тогда госпожа Лейи наняла меня вернуть её единственную дочь. Из рассказов немногочисленных слуг было понятно, что Доран ничего не жалел для своего ребенка, и что Айле некуда больше идти, как к отцу на границу. Я сделал неправильный вывод и упустил время...

— Но ты нашел ее?

— Позже, да... по уши влюбленную, готовую отплыть на корабле в лариусские земли. Любовь обернулась для нее проклятием. Оказалось, что один из раненых, размещенный в родительском доме, напел ей дифирамбов и надоумил сбежать вместе с ним, так как ее родители не позволили бы им сойтись... Обесчестив девчонку, он бросил ее на корабле. Айла слепо верила в любовь этого подонка. Она продолжала верить и ждать, что он объявится даже после того, как обнаружила пропажу всех ценностей.

Я удивилась тому, что беловолосый буквально выдавливает из себя каждое слово.

— Несколько мучительно долгих месяцев я как мог, заботился о ней, поддерживая ее здоровье. С каждым днем ей становилось все хуже. Сухари, фасоль и сушеное мясо — не та пища, которая нужна больному ребенку... но все это в прошлом.

— Потому что вопреки твоим стараниям девушке не суждено было продолжить род Акмидивенов?

— Я сберег ей жизнь! — низким голосом сказал воин. Он собирался было продолжить, но до меня вдруг дошло, что это не просто легенда, ставшая плодом его воображения. Все в этой истории — правда! А значит...

— Почему ты не вернул Айлу домой, ведь ее мать заплатила тебе?! Почему оставил ее на лариусских землях одну? — воскликнула я.

— Не стоит заблуждаться на мой счет, девочка... — угрожающе произнес беловолосый, нависая надо мной.

«Слишком близко», — думала я, видя, как хищным блеском засверкали его глаза. Выставив перед собой ладони, я попыталась создать между нами дистанцию.

— Океан погубит ее! Не выдержит Айла путь на родину! Так что единственным верным решением было определить Айлу в монастырь, — сказал он, едва сдерживая раздражение.

На минуту воцарилась полная тишина и неожиданно для самой себя я изменила поведение: резко одернула руки и подалась ему навстречу, так близко, что наши губы едва не соприкоснулись.

— Кто ты? Какая роль во всем этом отведена тебе?

— Я Ориан — твой заступник, — сказал он и отстранился, позволив мне спокойно вздохнуть.

— Выходит, монастырь... — задумчиво вымолвила я, как тут же спохватилась: — но у меня нет никаких знаний о внутренней жизни монастыря! Да даже если потребуется, я не вспомню ни одного имени, не прочту ни одной молитвы и более того, даже не уточню ничего касательно монастыря, которому посвятила несколько лет своей жизни.

— Книга, с которой ты не должна расставаться, — он вложил мне в руки старый молитвенник. Я пролистала пожелтевшие от времени страницы, даже не пытаюсь вчитываться в текст. К молитвеннику были добавлены несколько рукописных листов, которые, по всей видимости, мне предстояло выучить и небольшой список с именами сестер, проживающих в обители.

— И что же заставило меня отказаться от духовного пути? — захлопнув книжечку, спросила я.

— Ты не отказалась. Ты вольна покинуть монастырь, — неожиданно воин насмешливо улыбнулся и словно невзначай обронил: — А послужить ближнему можно и за стенами обители...

Помогать людям, которые с фанатичным блеском в глазах напирали на организованную шеренгу магов, чтобы получше рассмотреть, как горит «иная»?! Видимо, на моем лице отразилась целая гамма чувств, что Ориан поспешил сойти с опасной темы «служения ближнему»:

— Пришло время, и ты взяла благословение у настоятельницы быть рядом с Ликерией и всячески поддерживать ее пока она не взойдет на трон...

— Что будет после...

— После Айла вернется в монастырь и примет монашество.

— Основательно вы все продумали, — выдохнула я, не сводя с Ориана глаз.

— Да, дело за малым осталось... — Ориан испытующе посмотрел на меня своими темными глазами.

Распрощавшись с Миртой, мы вышли из дома, оставив на кухонном столе две нетронутых чашечки кофе. Убедившись, что я удобно устроилась в карете, Ориан сорвал золотую ленту с гривы своего жеребца и бросил ее под копыта, тем самым игнорируя проявленные чувства помощницы Мирты. Вскочил в седло и направил коня к распахнутым воротам, за которыми меж островерхих крыш пробивались первые проблески зари.

Путь наш лежал к дому командора.

Осенний ветерок колыхал шторы кареты, обдавая смолянистым запахом вечнозеленых. Я раздвинула шторы и вдохнула полной грудью, радуясь светлому и безмятежному дню. Впервые за последние бесконечно долгие недели я чувствовала себя счастливой. Лес завораживал своим величием, а расплеснутая зелень сосен убаюкивала. Немного омрачало общую картину лишь туманное представление о моем будущем, но я решила отпустить бесполезные попытки предугадать его и просто наслаждалась теплом, которое окутывало мое тело.

Мимо меня стрелой промчалась всадница. Стоило Мэдоку, доверенному лицу короля, поравняться с Ликерией, как девушка ослабила повод и, пользуясь норовистым характером своего жеребца (от одного вида которого в первую нашу встречу, я едва не стала зайкой) пустила его в галоп. Скажу сразу, что за время нашего с Ликерией знакомства, мне так и не удалось поговорить с ней по душам. Я предпочла карету — мягкие сидения с бархатными подушками позволили откинуться на спину и расслабить все мышцы моего тела — тогда как Лика ни в какую не пожелала расстаться с седлом. Всего парой фраз я перемолвилась с ней в ее родовом поместье, когда выразила свое «горячее желание» стать ее тенью. Она равнодушно пожала плечами и ответила, что уже давно не вправе распоряжаться своей жизнью, тем более что уж говорить о судьбах других. Фраза прозвучала настолько естественно, что я имела неосторожность поверить, будто дочь командора та еще притворщица...

Всадники придерживали коней, и извилистая лесная дорога не вызвала трудностей. Ликерия пребывала в хорошем настроении. Она смеялась и непринужденно шутила со стражниками, которые казались мне слегка подмороженными; подтрунивала над возникшим, который таранился на ее любимца-коня, что так и норовил цапнуть свою хозяйку. Было очевидно, что конь по кличке Бурый, в холке превышающий девятнадцать ладоней, не имеет ни малейшего представления о том, кого везет на своем хребте. Когда не удавалось поточить зубы о сапог будущей королевы, Бурый заметно нервничал, и Ликерия припускала его что есть духу.

Иногда Мэдоку удавалось завладеть вниманием Ликерии, и он начинал докучать ей своими разговорами, опасно злоупотребляя терпением Бурого. Вы только представьте, насколько жалко смотрелся тщедушный мужичок на небольшой перепуганной лошадке рядом с этим огромным, зловредным существом со свинцовыми, выжженными магией глазами. Бурый довольно агрессивно воспринимал племенного жеребца Мэдока, раз за разом вторгающегося на его личную территорию, и успокоился лишь тогда, когда цапнул «негодяя» за переднюю ногу в районе коленных сухожилий. Хромающую лошадь Мэдок заменил, а всадницу вновь пришлось оставить в покое.

Причин, по которым Ликерия всячески избегала общества Мэдока я не понимала ровно до того момента, пока все мы не собрались за вечерней трапезой. Обслуживал нас хозяин постоянного двора со своими дочурками. Четыре прелестницы, порхая меж столов, выставляли на кружевные скатерти блюда, от одного вида которых можно было захлебнуться слюной. Горшочки с тушеным в бульоне кроликом, зажаренные на огне и

заправленные пряными травами куропатки, рыбные пироги и козий сыр — сводили с ума своими запахами.

Я отложила книжечку, вдохновлено говорящую о чудесах всевидящих, искренне считая этот труд с его нереальным восприятием действительности чересчур возвышенным, и, наряду со всеми, уступила низменным желаниям. Я посмотрела как синхронно управляются приборами мужчины и потянулась за еще скворчащими на жаровне колбасками. Наткнувшись на строгий взгляд Ориана, я так и замерла с протянутой рукой. Видимо, мне стоило исключить мясные блюда из рациона. Не то чтобы это было тяжело выполнимым для меня, просто эти колбаски уж очень вкусно пахли.

На скулах Ориана заходили желваки...

Ну нет, так нет. Я схватила свою зелень и, недовольно сверкнув глазами, положила ее в рот.

Насытившись, Мэдок отер свою бородку тканной салфеткой и принялся делиться с Ликерией важными по его мнению мыслями. Со всей сдержанностью, присущей зрелому возрасту, Мэдок рассказывал ей о традициях королевского двора, особенно о правилах и запретах. Знающий уклад монархов, он считал своим долгом вразумить дерзкую девчонку и научить ее манерам, дабы подготовить к будущей роли королевы. Вынужденная слушать Ликерия смотрела на законоведа с такой хищной улыбкой, что я невольно подумала, будто она собирается перекрыть доступ крови к его голове.

Я же получала удовольствие от простых проблем, с которыми столкнулся Мэдок. Подумать только, на трон взойдет «неправильная» королева!

— Будущая королева... — говорил Мэдок, а между строк читалось: «выглядите словно бродяжка», — должна соответствовать своему статусу. На вас будет равняться вся женская половина аристократии! — произносил он с почтением и уважением, однако его пристальный «посмотрите, во что вы одеты!» взгляд, говорил об обратном.

Лица демонстративно одернула короткий черный жакет, смахнула несуществующие крошки с обтягивающих брюк и с вызовом уставилась на законоведа.

— Всю дорогу, несмотря на мои уговоры, вы тряслись в седле, тогда как ваша подданная, — Мэдок строго взглянул на меня, — разъезжала в королевской карете. Это неправильно. И это недопустимо.

Ликерия фыркнула, давая понять, что ни за что на свете не променяет седло на карету, какой бы роскошной и комфортной она ни была.

Глубоко недовольный тем, что дочь командора ведет себя как простолюдинка, он поморщился, отчего складки в уголках его утомленных глаз стали еще более заметными. Спустя мгновение законовед уже как ни в чем не бывало, продолжал наставлять бунтарку на «путь истинный». Говорил он много, но в пустую — Лике, по всей видимости, было все равно.

— Великий монарх оказал вашему знатному роду честь, выбрав единственную дочь Хонора Ригхеста себе в жены. Мой вам совет — примите этот дар судьбы со смиренным благоговением и станьте БегГару Шампусу послушной женой...

На последних словах терпение Лики лопнуло, и договорить Мэдоку она уже не позволила.

— Вы еще расскажите о привилегиях, коими будет благоденствован мой род! — взвилась Ликерия.

Буквально нависая над Мэдоком, она выплевывала каждое слово, открывая мне другую сторону ее личности. Да, кротким нравом наша Лика не отличалась, и такими качествами как учтивость и смирение не обладала. Без всякого стеснения Ликерия высказывала свою точку зрения Мэдоку, который не смея прерывать будущую королеву, смотрел на нее с молчаливым осуждением:

— Со смертью единственной дочери род Ригхестов оборвется. Наш монарх, наделенный высшим могуществом, не только допустил гибель знатного и влиятельного рода,

ведущего свое начало со времен основания Лариусского королевства, но и сам принял в этом активное участие! И после этого вы требуете от меня быть спокойной и покорной женой?! А эти привилегии?! Вы думаете, после моей смерти они нужны будут моему отцу? Нет! Быть может дяде Инару, который прозябает в деревне, после того как его судьба переменялась самым горьким образом?

— Вы излишне прямолинейны, — со сдержанным гневом ответил Мэдок.

— А вы чересчур назойливы!

— Вы не можете игнорировать правила этикета! — возмутился он.

— Зато я могу сесть подальше от вас!

— Вы будете сидеть во главе стола!

— Еще чего!

Пересесть Ликерии не удалось. Звякнул колокольчик. Дверь распахнулась, и в комнату в сопровождении караульных влетел маг в штатной форме серого цвета. Глаза у Ликерии засветились, и она покорно плюхнулась в кресло, а мне вдруг захотелось провалиться сквозь землю. Схватив первое, что попало под руку — свой молитвенник — я с головой «ушла в чтение».

Ранее Ориан сказал, что не нужно мне принимать облик Айлы и поддерживать его изо дня в день. Поначалу это решение казалось мне странным, но вскоре я поняла, что такая предосторожность более чем разумна и поддержала его. Использовать наш козырь раньше времени действительно не стоило. Дело в том, что даже если мной заинтересуются настолько, что отправят верных людей к заокеанским соседям, дабы изучить подноготную молодой монахини — к тому времени как тайна дома Акмидивен будет раскрыта, а наш коварный замысел распутан, его участники будут или вне зоны досягаемости короля, или мертвы. Однако решение оставить мою внешность как есть, сейчас грозило выйти нам боком. Как, скажите мне на милость, отреагирует вошедший к нам дознаватель, когда увидит перед собой медноволосую девчонку, которую однажды повстречал на каменистом берегу в образе проститутки?

И как быть мне?

«Я, мол, захотела отдохнуть от плотского труда и заменила его трудом праведным...»

Скользнув взглядом по столам, стоящим поодаль, мужчина с красивым, гладко выбритым лицом, уверенным шагом направился к нам. Тихий скрип напольных досок становился все ближе, вынуждая меня склоняться над книгой все ниже. Казалось, еще немного и я носом уткнусь в пожелтевшие страницы.

Вошедший склонился перед будущей королевой и выразил желание сопровождать ее в королевский дворец.

Повисла тишина. Мне хватило быстрого взгляда чтобы понять, насколько напряжен Сайрос. За его спиной застыли караульные, готовые в любой момент активировать магические пентаграммы и заблокировать тем самым наглецу доступ к огненной силе.

— Сайрос Севере, — обратился к дознавателю Мэдок, обжигая его холодным взглядом, — настоятельно рекомендую вам оставить эту глупую затею и вернуться в город.

— Отчего же? — ту же возмутилась Лика. — Я считаю, господин Сайрос должен остаться.

Сайрос громыхнул стулом и уселся напротив меня. Мой нос «врос» в книгу.

— На что вы надеетесь? — прямо спросил Мэдок.

— Надеюсь услужить королю, — последовал короткий ответ.

— Боюсь это невозможно! — и уже королеве: — Есть ряд негласных правил, с которыми вам придется мириться, хотите вы того или нет. Как вы заметили, в сопровождение вам

выделена карета с надежным эскортом всадников, и в дополнительных магических единицах мы не нуждаемся. Что же касается прислуги, то здесь все просто: с собой вы можете взять лишь двух одаренных, — огоршил нас Мэдок и медленно, будто нехотя, повернулся к Сайросу:

— Прислуга у королевы уже есть: молодая монахиня и ее воин света. Вас проводят к выходу во избежание...

Мысль законовед так и не завершился. Глаза Ликерии посветлели, она улыбнулась и выдала то, к чему ни один из нас не был готов:

— Мой выбор Сайрос Севере! Монахиню, — она бросила на меня безразличный взгляд, — прости, забыла как тебя...

— Айла, — тихо напомнила я.

— Так вот, Айлу вместе с ее охранником, можете отправить обратно в монастырь.

Сайрос Севере... Эти два слова... эти два чертовых слова лишили нас способности не то что говорить... дышать! Понимала ли дочь командора, какую ошибку совершает, давая мне отставку? Думаю нет! Как еще объяснить ее очень странный выбор? Могла ли она смириться с мыслью о смерти настолько, чтобы лишиться себя даже призрачного шанса на спасение?.. Отчаявшейся она не выглядит, а вот счастливой, черт возьми, да! Ну конечно, Ликерия не была посвящена в планы отца! — осенило меня и тут же захлестнуло волной гнева и негодования. «Командор должен быть рассказать ей о моей роли в этом спектакле!» В отличие от Лики я хорошо понимала, насколько связаны наши жизни, и отступи я сейчас, то издохну в судорогах как кролик в удушающих объятиях змея. В этот момент я была готова растоптать свое самолюбие и кинуться в ноги Ликерии, умоляя не лишать меня «счастья» натирать ее сапоги после верховых прогулок, однако меня опередили. Заинтересованный в том, чтобы в королевство ехала щуплая монахиня, нежели представитель печально известного рода Севере, Мэдок попытался повлиять на решение Лики, но та упрямо стояла на своем.

— Госпожа Ликерия, — спохватился вдруг Сайрос, — пусть едет Айла. Прислушайтесь к словам королевского законоведа.

«Что ты хочешь этим сказать?» — спросила Лика глазами.

— Не отказывайтесь от монахини...

— Я уже сказала, со мной едешь ты. И давайте на этом закончим, — неуверенно промолвила Лика, ее взгляд упал на большие часы под толстым литым стеклом.

Внезапно я представила, как она поднимается из-за стола и удаляется в верхнюю комнату, в которой проводит остаток вечера и тайно радуется своей маленькой победе. Ну а что дальше?.. Дальше бесконечные попытки проникнуть во дворец, которые утратят всякий смысл после того, как король БегГар Шампус вступит в супружество с Ликерией Ригхест. Заточение в храме Змеерогого означает для меня новый день... и воздух наполнится ледяными иглами и окутает мое тело враждебная тьма, которую не способны будут разрушить ни меч, ни магия...

— Госпожа Ликерия, не гоните меня, ведь только я способна спасти вашу жизнь, — фраза, произнесенная мной в полной тишине, прозвучала очень эффектно.

«Спятила?» — едва не бросил Ориан, явно потрясенный услышанным. Готова спорить, сейчас он как никогда был близок к тому, чтобы придушить меня голыми руками.

Сайрос вытаращился на меня. Впервые я увидела на лице дознавателя целую бурю эмоций и, признаться, это немного подняло мое настроение.

— В самом деле? — вмешался Мэдок.

Склонив голову, я кротким голосом произнесла:

— Я неустанно и искренне возношу молитвы всевидящим. Я горячо верю, что тысячеокие не оставят Ликерию, а вера, как известно, ведет к спасению...

Сайрос скрыл смехок за приступом кашля. Мэдок одарил меня добродушным взглядом.

— Господин Мэдок, — Лика обратила свой взор на законоведа, — я буду благодарна вам, если вы позволите всем троим войти в узкий круг моих подданных.

— Я был бы рад исполнить вашу просьбу, но правила...

— Ах да, ваши негласные правила... — отозвалась Ликерия и, не успела я опомниться, как она поднялась из-за стола:

— Я возвращаюсь к отцу.

Мэдок покачал головой.

— Вы должны исполнить волю короля и стать его женой!

— Да, — сказала Лика, в ее голосе чувствовалась горечь, — когда закончится последний день тишины, я прибуду во дворец, следуя негласной договоренности между моим отцом и королем.

Она схватила запыленный плащ, перебросила его через плечо и, застегнув серебряную пряжку, направилась к дверям. Однако шаги ее были медленными, а спина напряженной, словно она ждала, что ее окликнут. Может, Ликерия и не умела притворяться, но людей чувствовала хорошо.

— Ваша милость, остановитесь. Вы не можете ослушаться приказа его темнейшества, — Мэдок стоял, наклонившись вперед и опираясь на стол.

— Я лишь делаю то, что вы мне не раз советовали: подчиняюсь правилам... — сказала Лика и шагнула навстречу законоведу. — Мэдок, вы совершенно неожиданно прибыли к нам в поместье, и ничего не объяснив, вынудили меня расстаться с отцом раньше... намного раньше положенного срока. Вам стоило дождаться дня тишины, а уже после снаряжать карету для новой королевы... однако мы здесь, — Лика широко развела руками и, склонив голову на бок, добавила: — а это противоречит вашим правилам.

Мэдок изменился в лице.

— Будь по-вашему, — нехотя уступил он.

«Наше путешествие перестает быть томным...» — подумала я.

Глава 10

Две недели в пути. Двигаясь на восток, мы обогнули горную грядку, обращенную крутыми склонами к океану, прошли по глубоко опущенному перевалу, который растянулся на тысячи метров, и к концу второго осеннего месяца пересекли широкий хребет, называемый «Черным солнцем», ставший последним препятствием на пути к королевской обители.

Большим красным шаром катилось к линии горизонта уставшее солнце. Стоило нам подняться на пустынное плато «Черного солнца», как свежие порывы ветра, так ощущаемые на перевале, угасли, не смея нарушить суровое молчание гор. Густые леса, наполненные трепетным щебетом птиц, сменились безжизненным камнем, из-под которого сочился бесконечный сумрак. Лошади настороженно стригли ушами. Их ноздри раздувались, а поступь становилась все не увереннее, тише. Я ожидала, что Бурый взбунтуется и разрежет тишину дробью копыт, но тот осторожно переставлял ноги и неестественно вытягивал шею, стараясь уловить запах опасности раньше остальных. То, что ждало нас впереди, казалось чем-то необъяснимо страшным.

Совершенно неожиданно наша карета очутилась возле крутого обрыва. С головокружительной высоты я смотрела вниз, и меня ужаснуло бесконечно широкое пространство темной воды, посередине которого выходила на поверхность скальная глыба. На этой громаде с крутыми неустойчивыми берегами был возведен каменный дворец, который в лучах закатного солнца становился розовым. Дворец выглядел настолько красивым, что казалось, сделай навстречу шаг, и волшебство развеется. Длинной дугой к воротам дворца уходил мост. Мост, соединяющий два мира, две реальности, так непохожие друг на друга: горный хребет, черный, словно траурный самоцвет, и прекрасную обитель, вселяющую радость в сердца смертных. Из арочных проемов неприступной стены, кольцом окружившей дворец, выбрасывались горы водяной пыли. То тут, то там вспыхивала радуга.

Завидев нас, сторож на башне оповестил город о нашем приезде ударом в колокол. Мы выехали на мощный камнем мост, из-под которого доносился монотонный шум воды, и, проехав открытые ворота, сразу же остановились. Возница распахнул дверцу кареты.

Первым, кто встретил нас, был огнедышащий дракон. Вышитый черной нитью на золотом полотнище, он на протяжении 554 лет был символом правления БегГара Шампуса. Я и помыслить не могла, что настанет тот день, когда я войду в обитель великого и могучего короля. Благодаря его темной подавляющей природе, Леги остерегались в открытую вторгаться в наши земли, что способствовало поддержанию мира во всем Лариусском королевстве.

Из тени мраморной аркады навстречу нам вышла дама с огненными кудрями. Она напоминала мистическую деву-воительницу, которая отреклась от меча, дабы творить волю короля. Миндалевидные глаза, острые скулы, насыщенный цвет волос, эффектная высокая фигура, которую подчеркивал расшитый изумрудами брючный костюм, грубость и нарочитая сексуальность в образе — она была словно огненная роза. Коварная и прекрасная. На ее фоне симпатичная, но далеко не красавица Лика виделась мне вредной полевой ромашкой.

Взор дамы остановился на Ликерии, и, присев в легком поклоне, она поприветствовала ее.

— Мое имя Велория, я ваша камеристка. Я провожу вас в покои. Уверена, вы хотите освежиться и отдохнуть с дороги.

И мы бы последовали за ней, если бы не одно «но». Ликерия вынуждена была лично заботиться о Буром, который не желал повиноваться чужой руке.

— Проводи нас в конюшни, — спешиваясь, приказала Лика.

Я бы начала описание величественного дворца с высоких башен, над которыми реяли гордые черно-золотые флаги, с комплекса роскошных сооружений, которые хранят в себе вековые тайны, с прекрасного парка, где на свободе гуляют птицы дивной красоты, с вечно цветущих садов и фонтанов, оживающих пространство легкой прохладой, но...

пожалуйте в королевские конюшни, ставшие колыбелью салтедской верховой. Не хочется затмевать реальность поэтичным описанием прекрасной архитектуры, поэтому скажу только, что конюшни были предметом зависти, а кони — пламенной страстью и наивысшей гордостью. Они выделялись как самородки среди песка и пыли. Здесь и сейчас мне, наконец, стало понятным, почему интерес к салтедской верховой всего за несколько лет возрос в высшей степени. Трудно найти мага, который отказался бы от права обладать ручным монстром, стойким к большинству магических атак.

Пока наши кони устало волочили ноги, Бурый вскидывал голову, постоянно вставал на дыбы и, красуясь, бил копытами по воздуху. Хотелось отвесить ему пинка под зад, чтобы поторапливался, ведь как еще объяснить этому выпендреннику, что мы все чертовски устали. В молчаливом ожидании, пока Лика расседлает своего любимца, я облокотилась на металлическую решетку пустующего стойла. Под легким давлением она распахнулась и... ухватив меня за шиворот, Велория не дала мне рухнуть навзничь.

— Это единственное стойло, в которое нельзя заходить, — предупредила она. И хотя никакой угрозы не прозвучало, я отчетливо поняла, что послушайся я ее и незамедлительно найду себе неприятности.

Глядя мне в глаза, Велория улыбнулась и разжала пальцы.

Я рассматривала стойло, стараясь понять, что в нем такого особенного и не нашла ни одной даже крошечной необычности. Стойло как стойло, каких здесь сотня, с той лишь разницей, что оно пусто, несмотря на полную кормушку и незатоптанную соломенную подстилку. В любом случае нужен тщательный обыск, но под таким надзором — я скосила глаза на камеристку — мне эту тайну не разгадать.

Мы шли по каменному полу дворца. Меж стрельчатых окон красовались статуи дев, закутанные в мраморные вуали. Обволакивая волосы, вуаль текуче скользила по очертаниям полных грудей с дразнящими сосками, скрывала соблазнительную талию с аккуратным пупком, обнажая волнующую линию бедер. Изящные босые ножки утопали в белоснежных облаках. Над головами девы держали магические шары, которые вспыхивали при нашем приближении, заполняя галерею мягким рассеянным светом.

Мраморные девы осветили пространство, растворив темноту моих покоев. Я бросила накидку на резной столик и взглянула на картину, посвященную охоте на диких зверей. В центре сюжета изображен огромный вепрь, угодивший в магические петли сетей. Охотники вонзили в него несколько стрел. Острые клыки зверя угрожающе торчали из красной, горящей кровью пасти. Казалось, исход битвы предрешен, но художник с невероятной силой передал напряжение зверя и его готовность бороться до последнего вздоха. «Еще немного, и вепрь скинет с себя проклятую сеть и тогда охотникам точно несдобровать», — подумала я, как вдруг до моего сознания дошло, что если бы меня застали за лицемерием сцены узаконенного убийства, то бесполезно было дольше изображать смиренную монахиню. Следует незамедлительно потребовать, чтобы это высокое искусство убрали с глаз долой.

Я обернулась к Ориану.

— Моя госпожа, закройте глаза, — сказал Ориан мягко.

— Я не понимаю... — растерялась я. — Зачем?

Я не понимала причины, по которой Ориан вынужден был последовать за мной в мои покои. Мне хотелось уединиться и смыть с себя дорожную пыль, а не ждать, пока воин света прекратит прожигать взглядом стену, декорированную лепной орнаментикой, и посвятит меня в свои планы.

— Я думал, мы решили вопрос доверия, — усмехнулся беловолосый воин и медленно подошел ко мне. — Мой долг избавить вас от тревоги за свою жизнь, и вам это хорошо известно. Так почему же вы не доверяете мне? Не доверяете настолько, что не выполнили даже такую пустяковую просьбу?

— Разве мне угрожает опасность? — смущенно спросила я, прижимая к груди молитвенник, будто он мог придать мне уверенности.

Ориан взял из моих рук молитвенник, с которым за время путешествия я не расставалась ни на мгновение, и положил его на столик.

— Не шевелись, — воспользовавшись своей силой, он прижал мое лицо к своей груди, не позволяя ничего разглядеть.

Пространство за моей спиной рассекла белая молния. Я вырвалась и безумным взглядом окинула комнату. Затухая, в воздухе парили белые мушки. Несмотря на старания Ориана оградить меня от выброса своей магии, я чувствовала резь в глазах. Руки предательски тряслись, что было особенно заметно, когда я поправляла платок, съехавший на затылок, и убирала волнистые прядки со лба.

За стеной раздался протяжный стон боли, а следом за ним звон бьющегося стекла, словно кто-то, ослепленный магией света, неловко смахнул со стола чернильницу.

— Избавься от статуй. Это — глаза и уши короля, — прошептал Ориан мне на ухо, перед тем как уйти.

Это был очередной и, как впоследствии окажется, один из многих советов Ориана, которыми я с благодарностью воспользовалась.

Неприятные ощущения, спровоцированные неожиданной вспышкой, прошли, но глаза продолжали слезиться, и я решила, что сейчас самое время воспользоваться заплаканным видом. Велорию я нашла в гардеробной Лики. Она сидела в кресле и безучастным взглядом наблюдала за будущей королевой, у ног которой уже сбивчивой кучей валялись элегантные вечерние платья. Следовало ожидать, что Ликерия будет недовольна новыми нарядами, ведь она дочь командора. Потянувшись за меховым манто, Лика рассмотрела его со всех сторон и, так и не определившись, нужна ли ей столь роскошная вещь, повесила его на распахнутую дверцу шкафа.

Стоя перед Велорией, я с горестным выражением лица рассказала ей, что не могу спать, пока из темноты на меня смотрят мраморные девы с бесстыдно обнаженными формами.

— Этим порочным шедеврам искусства нет места в комнате, где живет скромная служительница всевидящих, — тихим вкрадчивым голосом говорила я, создавая себе видимость святости.

— Я отдам распоряжение и статуи незамедлительно уберут.

— И эта кровожадная картина... Бедный, бедный зверь... Это ужасно... ужасно, — вновь и вновь повторяла я, ощущая как по щекам текут ничего не значащие слезы.

— Картину заменим, — пообещала Велория.

«Какая удивительная сговорчивость», — подумала я, и от всего сердца поблагодарила Велорию. Я покинула гардеробную, пересекла изумрудную комнату и... как только я коснулась ручки из темно-зеленого камня, дверь внезапно распахнулась, впуская девушек, количество которых вызвало у меня легкий шок. Пятьдесят прислужниц в одинаковой форме голубого оттенка выстроились в два ряда, от ширмы до углового дивана, декорированного розами так же, как и вся мебель в покоях королевы.

— Чем больше слуг, тем толще королева?! — усмехнулась Лика и, обогнув завалы одежды, прошла в изумрудную комнату.

— Серьезно, ну и на кой мне целая армия прислуги?

— Вам положено выбрать двенадцать помощниц, — в голосе камеристки мелькнули усталые нотки. Она уже знала, что предстоит долгий год терпеливой борьбы с упрямством и дерзким поведением очередной королевы.

— Девушки прошли подготовку в старейшей академии Гросгарда. Они умны и благовоспитанны, владеют боевыми искусствами и практикуют магию. Я могу поручиться за каждую из кандидаток. Они в точности исполнят все ваши приказы, а наказания выдержат со стойкостью, присущей воинам.

— Наказания? — повторила Лика и, не давая камеристке ответить, спросила:

— Как много моих предшественниц злоупотребляло своей властью?

— Мы редко сталкиваемся с откровенной жестокостью, — спокойно ответила Велория.

— Что вы понимаете под откровенной жестокостью?.. — не унималась Ликерия.

— Королева Сорени ос Нуман, например, любила когда ее слуги спят на каменном полу, как животные. Ее увлечением было изготовление плетей, которые она регулярно испытывала на шкуре своих помощниц, рассекая их тела до костей. Судьба подданных мало тревожила и королеву Илеми по прозвищу «безумная». Она не раз пыталась пробить стену головами своих слуг за «не тот» взгляд в ее сторону. Их биографии вы можете найти в нашей библиотеке в секции с рукописными текстами. Как вы поняли, жизни прислужниц принадлежат вам, и вы вправе распоряжаться ими на ваше усмотрение. Однако я вынуждена предупредить вас, если все девушки погибнут по той или иной причине, вам придется обслуживать себя самой, — подытожила Велория.

— Значит двенадцать... — Лика прошлась вдоль стройного ряда, рассматривая кандидаток. Не каждая из них была красива, но все они были по-своему хороши.

— Мои дорогие, не хочу портить жизнь ни себе, ни вам, поэтому... те из вас, кто горит желанием пойти ко мне в услужение, сделайте шаг вперед.

Все они живо прыгнули вперед, лишь одна блондинка немного замешкалась, прежде чем последовать примеру остальных.

Сбитая с толку такой прытью, Лика совсем не по-королевски почесала затылок:

— Неожиданно...

Одна за другой, девушки, на которых указывал пальчик Ликерии, склонялись в поклоне и, источая энергию радости, принимались выносить из гардероба платья, с которыми Лика решила навсегда расстаться.

— Осталась еще одна. Так-так-так... Айла, давай выберем и тебе помощницу... И я не желаю слышать никаких возражений! — предложила Лика уж совсем по-королевски.

— Во втором ряду крайняя слева, — я указала на очаровательную блондинку, которая думала чуть дольше остальных.

Девушка, которую природа наградила внешностью вечного ребенка, поклонилась и отошла в сторону. Пожелав хорошего отдыха, камеристка покинула изумрудную комнату, уводя за собой «выбывших из игры» кандидаток.

— Странный выбор... Чем ты руководствовалась? — спросила Лика, разглядывая кукольное личико, усыпанное желтыми веснушками.

— Отсутствием фанатичного блеска в глазах, — сказала я правду и, повинувшись жесту Ликерии, продолжила:

— Подумайте сами...

— На «ты», мы ведь ровесницы, — поправила меня Лика.

— Хорошо. Подумай сама, после рассказов Велории девушки должны были пребывать в напряжении и страхе, а они кинулись вперед как какие-то фанатички.

— Умешь ты нагнать жути, — сказала Лика.

Глава 11

— Вставай. Ты должна это видеть! — с этими словами Лика влетела ко мне в комнату, распахнула широкие занавески и замерла. Ее взгляд был направлен на укрытую туманом землю, которая за долгие столетия так и не преобразилась, на голый камень черного хребта, обрамленного багряно-алой полосой света.

Я уткнулась носом в подушку, искренне не понимая, почему нельзя насладиться необычным видом, открывающимся из окна, скажем, через пару часиков.

— «Черное солнце»... — произнесла Ликерия таинственным голосом и, повернувшись к девушкам, которые дожидались ее в дверях, спросила:

— Кто-нибудь может объяснить происхождение этого хребта?

— Одна древняя легенда говорит о черном драконе, внутри которого заключен мощный источник темной силы. Имя этому дракону «Черное солнце»... — обладательница столь красивого и богатого тембра голоса тотчас привлекла наше с Ликой внимание. Мягкий спокойный взгляд, черные, гладкие как шелк волосы, обрамляющие почти круглое лицо, большие глаза и красиво очерченный рот — и все же я не ошибусь, если скажу, что своим основным оружием эта девушка считала голос, а не притягательную утонченную внешность.

Подстегнув наше любопытство небольшой паузой, она продолжила уже с оттенком грусти:

— Когда-то наш мир был прекрасным и совершенным, абсолютно свободным от зла. Все изменилось, когда в руки магов попала запретная книга, открывающая древние знания. Неистовое желание завладеть силой, способной побеждать даже всевидящих, сподвигло магов объединить энергию своих универсумов. Так было создано мистическое оружие — клинок «Эстер». Но что толку от бесконечной энергии клинка, когда ты смертен?! И тогда маги заключили сделку с Самой Тьмой. Но только они разорвали клинком пространство между мирами, как поняли, что совершили самую большую ошибку. Говорят, этого бы не произошло, если бы они не позволили злому духу алчности завладеть их сердцами... Так или иначе, но вход в низшую сферу вселенной был открыт, а повелительница Мрака получила доступ к миру, наполненному безграничной энергией — чистым и живительным эфиром. Наступило время Тьмы. Злобные демоны опустошали магов, превращая их тела в не остывающий пепел. Королевства исчезали одно за другим. Чтобы спасти мир от полного краха, всевышними в недрах вулкана был рожден дракон. Он был черным и таким огромным, что одним крылом мог заслонить полнеба. Веками он кружил под звездами, поглощая тьму, окутавшую весь мир. Однажды он не выдержал и рухнул в воду. И тогда всевышние усыпили его вечным сном... Горный хребет олицетворяет борьбу с нашими самыми глубокими страхами, борьбу с насилием и злом, — закончила она.

Воцарилась гнетущая тишина, которую рассек свист Ликерии.

— Дракон невиданных размеров?! И придумают же такое!

— Зло не исчезло. Оно существует в горе и по сей день. Именно источник темной энергии служит причиной плохого самочувствия у каждого, кто преодолевает горный хребет.

Лика пожала плечами и, указав на остроконечные шипы перешейка, соединяющего большую и малую вершины, обратилась к сказительнице:

— Как по-твоему, это морда или хвост? Мне просто интересно, какой частью его тела я люблюсь все это время.

Сказительница улыбнулась уголками губ, но развивать тему не стала. Лика припала лбом к холодному стеклу.

— А мне хочется думать, что это не дракон, а гигантских размеров могила, призванная служить вечным упреком нашему королю, — тихо-тихо призналась она, глядя как алеющее солнце окрашивает черный «курган» в огненные тона.

— Дракон или могила, какая разница?! Главное чтобы зло, заключенное в нем не бабахнуло! — сказала я и с неохотой покинула кровать. Я облачилась в длинное платье с рукавами, подвязалась кожаным шнурком, не спеша собрала волосы в пучок и накрыла голову широким платком темно-сливового цвета, закрепив его булавкой у горла. Девушки, все как один, были одеты в белые туники и широкие штаны. Тренировочный наряд Ликерии отличался изысканной вышивкой из натуральной золотой нити. Напрашивался вывод, что ждала нас утренняя разминка, а не ароматный завтрак под еще мерцающими звездами.

— Знала бы, что ты такая капуша, попросила бы твою помощницу разбудить тебя заранее!

Мелитина (именно так звали мою прислужницу) присела в робком поклоне, принимая слова будущей королевы как прямое указание к действию.

— Идем, — позвала Лика, покидая мою спальню.

Возвращаясь за своим молитвенником, я была приятно удивлена. На стене вместо кровавой картины уже красовался нежный букет чайных роз, который прекрасно гармонировал со стилем интерьера.

Вместе с Мелитиной мы вышли во двор.

Серебряные ограждения тренировочной площадки терялись в туманном мареве. Было невероятно жарко, словно я очутилась в парилке. Очень быстро до меня дошло, что никакой это не туман, а дымная пелена. Подобная пелена всегда сопровождает битву между водниками и магами огня. Я опустила взгляд. Словно в подтверждение моих мыслей алмазным блеском сверкали на траве магические капли.

— Сколько огненных магов должны опустошить свой резерв, чтобы до такой степени расплавить серебряные нити ограждения?! — не сдержала удивления Мели.

«Достаточно и одного», — почему-то вспомнив дознавателя, подумала я.

Совсем рядом послышался взволнованный голос Ликерии.

Охваченные беспокойством, не сговариваясь, мы взяли за руки и шагнули в густой туман. Увидев в свинцово-сером мареве нечеткий силуэт Ликерии, которая схватив одну из своих помощниц за ладони, уже отдавала ей какие-то указания, мы с облегчением выдохнули.

Из-под земли донесся гул. Лика замолкла и прислушалась. Одна из прислужниц, перекрикивая непрерывный сливающийся воедино шум, попыталась вразумить свою госпожу и пока не поздно вернуться в пенаты родного дворца. Я поддержала ее, желая как можно скорее покинуть это опасное место. Но у храброй Ликерии, видно, были другие планы. Гул нарастал, словно что-то до дрожь пугающее двигалось к поверхности. Вместе с землей вдруг предательски задрожали и мои колени. Служанки мигом окружили бестолковую госпожу и уже были готовы отдать за нее свои жизни. К сожалению, в этот момент мое иное зрение не работало. Станный туман ничего не желал показывать.

Раздался оглушительный взрыв, и нечто бесформенное ощутимым ударом сбilo нас с ног, а повалив наземь, накрыло собой, словно щитом. Находясь внутри этого темного энергетического пузыря с темной энергией, я видела, как над нашими головами пронесится адово пламя, стремительно поглощая свинцовое облако. Поистине невероятное, пробирающее до мозга костей зрелище. После такого становятся либо калекой, либо провидцем.

Когда гул утих, а туман рассеялся, всем сразу стала понятна причина этой огненной бури.

— Сайрос, — голос Ликерии дрогнул.

Еще вчера он был сильным и уверенным в себе воином, а сейчас его измученное тело и опустошенный универсум говорили лишь об одном. Минус один игрок из нашей команды. Плохо... и дня не прошло, как мы потеряли самого сильного и, пожалуй, самого

проницательного из нас. Плохо. Очень, очень плохо.

«Надеюсь, он не потащит за собой остальных», — подумала я, глядя на скованного черной магией и стоящего на коленях Сайроса. Мгновение, и из магических цепей, словно слизни потянулись отростки к локтям, плечам, груди, оставляя на коже дознавателя черные витиеватые узоры. Вены на руках, шее и висках Сайроса вздулись так, что, казалось, еще немного и разорвутся; грудь мокрая от пота ходила ходуном. Волосы растрепались и слиплись от крови, текущей из ушей. Охваченный чувством дикого страха, Сайрос схватил голову руками и заорал.

Не выдержав, Лика со всей силы ударила кулаками по непробиваемой оболочке «щита», мгновением ранее спасшего наши жизни. Ее отчаянный жест до икоты напугал меня и привлек внимание склонившегося над Сайросом короля. Взгляд стальных, пронизывающих душу глаз, остановился, хвала небесным, на Ликерии. Легким взмахом руки Шампус развеял «щит», подарив нам свободу.

Твердо ступая по раскаленной земле, Ликерия прожигала короля ненавидящим взглядом. Сухая дотлевающая корка под ее ногами обжигала кожу и рассыпалась в пыль, окрашивая белоснежные одежды в траурный цвет.

Закусив от ярости и отчаяния губу, Лика присела перед Сайросом и осторожно приподняла его голову. Было видно, что ему не то что голову удерживать сложно, взор сфокусировать трудно.

— Он меня слышит? — спросила Ликерия.

— Нет.

До боли сжав кулаки, Лика поднялась. В черных глазах сверкнули молнии, и раздираемая бушующим в душе гневом, она с размаху отвесила королю пощечину.

— Вот черт! — громко выругалась я, на короткий миг забыв о том, что я монахиня.

Замерев, словно на краю обрыва, перед самым могущественным магом нашего королевства, Ликерия без страха и сожаления смотрела в лицо своей смерти.

— Я прощаю вас, — твердым металлическим голосом произнес король и добавил: — На первый раз...

Это действительно был король! Выросшая на сказках, я считала, что голову монарха непременно должна венчать массивная золотая корона, украшенная бесценными камнями, а одежды должны быть усыпаны сияющими звездами. Однако Шампусу, обладающему несметными богатствами, вычурность была чужда. Никакой короны, никаких толстенных золотых цепей, оттягивающих шею, никаких драгоценностей. Даже эфес укрытого в ножнах меча был просто обмотан кожаным шнуром. Этаким аристократ, которому присущи элегантность и достаточная сдержанность в одежде. Вот только непомерную силу «аристократа» выдавала темная оболочка вокруг его тела, и ошибиться относительно принадлежности темного мага к священному статусу было невозможно.

— Что вы сделаете, если я снова вызову ваше неудовольствие? Что будет, если я не подчинюсь вам? — понизив голос, спросила Лика. — Вы отняли у меня право распоряжаться своей жизнью. Лишили меня отца и дома! Лишили всего, что мне дорого, что имеет для меня значение! Вдобавок ко всему заклеили словно кобылицу! Вы чудовище!

— Угомони-ись, — тихо протянула одна из прислужниц Ликерии, стоявшая неподалеку от меня, но нашу королеву несло...

— Для вас невеста это лишь эликсир жизненной энергии! Вы не испытываете ко мне ни любви, ни жалости. Зачем? Ведь через год появится новая! Мы не интересуем вас как личности, но мы живые люди! Я живая, черт возьми! У меня есть чувства, эмоции...

— В выражении которых вы весьма несдержанны. Будьте добры сократить вашу мысль до двух слов, — сказал Шампус, оставаясь абсолютно равнодушным к терзаниям молодой невесты.

— Мне дороги мои люди! Я не позволю убивать своих... друзей! — выплюнула Лика не колеблясь.

— Повинуясь своим эмоциям, вы упустили из виду главное, — ответил Шампус спокойно. Уголки его губ дрогнули в улыбке. — Если бы в мои планы входило убийство, ваш... друг был бы уже мертв.

— Тогда зачем мучить его?

— Вы правы, я действительно не испытываю к своим женщинам ни любви, ни жалости, однако для меня жизнь каждой бесценна. Рисковать вашей я не намерен тоже.

— Что это значит?

— Я послал водников опустошить резерв Сайроса. Он же отправил их на больничную койку. Пришлось вмешаться и объяснить молодому магу, что во дворце он сможет остаться лишь при одном условии — я лично буду контролировать его силу. Если вы обернетесь, то вашему взору станут доступны рисунки, которые проступили на теле Сайроса. Они позволят мне наблюдать за наполнением его универсума, а также контролировать потоки энергии, в случае выброса которой, я смогу уберечь от бесславной кончины не только вас, но и своих подданных. Это всего лишь мера предосторожности.

Король произвел на меня глубокое впечатление. БегГар Шампус был не только могущественным магом, мудрым правителем, но и, как оказалось, сохранил человечность. Признаться, этого я от него никак не ожидала. Шампусу ничего не стоило отделаться от Сайроса, он мог позорно выгнать его из дворца или еще хуже, убить, но он с уважением отнесся к выбору своей невесты. Король, наделенный великой властью, не только позволил человеку с темной репутацией, клеймом лежащей на роду Севере, остаться при дворе, но и лично обеспокоился тем, чтобы смертоносная сила огня не вышла из-под контроля и не натворила бед. Другой стороной медали стало опустошение универсума, которое на время дезориентировало Сайроса, но... покой и хороший сон вернут нашего дознавателя в строй.

Вдобавок ко всему, на плохое к себе отношение Шампус отреагировал со сдержанностью, вызывающей уважение и восхищение.

— А сейчас, моя дорогая, я вынужден оставить вас. Отсутствие скипетра делает опасным ваше пребывание рядом со мной.

Когда Шампус ушел, Ликерия не стала идти на конфронтацию с Орианом, что наблюдал за происходящим со стороны, и позволила ему отвести дознавателя к придворному лекарю. Выбрала партнершу в спарринге — ей оказалась девушка, которая отличалась физической силой, искусно владела оружием и называлась мужским именем Олим. Глядя на суровое мужественное лицо Олим, я подумала, что Ликерия явно переоценила свои силы, но дочери командора требовалось скинуть напряжение, а Олим с ее духом борца как никто подходила для этого.

Зная любовь Ликерии к тренировкам (именно с тренировок она начинала каждое свое утро, и не важно, останавливались мы на ночлег в дорогих гостиницах или под открытым небом), у нас было время, чтобы вернуться во дворец и насладиться завтраком.

Румяные пироги, мягкий сыр, засахаренные фрукты, тающее во рту печенье и шоколад, — все это на огромных подносах Мелитина разместила в моих покоях. Отодвинув корзину с не пахнущими цветами, я удобно расположилась на широком диванчике и жестом пригласила Мели присоединиться к трапезе. Подгадав момент, я сделала восхищенное лицо и принялась делиться впечатлениями от первой встречи с королем, расточая ему всяческие комплименты. Мелитина улыбалась, отчего на ее щеках появлялись соблазнительные ямочки.

Выслушав меня, Мелитина отложила кусочек медового пирога:

— БегГар Шампус дал себе слово не наказывать ни одну из своих жен больше, чем они уже наказаны, — голос ее завораживал простодушной нежностью. — Однако это не означает, что великий и могучий будет потакать капризам своих избранниц. Дерзость,

вызывающее поведение и неповиновение всегда порицались королем. И лучше бы госпоже Ликерии не злить мага, обладающего великой силой.

— Будут последствия?

— И весьма печальные...

— Он ее убьет?

— Что вы, нет! — изумленно воскликнула Мели.

— Что тогда?

— Великий и могучий не станет дожидаться свадьбы, — вздрогнув, прошептала она.

Я внимательнее присмотрелась к своей помощнице. Отодвинув от себя бокал, она мотнула головой, словно отгоняя горькое непрощеное воспоминание. Нежный румянец на щеках стал блее снега, мягкие черты лица заострились, а красивые тигриные глаза миг потухли. Это навело меня на нехорошие мысли.

Я так и не решилась спросить то, что меня действительно интересовало. Посчитала, что мой вопрос вызовет подозрение, а излишняя любознательность оттолкнет общительную, но не глупую служанку.

— Вкуснее лакомства я в жизни не пробовала! М-м-м, — промурлыкала я, положив ложку шоколадной массы в рот. — У ваших поваров несомненный талант!

— Попробуйте печенье. Оно невероятно вкусное и просто тает во рту, — оживилась Мелитина и подала мне усыпанную маком сладость.

Мели мне нравилась, хотя и казалась излишне эмоциональной. Немногим ранее на ее выразительном лице я читала грусть, а сейчас Мели находилась в радостном расположении духа. Она поднесла руку к корзине с цветами и любовно пробежалась пальчиками по упругим алым бутонам роз. Аккуратно извлекла один цветок, коснулась лепестками губ и глубоко вдохнула.

— Я помню, как могут благоухать розы. Помню этот нежный влекущий аромат...

— Я тоже. Вот только эти розы ничем не пахнут. Заклинание, развеивающее запах, — тут же догадалась я.

— И не одно. Они развешаны по всему дворцу, кроме кухни, конечно.

— И этому есть объяснение?

— Я спрошу у Иоаланты. Помимо легенд она много чего интересного знает.

— Спроси, — я растянула губы в вежливой улыбке.

Весь день Лика не находила себе места. Оставив своих девушек в изумрудной зале, она набрала фруктов и закрылась в дальней комнате, предпочитая завтракать в одиночестве. Спустя четверть часа она уже заявила, что хочет осмотреть дворец.

Угрюмой статуей Ликерия застыла на пороге библиотеки. Я же скользила восхищенным взглядом по тонушим во мраке резным стеллажам, на которых дремали ветхие посланники прошлого. Как же мне хотелось погрузиться в дух старины, забыв про время; пройти по рядам, читая тесненные на сафьяновых корешках названия книг, встав на носочки потянуться к одной из них, в трепетном волнении смахнуть легкий налет пыли и, затаив дыхание войти в царство, по слову открывающее мне свои тайны. Увы, сегодня был не мой день.

— Мы теряем время впустую, — сказала Ликерия и развернулась уходить.

Беззвучно вздохнув, я последовала за будущей королевой и ее свитой в вечно цветущий розарий. Пока девушки смеялись, играючи подставляя ладошки брызгам хрустального фонтана, я любовалась застывшими на желтых бархатных лепестках каплями росы, радугой переливающимися на солнце. Неприступные «царицы» совершенно не пахли,

отчего сад казался безжизненным — красивой картинкой, которую художник, оставаясь равнодушным, перенес на холст.

— Прелесть как мило, — Лика поджала губы и отвернулась. — На что еще здесь можно посмотреть?

Лику не впечатлили ни парк, ни галерея. Мы посетили одну из островерхих башен, откуда открывался великолепный вид на царственные горы. Вторая башня оказалась под запретом. Я задумчиво взглянула на башню, шпиль которой венчал черно-золотой флаг. Должно быть, нынешняя королева доживает там свои дни.

«Мне следовало бы нанести несчастной визит, чтобы хоть немного подготовиться к тому, что ждет меня после свадьбы» — подумала я, спускаясь к берегу бурлящей реки, где стояла небольшая кузница.

Следует заметить, что кузница вызвала у Ликерии неподдельный интерес. Создалось ощущение, что она часами могла прохаживаться вдоль стен с оружием, еще ни разу не побывавшим в бою. Выбрав меч, Лика вынула его из ножен. Зеркальная поверхность клинка, выкованного из плетенных между собой прутков железа и стали, отразила ее оценивающий взгляд. Легко определив центр тяжести, она подкинула меч и перехватила его за рукоять.

Удары молота о наковальню стихли. Непрошенных гостей, наконец, заметили.

— Гармоничен, хорошо сбалансирован. Негоже такому оружию без дела лежать, — вытирая грязные руки о еще более грязную тряпку, к нам обратился мускулистый кузнец.

Лика в быстром темпе совершила несколько махов мечом.

— А главное легкий и маневренный!

Я украдкой зевнула.

— Масса сосредоточена в области рукояти. Он также хорош и для колющих ударов, — сказал кузнец, пристально наблюдая за «фехтовальщицей».

— Удобно лежит в руке.

Кузнец одобряюще хмыкнул и снял со стены меч, выкованный из метеоритного железа. Не дожидаясь приглашения Лика пошла в атаку. Движения ее руки были короткими и не заметными, клинок же выписывал лунные дуги с такой скоростью, что кузнецу пришлось, защищаясь, отступить. Отскочив от направленного удара кузнеца, Ликерия, разворачиваясь, рубанула по его клинку. Меч ее оказался настолько острым, что разрубил метеоритное лезвие пополам.

— Впечатляет, — с восхищением произнесла Лика.

— Он ваш, моя госпожа, — склоняясь в поклоне, заключил кузнец. — Вы достойны обладать «Лунным цветком». Истинная дочь своего отца, — сказал кузнец и умолк. На его лицо словно упала тень.

Стоило Ликерии вернуться во дворец, как она вновь впала в уныние. К обеду она не вышла, сказав, что не голодна. Когда я вошла в ее покои, она лежала на кровати, задумчиво поглаживая серо-аметистовый эфес своего меча, который в лучах полуденного солнца казался мраморным.

Я осмелилась предположить, что причина затянувшейся апатии Ликерии пребывает в палате местного лекаря. С каждым днем я все больше убеждалась, что эти двое не только знакомы, но и связаны некими чувствами.

— Одно я знаю наверняка, — начала я, искренне уповая на то, что раз уж мне позволили обращаться на «ты», то и совет... (дружеский!) не помешает. — Великий монарх действительно ценит жизнь своей невесты. Но только твою и ничью более, — глубокомысленно изрекла я, стоя в дверях.

Надеюсь, Лика смекнет, что если я догадалась о ее чувствах к Сайросу, то вскоре поймут и все остальные. И если в ближайшее время она не прекратит тихо страдать от любви и не заглушит в себе это чувство, будут последствия.

— Пойми, ты в безопасности.

«В отличие от нас!»

Глава 12

Стоя у постели больного, я рассматривала стены, украшенные шестигранными плитами с выжженными на них изображениями лекарственных трав.

Интересно, испытывают ли иные такое же чувство дезориентации при полном опустошении своего универсума, что испытал Сайрос? Если да, то, милостивые духи, уберегите меня от этого кошмара.

Беглого взгляда на Сайроса было достаточно, чтобы понять в каком он состоянии. Казалось, это естественно: расслабленные мышцы лица, когда ты без сознания, однако, лицо Сароса было крайне напряжено, плотно сжатые зубы говорили о том, что даже сон не избавил его от боли и страха. Страх бессилия, страх беспомощности заполнил его разум сразу после того, как из его тела насильно исторгли огненную энергию.

Поймав себя на мысли, что хочу облегчить его страдание и в легком прикосновении стереть глубокие морщинки в уголках его закрытых глаз, я лишь крепче сжала кулаки, удерживая себя от мимолетного желания. «Все это из-за того, что мы связаны общей целью и Сайрос нужен нам сильным, расчетливым и убедительным», — нашла я оправдание столь чувственного порыва к малознакомому мне магу. Пора было уходить, но как только я распахнула дверь, за спиной послышалось хриплое:

— Где лекарь?

Я остановилась и, нацепив на лицо улыбку, медленно повернулась к дознавателю.

— Схватил книгу-зелейник и ушел в свое хранилище готовить лекарства. Вам оставил лечебное вино и наказ «пить и поправляться!» — я жестом указала на прикроватный столик, где стоял фаянсовый караф с высоким горлышком, с улыбкой вспоминая сетования добродушного старичка на то, что такие вина следует открывать за сутки, а лучше двое до приема...

— Мясо есть?

— Мяса нет, но есть печенье с имбирем и гвоздикой. Будете?

— Смеешься? — его пепельные брови сошлись на переносице.

— Что вы?! Проявляю заботу, — вновь улыбнулась я. — Пейте вино и поправляйтесь, а я вынуждена вас оставить, — не обращая внимания на упрек в аметистовых глазах мага, я развернулась и шагнула к двери. Памятуя, как плутала среди многочисленных комнат (от крохотных коморок со столиком и кушеткой, до огромных залов со шкафами, на полках которых были любовно расставлены старинные бальзамы, настойки на почках и кореньях, мешочки с сушеными травами, изящные коробочки с неизвестным содержимым, серебряная посуда и многое другое), я попросила молодого лекаря меня проводить.

Изумрудная зала сияла, словно отполированный минерал. Девушки, удобно расположившись на мягких диванах, занимались рукоделием и чтением. Поддавшись миротворенному настроению, я тоже стала шуршать пожелтевшими листьями духовной книги, которую Мели захватила для меня из библиотеки. В чудесное спасение просящих, обратившихся за помощью к всевидящим, верилось с трудом, а потому, заложив очередную историю пальцем, я взглянула на столик, уставленный изящными фарфоровыми вазами, на которых из кусочков фруктов были созданы настоящие шедевры, украшенные живыми цветами и листочками свежей мяты.

Портить фруктовую композицию не хотелось, но желание отведать ее было велико, и нанизав на шпажку кусочек дыни, я отправила его в рот. Околдованная вкусом нежнейшей мякоти, сладкой как мед, я едва не замурчала от наслаждения. Мои мысли тут же пленила фруктовая корзиночка, политая кленовым сиропом, но как только я поднесла сладость к губам, двери в изумрудную залу распахнулись, и к нам твердым шагом вошла Ликерия; она обвела застывших в поклоне девушек прицельным взглядом и остановила его на мне. Мгновенно ощутив чувство тревоги, я сглотнула, мысленно сетуя на то, что несколькими часами ранее имела глупость оставить дочурку командора наедине со своими мыслями. И теперь беда, имя которой Ликерия, готова была

обрушиться на мою голову.

— Госпожа? — произнесла я, стараясь, чтобы мой голос оставался спокойным.

— Идем, подышим свежим воздухом, — ее гордая осанка, полный решимости взгляд и враждебные нотки в голосе, сулили мне большие неприятности.

И черт меня дернул полезть к ней со своими советами!

Она неправильно истолковала мои слова?!

Обиделась и решила проучить меня?!

Исполняя волю будущей королевы, я склонилась в поклоне с маской овечьего смирения на лице, которую так и стремились разрушить злость и нежелание повиноваться балованной девчонке, которая выросла под крылом отца и даже не догадывается, какой сумасбродный спектакль уготовил ее папенька и кого удостоил главной роли! Чувствую себя зажатой между молотом и наковальней: сверху — утративший связь с реальностью командор, возомнивший, что ему по силам изменить судьбу своего ребенка, снизу — упертая влюбленная дура, а вокруг... вокруг одни враги, которые нацепив на лица радужные маски, внимательно следят за каждым моим шагом, словом, жестом. Меня уже воротит от понимающих взглядов прислужниц и их милых улыбок!

«Не верю!»

«Спокойствие и покорность»... — повторяла я себе эту мантру, следуя за госпожой.

«Тишина и послушание», — твердила я, пересекая внутренний двор.

Спокойствие мое рухнуло в пропасть, когда я поняла, что меня ждет утомительный подъем по узкой винтовой лестнице. От мысли, что придется вновь лезть на высоту каменной восьмиугольной башни, меня затошнило.

«Смирение и кротость. Я смиренно приму уготованное мне наказание и кротко поблагодарю за урок», — изо всех сил убеждала себя, прожигая взглядом пятки Ликерии.

Едва ступив на последнюю ступень, не успела я перевести дух, как Лица, поддавшись приступу гнева, схватила меня за волосы и потащила на балкон. Вот чуяло мое сердце, что не пленительной панорамой мы идем сюда любоваться.

Широкий платок темно-сливового цвета трусливо сбился на груди. Волосы трепал холодный ветер. Носки едва касались пола. Ладони покрылись холодным потом. Стоя на самом краю смотровой площадки, я неестественно выгнулась, больно упираясь поясницей в ограждения. А за спиной ревела река, готовая в любую минуту принять меня в свои бурлящие объятия.

Растерянная и напуганная я попыталась вырваться, но ничего не вышло. Хватка Ликерии была железной.

— Я хочу знать, зачем отец отправил тебя, доходяжную монашку, сопровождать меня? Что вы там задумали? Говори!

Желание Лици выяснить намерения отца относительно моей персоны меня не удивило.

Пальцы болезненно сжались на моем горле.

С жуткой высоты я смотрела вниз, и мне вдруг показалось, что перила, на которые я опиралась спиной, не выдержат, и я рухну вниз, окрасив кровью гранитные скалы. Будет больно — но лишь мгновение. Обменять жизнь на бесконечную тишину и покой? В какой-то момент меня словно коснулось спокойное отчуждение, и как ни странно, в эту минуту я была готова упасть. Этот мир был мне чужим. Здесь никто не встанет на мою защиту, никто не протянет руку помощи. Да и толку от этой помощи?! Я видела возможности Шампуса. И я даже не представляла, как предстать перед алтарем вместо его Ликерии. Немыслимо и невозможно! Но даже если небесные будут милостивы ко мне, и я исполню данную командору клятву, где гарантии, что после этого Ориан не

пустит в меня стрелу или Сайрос не вонзит клинок в сердце? А Шампус, узнав правду, не раздавит меня своей черной яростью? Гарантий нет, есть призрачная надежда...

— Говори, кто ты? Зачем ты здесь? — зло повторила Ликерия.

Я не знала, что ей сказать. У меня не было однозначного ответа, почему командор скрыл от своей дочери правду. Одно я знала наверняка, — у такого человека, как Хонор Ригхест, определенно были веские причины, чтобы умолчать о том, что я «иная». И пока я не разберусь в этих причинах, следует проявлять осторожность.

— Ты знаешь ответ на эти вопросы. Другого ответа у меня нет. Так что либо заверши начатое, либо отпусти и успокойся.

Понимая, что Лике сложно изменить свое решение, я раскинула руки и, сдерживая выдох, медленно подалась назад.

С лица Ликерии на миг сошли все эмоции. Время будто замедлилось, и я увидела, как из глубины чистых бездонных глаз на меня смотрит страх. Ликерии стало по-настоящему страшно, оттого что она меня не удержит. Без малейшего колебания она схватила меня за ворот и рывком отшвырнула от ограждения.

«Выходит у нашей дерзкой и опасной Ликерии все же нежное сердце».

— Да ты больная?! — обрушилась на меня Лика. — Ненормальная! Неужели ты и вправду готова себя убить? Тебе что, совсем незачем жить?

Я безмолвно сидела на холодном камне и снизу вверх смотрела на Лику. В нас было много общего, больше, чем могло показаться на первый взгляд. Мы обе не могли распоряжаться своей жизнью: жизнью Ликерии завладел король, чтобы в последствии ее уничтожить, моя — в цепях клятвы, данной в логове Аспида. Мы обе внушили себе, что изменить ничего невозможно, чем лишили себя уверенности.

— Лика, я понимаю твоё желание вырваться из этой клетки. Но и ты меня пойми. Я могла бы успокоить твоё воспалённое сознание, сказав, что я «крестная фея», которая пришла исполнить твоё сокровенное желание, но... мы обе знаем, что это не так, — я грустно улыбнулась. — Я всего лишь служанка всевышних. Прими это как данность и не забивай себе голову всякой чепухой.

«Иначе подставишь меня, и тогда чудо точно не произойдет!» — закончила я мысленно.

— Прости, что напугала. Я не хотела. Я действительно думала, что ты...

— Крестная фея?! — вдруг театрально воскликнула я, и мы обе взорвались истеричным хохотом.

— Вызывал?

— Что ты думаешь о монахине? — обратился Шампус к посвященному Совету Судеб Валтору дэ Глии.

Длинное мощное тело Валтора было облачено в строгую тогу, белоснежный ворот украшал аграф — перо из темно-красного металла. Голова выбрита, а лицо начисто лишено бровей и ресниц, при этом кожа серовато-белого цвета казалась неживой. Спадающие уголки тонких губ, прицельный взгляд, словно подбирающий ключ к истинным мыслям жертвы, выдавали в нем хладнокровного, жестокого монстра. Неподкупный, он был мастером своего дела: «разруливал» политические конфликты, беспощадно устранял неугодных королю, «чистил» двор от гнили, «давил» на «учителей мира», которые считали, что вправе нести народу свою истину, дескать, один монарх не должен править королевством из века в век. А уж сколько крови было пролито в «темницах обреченных», не знал даже сам король. Однако, наряду с достоинствами был у Валтора и один существенный недостаток. Он служил не только королю, но и Совету Судеб. О каждой казни смертью он доносил Совету, который возглавляли девять архимагистров. Когда это раскрылось, Шампус лично пытал Валтора, но даже под пытками тот не выдал, сколько таких сообщений он отправил «своим». Беггар Шампус стоял перед истерзанным телом Валтора и видел несгибаемую преданность своему врагу. В тот момент он отчетливо понял, что его мощная энергия тьмы больше не

внушает страха Совету. Совет Судеб давно будоражил мозг короля, однако ввиду сложившихся обстоятельств, Шампус мало что мог изменить. Этот абсцесс был слишком обширен, чтобы вскрыть его без губительных последствий. Харкая кровью, весь дрожа от напряжения, Валтор из последних сил просил короля сохранить ему жизнь. Когда Шампус обратил на него свой взор, рука посвященного уже безжизненно свисала с черной мраморной плиты. Шампус не только вернул Валтора к жизни, воспользовавшись услугами некроманта, но и приблизил его к себе настолько, что в последствии мог уже не переживать на его счет.

Заложив руки за спину, посвященный вышел на узкий, безо всяких ограждений балкон башни. Валтор смотрел вниз, в полутьму тренировочного поля, по которому скользили два лучика света — это Лика сошлась в спарринге с одной из своих помощниц. Сила, магическая выносливость, молниеносная реакция и боевая подготовка будущей королевы удивила и восхитила его.

Водяной шар, с трудом отбитый мужеподобной Олим, врезался в ограждения, недалеко от того места, где на стульях с высокими резными спинками за круглыми столами, накрытыми кружевными скатертями, удобно расположились помощницы Ликерии. Проводить время на свежем воздухе девушки решили за чашечкой чая с медовыми шариками, посыпанными маком.

Взгляд Валтора остановился на монахине, которая держалась обособленно и в разговоры не вступала. Прижимая к груди молитвенник, как дар свыше, она внимательно следила за спаррингом.

— Дай мне время, и я скажу тебе, что я о ней думаю, — безжизненным голосом произнес Валтор.

— Она не должна ничего заподозрить, — предупредил Шампус.

Плавным кивком головы Валтор дал понять, что распоряжение короля услышано.

— Будут еще указания относительно свиты твоей невесты?

— Нет. Сайроса Севере я контролирую.

— Воин света?..

— ...лишь пешка, обеспечивающая безопасность своей госпожи. Ступай.

Глава 13

С самого утра я поняла, что сегодня не мой день. Лика вновь разбудила меня ни свет ни заря и потащила на тренировочную площадку.

Небо, словно затаив на нас злобу, было беспросветным. Ветер колыхал нити ограждения, на которых словно роса застыли капли серебра. Пока Лика упражнялась с водяными пульсарами, мы с девчонками наслаждались горячим чаем и приятной беседой, расположившись под магическим куполом, ограждающим от непогоды. Вернее сказать, беседовали наши помощницы, мое же внимание привлек «черный клещ» вплетенный в ауру Ликерии. И чем больше я всматривалась, тем отчетливее понимала, что потребуется не один день практики, чтобы повторить такое мерцающее кристалльным блеском изящное плетение.

Поежившись от неприятного ощущения чужого взгляда, я обернулась. Взгляд словно магнитом притянула одна из двух башен. На невероятной высоте, без каких-либо ограждений, на самом краю балкона, стояли двое мужчин. И если в первом я признала короля, то незнакомец, стоящий в тени монарха, пугал одним своим нечеловеческим видом. Ко всему прочему одет он был в выбеленную тогу, которую носили лишь посвященные Совета.

— Слева от короля, кто это? — чуть склонившись к Мелитине, тихо спросила я.

— Валтор дэ Глии, доверенное лицо короля, — так же тихо ответила она.

— Самое доверенное — личный секретарь его темнейшества, — уточнила Мели.

— Я не вижу его ауры.

— Так он же лазар! — добила окончательно Мели. Посчитав, что я ничего о них не знаю, она принялась рассказывать мне про умерших, которых возвращают к жизни, пока душа не покинула их тело, но я ее уже не слышала.

Личный секретарь короля не кто иной как посвященный совета! Посвященный совета — лазар, о возможностях которого мне ничего не известно! Я запрокинула голову и, глядя в чернеющее небо, мысленно прокляла всевидящих. «Вы что там, все сговорились?! Решили меня со свету сжить, ублюдки старые?!»

Словно в ответ послышались грозовые раскаты. Крупные капли ударились о воздушный купол, и будучи не в силах дотянуться до меня, словно горох, стали отскакивать вверх и в стороны.

«Это вы сейчас в меня плюнули? Хотите сказать, что ненавидите меня. Валяйте! Вы еще скажите, что я угроза вашему миру!?» — мысленно заорала я, до боли сжимая пальцами ни в чем не повинный молитвенник.

Вдруг шарахнуло так, что я вскочила со стула, и ливануло с такой силой, что силуэты бегущих к нам Ликерии и Олим стали едва различимы. Лика буквально влетела под купол. Мокрая и счастливая, она тряхнула головой, и окропив нас водой, вызвала взрыв смеха. Я же пребывала в такой прострации, что даже не сразу почувствовала, как стал подергиваться мой левый глаз.

И угораздило же меня родиться «иной», а не червячком в спелом яблоке. Поедала бы свою маленькую вселенную, не зная горя и бед...

Вернувшись во дворец, я придала себе усталый вид и, ссылаясь на плохое самочувствие, выпросила у добродушной Лики время на отдых. Этой ночью я решила все-таки отыскать королеву. Мне надоело мое бездействие. Надоело гнетущие мысли, роящиеся у меня в голове. Надоело чувствовать себя слабой и беспомощной. Будь я действительно такой, испустила бы дух еще на площади Угольного клейма в жарких объятиях пламени! Я решила, что пора уже искать выход из безвыходного положения, в котором я оказалась. Но для начала — спать. Мое тело должно быть бодрым, а голова — ясной...

— Самое время рассказать, что ты задумала? — насмешливый голос вывел меня из страны Морфея. Не открывая глаз, я представила себе колючую улыбку Ориана, а

разомкнув ресницы, увидела ее воочию.

Словно выдавая нетерпение своего хозяина, под потолком парили созданные Орианом маленькие светлячки, оставляя за собой угасающие шлейфы света. Один из них уселся на подушку возле моего носа и сердечком сомкнул свои крылышки. Я улыбнулась и накрыла его ладонью. Тут же взвизгнув от боли, молниеносно одернула руку.

— Не понимаю о чем ты? — потирая обожженную ладонь, я с недоумением взглянула на воина.

— Ты проспала весь день.

— У меня здоровье слабое. А трава, которой я вынуждена питаться, не несет моему организму ни капли энергии. Вот мне и приходится много отдыхать, иначе я рискую напугать всех своей могильной бледностью, — нашлась я с ответом.

— Я жду правду.

— Состаришься, пока дождешься, — съязвила я и не заметила, как была выдернута из теплой кровати и прижата к стене горячим телом. При этом его колено оказалось между моих обнаженных ног — стоит заметить, весьма неудобная поза для выяснения отношений. С равнодушным спокойствием встретив взгляд Ориана, я разомкнула губы, желая указать нагледу его место. Неожиданно в мое сознание просочилась странная мысль, и я почувствовала успокоение, словно нарыв, который медленно вызревал внутри меня, полили умиряющим боль лечебным соком. Я вдруг поняла, что верным решением на пути к моему спасению будет сыграть на его инстинкте защитника. Я медленно обвила его шею рукой и мягко коснулась пальцами густых волос. Сверкнул светлячок, и я поймала отразившиеся в зеркалах наши с Орианом силуэты, которые растаяли в темноте, стоило крохе смущенно погаснуть.

Ориан молчал, пытаясь оценить мои действия. Я же была решительна в своем желании разжечь в Ориане чувства. Нежным движением пальцев, я дарила его шее, плечам, груди волнительное кружево прикосновений, незаметно становясь к нему чуточку ближе.

Проницательный взгляд Ориана стал совершенно невыносим, и слегка откинув голову, я попыталась растопить его ледяное сердце нежной улыбкой. Его взгляд опустился к моим едва приоткрытым губам, и на какие-то доли секунды мне показалось, что лишь мгновение отделяет нас от поцелуя.

В тишине, укрывшей нас своими крыльями, танцевали рожденные светлячками тени. Мое горячее дыхание касалось его губ, рождая мелодию, которая могла стать бесконечно прекрасной дорогой в царство сладких грез, если бы не одно «но». Мы не слышали аромата ночи, не чувствовали запаха наших тел. Не было аромата и у наших чувств: аромата светлого как счастье, сладкого как мечта, исцеляющего как глоток нектара и чистого как наслаждение, что оставляет жаркий шлейф воспоминаний, живущих глубоко в памяти. Ощукая его физическое желание, я смотрела в его глаза и ясно понимала, что не справилась — мне не удалось затронуть струны его души.

— Любишь рисковать?

— Риск — моя стихия, — отшутилась я в надежде сгладить свой промах.

— Что ты задумала? Отвечай! — неожиданно жестко потребовал Ориан.

Сердце возмущенно забилось, подымая во мне волну раздражения: «какого черта я трачу драгоценное время на этого упыря?!»

— Для начала выбраться из твоих объятий, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. — Пусти.

— Ты что, не понимаешь, что своими необдуманными поступками ты погубишь Ликерию.

подавив желание засадить коленом по «самолюбию» воина, я, продолжая поглаживать его грудь, сладким голосом протянула:

— Я погублю не только ее, но и всех вас, если ты меня не отпустишь.

— Кого угодно, только не Ликерию. Ты кое-что задолжала командору, и этот долг ты вернешь, иначе...

— Хватит уже угроз, — прикрыв его рот ладонью, я тихо продолжила:

— У меня ничего нет. Мой дом сгорел. Единственный родной сердцу человек — погиб. Стоит мне нарушить клятву и меня постигнет участь более ужасная, чем смерть. Девятипалый выкачает из меня эфир до последней капли. Также я понимаю, что ждет меня, если король узнает мою тайну. Меня посадят на костер. Я потеряла все... У меня осталась только надежда, я не хочу потерять еще и ее.

Признаться честно, меня беспокоила моя откровенность. Я не считала правильным делиться своими мыслями, однако сейчас это было необходимо. Необходимо объяснить воину, что желание выжить для меня важнее их интересов.

— Пойми, мне нужно знать, что после обряда я не сойду с ума и не «задохнусь» от смрадного гниения своего тела. Я должна знать, что смогу освободить себя от бремени заключенного между нами союза... Однако если ты сочтешь, что риск не оправдан... если решишь поставить меня перед выбором, скончаться от магического истощения, сгореть или заживо сгнить, я предпочту быструю смерть. И мне будет плевать, что станет с вашей взбалмошной девчонкой, о которой вы так печетесь. Плевать, что станет со всеми вами! Пойми. Мне. Плевать!

Твердой рукой Ориан отвел мою ладонь от своих губ.

— Ликерия верит тебе, — перестраиваясь на другой лад, сказал он.

— Тем хуже для нее.

— Ты не посмеешь с ней так поступить!

— Вспомни нашу с Ликой прогулку на самый верх дворцовой башни. Вспомни слухи, что после поползли по двору. Ориан, я смогу убить себя...

Ориан замолчал. Совсем невесело взглянув на воина, я налепила на губы улыбку и с трудом повторила:

— Я не только смогу, но и сделаю это, если ты меня не отпустишь. Сейчас же!

Тиски разжались, и я, как была, в одной тонкой рубашке, направилась к выходу.

— Айла, платье, — ударило мне в спину.

Я накинула на себя иллюзию монашеского одеяния и усмехнулась на вопрошающее «все-таки, что у тебя на уме?». Усмирив желание пнуть дверь наотмашь, тихонько ее отварила, и окутав мраморных дев иллюзорной тьмой, вышла из комнаты.

Шары в мраморных ладонях вспыхивали один за другим, освещая изможденную, бледную как холст девушку с блуждающим взглядом и охапкой колючих роз. Движения ее были дергаными, шаги торопливыми, а губы все время бубнили что-то невнятное:

— Огромные перья... придумала... в вазы... Чем розы не угодили? А что делать? Щипать хвосты... гуляющих в королевском саду? Как букашку... Делать-то что? ...своими силами. Не могу больше...

Когда подошла моя очередь светить незнакомке путь — мое «маленькое солнце» в руках зажглось вместе с шаром следующей мраморной девы. От неожиданности девушка споткнулась, и вся охапка ослепительно красивых цветов спустилась к ее ногам. Лицо прислужницы побелело. Она заломила руки, тихо всхлипнула и упала на колени. Едва заметно склонив голову, я смотрела на ее исколотые шипами запястья. Быстрыми движениями она собрала стебли с бутонами, смотрящими в разные стороны в кучу, поднялась и поспешила прочь. Стоило ей скрыться из виду, и коридор вновь утонул во мраке. Неожиданно я поймала себя на мысли, что во дворце могут обитать и бесплотные сущности, тела которых сами по себе излучают свет. Столкнись я с ними и все, пиши —

пропало. Сетя на свою недалёковидность, я накинула на себя личину незнакомой мне прислужницы, и мысленно подготовившись к встрече с окаянными, шагнула к двери, откуда вышла незнакомка.

Словно россыпью бриллиантов засияли каменные стены, усыпанные каплями росы, чистый свет которых тут же утонул в глубине подземной башни, а вслед за ним полный ужаса крик сорвался с моих уст, безвольно ухнул в зияющую черную дыру и, по капле истончаясь, угас в её глубине. Затаив дыханье, я замерла у самой кромки лестничного пролета, содрогаясь от мысли, что сделай я еще один шаг, и осуществлю свою угрозу, поставив прочерк и сегодняшнее число после даты моего рождения. Шли минуты, а я все смотрела, смотрела вниз, прижав руку к груди, где болезненно щемило сердце. Наконец, собравшись с духом, я сделала решительный шаг... назад.

Я так и не смогла спуститься во тьму подземной башни, конца и края которой не было видно. Спуститься по лестнице, перилами которой служили редкие колонны. Мне не хватило духа. Тело била мелкая дрожь, ноги не желали слушаться и я аморфной массой сползла по стеночке. Идея на время отложить поиск королевы показалась мне лучиком света в этом темном царстве, дверь в которое я захлопнула на порядок громче, чем намеревалась.

«Струсил?!» — насмеялся надо мной внутренний голос.

Я скосила взгляд на вход.

«Любой бы струсил!» — ответила я сама себе и решила вернуться в радушное тепло своих покоев. Для первого раза впечатлений достаточно...

Неожиданный хруст под ногами выдернул меня из водоворота мыслей. Осмотревшись, я поняла, что стою посреди мрамора разбитых статуй. Роспись трещин на стенах также говорила о том, что крыло, куда меня вывели ноги — не жилое. Тяжелые двери из вяза, словно былинные герои, затаив на живых обиду, свято хранили свои тайны. На мгновение тучи расступились, и зыбкий свет луны дотронулся до стеклянного купола, спустился через круглые пролеты верхних этажей, осыпав лунной пылью паутину резных перил.

Я стояла на дне светового колодца посреди пустого пространства, наполненного запыленным воздухом, и глядя на полотнище, больше напоминающее отрепья нищего, пыталась воссоздать в своем воображении когда-то красивую знаменную ткань.

Неожиданно со второго пролета соскочил один из осколков, и, пролетев от меня на расстоянии вытянутой руки, со звоном ударился об мозаичный пол. Не успела я обратить свои мысли в спасительном направлении, как кто-то темной птицей перемахнул через перила и приземлился прямо передо мной.

Осветив мое лицо активированным на ладони светочем, стражник склонился надо мной, словно отец над набедакурившим ребенком и сурово спросил:

— Известно ли тебе, что северное крыло посещать запрещено!?

«Запрещено, запрещено...» — ехидно повторило эхо.

Мгновение и я включилась в игру. Наполнив глаза несуществующими слезами, я виновато заломила руки, как заламывала их прислужница, встреченная мной в дворцовом лабиринте. Губы задрожали, и я заговорила сама с собой, неся околесицу про розы, вазы и неоципаные хвосты.

— Замолчи. Следуй за мной.

Шаги его были широкими, уверенными, мои — тихими, едва слышными. Подгадав момент, я осталась по ту сторону дверей, покрытых серебром, провожать взглядом две мрачные фигуры. Насторожившись, стражник обернулся, но увидев покорно следующую за ним прислужницу, вернее ее копию, успокоился.

Немного поплутав, я вышла к хранилищу книг, от которого без труда отыскала дорогу в свои покои.

Прикрыв за собой дверь, я припала к ней лбом и, медленно выдохнув, скинула иллюзию.

— У меня седых волос прибавилось, пока я тебя дождался, — послышалось недовольное. Разом вспыхнули светлячки, осветив сидящего в кресле Ориана.

— Мне нужен личный светлячок.

— Чтобы контролировать светлячка, его необходимо привязать к ауре...

— И-и?..

— Из болота проще вылезти, чем воздействовать на твою ауру, — глядя мне прямо в глаза, воин развел руками, давая понять, что ни одна его попытка не увенчалась успехом.

— Обойдусь и амулетом.

— Обойдешься, — сказал Ориан. — Любой амулет оставляет магический след. Активировав мой среди ночи неизвестно где, ты затянешь удавку на моей шее.

— Раз так, достань мне хоть что-нибудь, — приказала я, падая на кровать. — И потуши своих букашек.

— Как пожелаешь, — покорно угрожающе согласился Ориан.

Глава 14

На тренировочном поле, поправ наставления лекаря, Сайрос бился с магом воздуха. Даже мне, не сведущей в боевом искусстве, после нескольких выпадов воздушника стало понятно, на чьей стороне преимущество. Хитрый и этим опасный, он был еще и незабвенно красивым мужчиной, который, к слову, с легким пренебрежением относился к своим вещам — его дорогой камзол из белоснежного атласа валялся в стороне. Каждый его шаг, каждый взмах тонких чувственных рук, напоминали танец. Он мастерски играл потоками ветра: то разбивал огненный пульсар, и пока пылающие искры, затухая, осыпались, с силой толкал противника в спину, то хлестко бил Сайроса по ногам, то, словно малое дитя, ставил незримые подножки, по всей видимости, желая опрокинуть дознавателя на спину. Видимо это и было условием поединка. Сайрос защищался, из последних сил удерживая равновесие. Вдруг ветер, словно дворник, собрал сырые листья в охапку и свалил их в кучу прямо на Сайроса. Слабый взмах кистью; листья задымились и горячим пеплом взвились в небо. Этого мгновения вполне хватило, чтобы красавчик затянул вокруг щиколотки Сайроса воздушную петлю и с силой дернул. Не успела я моргнуть, как дознаватель уже валялся на спине, а победитель примирительно протягивал ему руку.

Мужчины подошли к нам и склонились в поклоне, один грациозно, другой едва держась на ногах.

— Ваша милость, вам плохо? — неожиданно обеспокоились помощницы.

Наблюдая за бледнеющей на глазах Ликерией, я поняла, что если так пойдет дальше, то вскоре ей действительно придется оплакивать любимого. Я не хотела вмешиваться, но не видела иного выхода как...

— Браво! — воскликнула я, перетягивая внимание на себя. — Мы желаем знать имя победителя!?

Незнакомец расплылся в обольстительной улыбке, которая дрогнула сразу, стоило ему скользнуть по мне поверхностным взглядом. Сдерживая улыбку, он снова поклонился, но на этот раз смотрел на меня уже с высокомерием и претенциозностью аристократа. Шейный платок из тонкого муслима, закатанные по локоть рукава накрахмаленной сорочки, золотые пуговицы, инкрустированные голубыми сапфирами — каждая вещь кричала о его высоком статусе и несметном богатстве.

— Ваша милость, — обратился он к будущей королеве, и в его преданном взгляде отразились лучи рассветного солнца, — позвольте представиться, Коммел Фонрант — ваш покорный слуга.

Замкнувшись на своих мыслях, Ликерия никак не отреагировала.

Его превосходный вкус, правильные черты лица... Стоп! Рассматривая его лицо у меня словно случилась легкая галлюцинация, которую я собиралась было списать на недосыпание, однако... Присмотревшись внимательнее, я поняла, что никакая это не галлюцинация. Это иллюзия! Вернее будет сказать морок, который словно вторая кожа искусно сглаживал все неровности, мелкие морщинки и даже скрывал родимое пятно кляксой сидящее на его подбородке.

— Веселую забаву вы себе придумали, господин Коммел! — не без доли ехидства сказала я. — Вы знаете толк в веселье и проводите время гораздо лучше, чем многие из нас.

— А как бы желали провести его вы, госпожа Ликерия? — удивительно приятным глубоким баритоном спросил красавчик Коммел.

Лица, наконец, соизволила отреагировать:

— Более всего я хочу сбежать от своих мыслей...

— И глотнуть воздух свободы? — легко подхватил Коммел, проникновенно глядя в глаза Ликерии.

— Умчаться за горизонт и забыть все это...

— ...как страшный сон! — снова продолжил он.

Пара фраз, сказанных вовремя и к месту, произвели на Ликерию хорошее впечатление и она утвердительно кивнула. Что кается красавчика, то, думаю, ему не стоило особого труда порадовать будущую королеву, заверив, что она не одинока в своих мечтаниях. А то, что из представителей высшего света он примчался во дворец первым — глупым девчонкам знать вовсе не обязательно.

Замечу, что при дворе существовала традиция, которая не менялась веками. Новую королеву ждали во дворце лишь после дня Тишины. С ее приходом начинались приготовления к обряду сочетания: рассылались приглашения, шились платья, создавались изысканные истории из золота и драгоценных камней. Так было всегда, но не в этот раз. Поправ обычай, король (все еще связанный брачными узами), привез избранницу на свою территорию до дня Тишины. В тоже время Совет Судеб, желая и остерегаясь обрушить на монарха лавину ярости, требует от БегГара Шампуса строго соблюдения правил, — так в кратчайшие сроки влиятельным семьям были переданы приглашения и дворец отворил свои двери в ожидании высоких гостей.

Но вернемся к красавчику Коммелу, который, желая усилить впечатление, пригласил Ликерию на конную прогулку. Тут же выяснилось, что никаких запретов на выезд за пределы дворца не поступало. Эта новость очень обрадовала Лику, и она распорядилась седлать лошадей. Глаза ее загорелись, а легкое возбуждение перед прогулкой подчеркнул кокетливый нежный румянец.

Во двор вывели безгривых представителей салтедской верховой и одного серого жеребца в яблоко, густая грива которого пестрела лентами. Украдкой сплюнув, Ориан принялся срывать ленты со своего коня и бросать их себе под ноги.

Каждый конюх держал под уздцы несколько лошадей и только одного Бурого сдерживали трое крепких ребят. В какой-то момент Бурый затих, и тут же с прыжка вверх метким ударом копыта оглушил главного; приземлившись, закружил на месте, за секунды раскидав сильных ребят как шахматные фигуры. К счастью, на помощь подоспел Сайрос, и конюхи отделались лишь ушибами.

Удивительная картина предстала моим глазам: Сайрос тихим голосом разговаривал с Бурым, нежно скребя переносицу притихшего монстра. Сайрос передал Ликерии повод, на мгновение соприкоснувшись с ней пальцами, и отошел в сторону.

Из распахнутых ворот мы прошли по мосту, и едва ступив на блестящий после дождя черный хребет, помчались вперед, разбивая каменную тишину звонкой дробью подков. Мы неслись так быстро, что стоило опустить взгляд, как под ногой все сплывалось в единое пятно. Это было здорово! А еще весело и беззаботно! Ветер свободы кружил голову. Ровно до того момента, пока мы не наткнулись на скученную в узкой расселине змею...

— Змею?

— Да, змею. Змеи на "Черном солнце» — явление небывалое.

— Валтор, девушкам показалось, — бросив на секретаря суровый взгляд, Шампус спросил:

— Тебе известно мое отношение к подобного рода историям?

— Известно, — с невозмутимым спокойствием ответил посвященный.

БегГар Шампус нахмурил густые брови. Его личный секретарь Валтор дэ Глии отличался хитростью и сообразительностью. На протяжении долгих лет он с легкостью избегал ловушки с дезинформацией и был не тем «человеком», который пользуется непроверенными сведениями.

— Тогда что прикажешь делать с чешуйчатым, тело которого распласталось на моем столе? — спросил Валтор.

Желая воочию лицезреть гада, Шампус вышел из-за стола и в сопровождении Валтора направился в его угольно-черную обитель.

По крутым ступеням темной лестницы мужчины молча спустились в подземелье...

— Валтор, мразь ты редкостная, — прошипела Велория при виде королевского секретаря, показавшегося на пороге сырой, слабо освещенной комнаты, наполненной мрачными тенями и сковывающим душу ужасом. — Ты применил попытки к служанке пресветлой! Я хочу знать причину, по которой ты убил ее? — напирала камеристка, но завидев входящего следом короля, осеклась и присела в поклоне.

— Ваше темнейшество, я прошу дозволения выделить в услужение пресветлой еще одну девушку.

— С новой прислужницей я дам пресветлой повод вновь проявлять свою жестокость. Это исключено. От руки пресветлой уже погибло одиннадцать девушек. Ее душа источена, а разум истерзан черной магией, которой она уже не в силах противостоять.

— Но, ваше темнейшество...

— Послаблений не будет, — отрезал Шампус. — Оставь нас.

Король протиснулся к прямо лежащему на столе гаду, приподнял его голову и всмотрелся в мутные глаза, на дне которых застыла пустота. Он раскрыл ладонь и направил потоки черной энергии в мертвое тело. Хаотично заскользив по телу существа, они проникли внутрь, оставив на ажурном узоре чешуи рваные раны.

— Следов магического воздействия нет, — с некоторым недоумением сказал Шампус и, закончив сканирование, спросил, — Что с прислужницей?

— Этой ночью в северном крыле была замечена нарушительница. Ей удалось ускользнуть от стража. В девице он признал служанку пресветлой, которую в последствии допросил.

— Выяснил, что она искала в северном крыле?

— Она до последнего утверждала, что запрета не нарушала. И знаешь... сейчас я склонен ей верить.

— Морок...

— Похоже на то.

— Необходимо устроить ловушки.

— Уже.

— Валтор, нарушитель нужен мне живым. Я сам допрошу его.

Валтор привык избавлять монарха от грязной работы, однако плавным кивком головы дал понять, что уступит Шампусу возможность самому все выяснить.

— С этим что делать? — спросил Валтор, глядя на гада.

— Отдай гада на кухню. Пусть приготовят.

Шампус направился к выходу. Здесь под землей не было развеивающих заклинаний, и в маленькой каморке стоял сладковато-удушливый запах крови. Взгляд короля упал на восковую печать свитка, полученного от королевского гарусника. Шампус сорвал печать. Раскрыв бумагу, очерненную корявыми строками, он пробежался по ней взглядом, на несколько мгновений застыв с вытянутой рукой.

Каждый год, отдавая дань традициям, от гарусника — седого жреца, предсказывающего судьбу короля по внутренностям животных, Шампус получал благословение на заключение очередного брака. Поэтому утреннее путешествие на пастбище виделось ему пустой тратой времени. От него требовалось выбрать взрослого доминирующего быка, подвести его к алтарю и заколоть, вырезать печень и передать ее гаруснику — простой порядок действий, уже набивший оскомину. Однако на этот раз гарусник его удивил. Седой жрец не пожелал соблюдать прежний декорум и согласия на брак не дал, о чем и свидетельствовала бумага.

«Вековечные говорят со мной плотью животных. В усыхающем пирамидальном отростке бычьей печени я читаю тревожный знак. Вековечные отказываются принимать этот союз, ибо он обернется болезнью, которая поразит черного дракона».

Само собой сжались пальцы, беспомощно съежился лист, принесший дурную весть.

— Старик решил усложнить себе жизнь, — мрачно заключил Валтор, для которого содержимое письма, несмотря на нетронутую печать, не было секретом.

Шампус закрыл глаза, медленно приходя в себя.

— Пора старику на покой.

В своем стремлении предотвратить распространение слухов, Шампус «подписал» гаруспику смертный приговор.

Глава 15

— ...прошу вас, не оставьте меня. Небесные старцы, помогите, успокойте мой разум, ибо не желает он готовиться к вечности. Заступитесь, ибо встала я на опасный путь и не знаю, куда он меня заведет. Молю вас, спасите. Направьте меня и оградите от неудач.

Луна медленно оплетала серебристым кружевом облака, разливая призрачный свет на островерхие крыши дворца. Я стояла в комнате, наполненной мрачными тенями, и едва касаясь рукой холодного стекла, просила всевышних о помощи. Слова становились все тише, я узнавала себя все меньше. Неужели я настолько вошла в образ послушницы, и, сама того не желая, поверила, будто молитва способна дать человеку силы и уберечь его от гибели!? Неожиданно замолчав, я растерянно опустила голову и шагнула вглубь комнаты. Сколько дней прошло с моей последней вылазки? Сутки, двое? Куда там!.. Усиленно напрягая память, я воскресила в сознании так похожие друг на друга веселые и спокойные дни и ужаснулась. Последний осенний месяц подходил к своему завершению, а чуда, о котором я молила каждый вечер так и не произошло.

Я присела на край широкого кресла и устремила взгляд на ветхий переплет молитвенника, что лежал на столе возле корзины под бутонами непахнущих роз. В голове мелькали картины экипажей, несущихся по мощеному камнем мосту. Как наяву я видела взмыленные спины коней, кареты с распахнутыми дверцами, мрачных и волевых мужчин и их спутниц, спешащих выказать монарху свое почтение. Дворец был полон гостей. Время королевы близилось к своему завершению, и с каждым новым рассветом шанс встретиться с августейшей особой для меня становился все призрачнее. Видения, которым я дала волю, исчезли, оставив во рту горьковатый привкус разочарования. Закричав, я смахнула со стола книгу вместе с корзиной цветов.

Хватит! Хватит бездействовать! Я не беззащитна! Мой дар позволит мне самой решать свою судьбу.

Вытянувшись как струна, я вдруг упала в кресло и спрятала лицо в ладонях, все больше погружаясь в свои мысли. Мне жизненно необходимо найти источник света. Я уже обратилась за помощью к Ориану, просить еще и Сайроса сделать для меня огненный светоч я не могла. Но в самом-то деле, не «лепить» же мне факел из подручных материалов?! Оторванный рукав, засмолка и... ножка от кресла? Взгляд упал на пол. Вот оно, нечто особенное, бесплотное и светящееся — серебристые очертания роз, рассыпанные по черному мрамору пола. Вот оно!

Когда отворилась дверь, и в комнату вошел Ориан, я знала, что нужно делать.

— Как продвигаются дела? — спокойно поинтересовалась я.

Ориан раскрыл ладонь, с которой вспорхнули маленькие светлячки. Его верные друзья нарочно расселись так, чтобы их хозяин мог заметить любую эмоцию на моем лице.

— Поверь, я не меньше тебя заинтересован в том, чтобы ты, наконец, нашла решение своей проблемы и прекратила рисковать собой.

— Это возможно. Присядь.

Я указала ладонью на диван и замерла в этой позе, давая понять, что разговора не будет, пока он не сядет.

— Мне нужен призрак, вернее свет, который он источает. И без тебя мне не справиться, — заговорщически прошептала я, склонившись к уху Ориана.

— И на чью голову обрушится твоя кара? — по всему было видно, что он не воспринимает всерьез мои слова и идею с убийством не поддерживает.

Хорошо, попробуем зайти с другого бока.

— Карать никого не нужно. Ты обращал внимание на то, сколько дивных зверушек обитает в королевском саду? Так вот, никто даже не заметит, если несколько пташек исчезнет.

— Исключено.

— Жизнь пернатых тебе дороже моей? — со зловещим спокойствием поинтересовалась я.

— Призраки пернатых — это байки, которыми пугают непослушных девочек, чтобы юные прелестницы не уподоблялись парням и не лазали по деревьям!

— Допустим. Тогда возьмем хорька.

— Призраки зверей это тоже миф, — сказал, как отрезал Ориан.

— Серьезно? — я вопросительно вскинула брови. — А я-то голову ломаю, чем я так не угодила эфемерной псине, которая каждую ночь метила углы моей комнаты. Академия оставила у меня много разных воспоминаний, — протянула я и осеклась, неожиданно вспомнив Фициона.

Фицион! Как я могла забыть о нем? Фицион, где ты? Мысль метнулась, и сердце будто оборвалось, когда перед глазами предстал Фиц, плененный муаровцами. Я вскочила, но поймав на себе взгляд Ориана, взяла себя в руки.

— Идем. Сейчас, мне как никогда нужна твоя помощь.

Подросший котенок, на которого пал мой выбор, жил на конюшне, питаясь полевками и даже ящерицами. Его стремление сожрать кого-то привело меня в дикий восторг. Собственно это и решило его судьбу.

Под ногами хрустели осколки мрамора. Маленький мышонок, которого я создала, прибегнув к своему дару, бежал в нужную мне сторону. Словно огромный кузнечик скакал за ним сияющий призрак, невинно убиенного нами животного. Он носился за иллюзорным мышонком как сумасшедший и никак не мог понять, куда тот от него прячется.

Я сама не поняла, как в поисках королевы вновь оказалась на дне светового колодца. Я остановилась перед разрушенным временем полотнищем. Забыв про все на свете, в том числе и про иллюзию мышонка, я выхватывала отдельные фрагменты, пытаюсь сложить их воедино. Если зрительно разделить холст на две части, то с одной стороны изображена нагая дева и усыпанный шипами хвост дракона, который целомудренно закрывает прелести ее нежного тела, с другой — стальной глаз дракона, в котором отражается пронизывающий душу непостижимой силой света амулет в раскрытой ладони девушки.

Монстр пугал одним своим видом, а его черная энергетическая оболочка говорила о непомерной силе (сравниться с которой мог лишь один маг в королевстве), но несмотря на это, деву не страшила его близость. Наоборот. Она выглядела счастливой, словно знала, что любовь крылатого вечна, и это дарило ей удивительное чувство защиты. И тут меня словно громом поразило. Дракон — это символ! Символ могущества, силы и вечности. Дракон был олицетворением БегГара Шампуса! Тогда девушка, которую он пленил должно быть Мулоус — дочь первого короля лариусских земель Дела эль Корсака.

— Не может этого быть!

Неожиданно свет кота подпрыгнул вверх, несколько раз качнулся и исчез. Я кинулась в его сторону, как вдруг сработала невидимая ловушка: нестерпимая боль пронзила руки, лицо и шею, вырвав из груди панический крик. Инстинктивно подавшись назад, я не нашла опоры и рухнула вниз, затылком пересчитав те немногие ступени, что успела преодолеть. Слава всевышним, сознание осталось при мне. Кровь ударила в голову и биение сердца приказало: «бежать, бежать, быстрее...», но тело... Стиснув зубы, я словно жалкий слизень, попыталась ухватиться за перила. Когда мне все же удалось встать на ноги, я поспешила в свои покои. Ища обратную дорогу в кромешной тьме, кончики моих ушей ежеминутно пытались заглянуть мне за спину, пока совсем рядом не раздались голоса стражников, которые подхлестнули, словно невидимая плеть, и я припустила что было духу.

Ввалившись в свои покои, я упала на грудь беловолосого воина и тихо зарыдала.

— Не самый удачный способ попасть ко мне в объятия, — заметил Ориан, и нежно убрал с моего лица липкую от пота прядку, схватил за горло и ласково поинтересовался: — Мы в полном дерьме?

— Меня никто не видел! — прохрипела я.

Доверительно кивнув, он поднял на руки все еще рыдающую меня и уложил в кровать. Ориан провел пальцами чуть выше запястья, как раз в том месте, где я ощущала острую боль.

— Что это? — всхлипнула я, вглядываясь в татуировку, которая обжигала мою руку. Станный узор отдаленно напоминал многоножку, и вид у нее был довольно неприятный. Я уже молчу про ощущения — они были такие, словно это не просто след от магического воздействия, а нечто живое, что тонкими лапами впилось в кожу и плотно вросло в кость. Вид этой татуировки ужасал, но Ориан был спокоен.

— Это не опасно, — успокоил меня воин и уже тише добавил: — Гораздо больше меня заботит шишка на твоей голове.

— С чего такая уверенность? — не унималась я.

— С того, что он не активен. Они все не активны. В противном случае их присутствие на твоём теле не ограничилось бы просто слезами. Так что успокойся и постарайся отдохнуть. В ближайшее время ждет тебя букет из бессонницы, слабости и неодолимой тревоги.

— И много?.. Этих тварей на моем теле?

— Хочешь, чтобы я их сосчитал?! — глаза его заблестели.

— Разве так сложно? — не поняла я.

— Придется тебя раздеть, — насмешливо заметил он, но тут же серьезно добавил: — И будет неплохо, если ты скинешь иллюзию со своей ауры. Так я смогу оценить вред, причиненный не только твоему здоровью, но и энергетической оболочке.

Я устало запрокинула голову, как вдруг за дверью послышались скоро приближающиеся шаги.

— Никто не видел, говоришь?! — взвился Ориан, вмиг теряя над собой контроль.

— Именно! — оскалилась я, перехватив его взгляд полный ярости.

Деревянная дверь со свистом распахнулась, и наши взгляды скрестились на посвященном Совету Судеб.

Прошив Ориана бешеным взглядом, Валтор дэ Глии коротко приказал:

— Свет.

Но не тут-то было. Светлячки Ориана, что сидели в изголовье кровати и на спинке кресла, возмущенно взметнули крылышками и неожиданно для меня потухли. Подоспевшие стражи зажгли огненные пульсары. Стоящий меж пылающих огней Валтор выглядел устрашающе. Его неподвижный взгляд был устремлен прямо на меня. На тонких губах застыла змеиная улыбка. Ноздри раздулись. Словно хищный зверь, он нутром чувствовал исходящий от меня страх, и этот страх заставлял его мертвое сердце биться.

— Вас не должно быть в спальне моей госпожи в столь поздний час! — заслонив меня от чужих взглядов, закричал Ориан, за что был немедленно атакован стражами.

Ориан отскочил, умело избежав опасного удара. Стражи, повинувшись нетерпеливому жесту секретаря, попытались быстро обездвигить воина, однако это оказалось сложной задачей. Ослепленные вспышками света, они становились бессильными. Точными ударами Ориан сшибал с ног одного за другим. И все же внезапный удар Валтора настиг его. Фокусы со светом не произвели на Валтора никакого эффекта, и он резко оборвал

бой.

Двое крепких ребят скрутили Ориана, едва не вывернув ему руки. Он попытался вырваться, но парни силой вдавили его лицом в пол.

— Вы не имеете права так поступать с друзьями будущей королевы! — вступилась я и под тяжелым взглядом нависшего надо мной Валтора натянула на нос одеяло, словно оно могло меня защитить. — Вы даже не сказали мне в чем его обвиняют?

Валтор сдернул одеяло и, схватив за запястье, выдернул меня из кровати.

— Не его. Вас обвиняют в проникновении на закрытую территорию.

— Что вы такое говорите, господин секретарь?! — воскликнула я. Мне в полной мере удалось передать состояние возбуждения, растерянности и незащитности, которое охватывает человека, который слышит в свой адрес столь «неожиданное» обвинение.

— А вот и доказательства... — с этими словами он оголил мои запястья.

Взгляд его упал на белую кожу.

— Но это нелепо! — воскликнула я, отчаянно пытаюсь сдержать улыбку. Неудача Валтора хмельной сладостью легла на сердце, однако эта сладость обернулась полынной горечью, когда Валтор, чуть подавшись вперед, могильным взглядом пригвоздил меня к месту, и я почувствовала, что выдала себя. Я сама развязала ему руки, и он уже не видел другого выхода, как довести начатое до конца.

— Морок, — сверкнув зубами, предположил он и, разорвал ткань на моей груди.

— Что... что вы делаете? Да как вы смеете?! Небесные покарают вас!.. — вопила я, отбиваясь, что было сил.

Давно утративший человечность, он черпал силу из моего страха, а жалкое сопротивление его просто забавляло.

Следом за платьем на пол полетела разодранная сорочка. Тело прошиб озноб. Холод его пальцев на моем теле рождал отвращение. Сознание мутилось. Чтобы не видеть вздувшиеся от напряжения вены на лбу Ориана и каменные лица стражей, коленями придавивших его к полу, я зажмурила мокрые от слез глаза и начала неистово читать молитву. Слова звучали тихо, но быстро. Постепенно они стали смирять тревогу, помогая перешагнуть через хаос в моей душе и перетерпеть это унижение. Впервые я почувствовала, что молитва приносит пользу. Когда угасло эхо последнего слова, я открыла глаза и не смущаясь проследила за блуждающим по моему телу взглядом Валтора.

Он никак не мог понять, почему моя кожа чище и белее снега.

Он был уверен, что скинув с монахини ночное одеяние, найдет амулет, призванный скрыть от посторонних взглядов жутких тварей. Он сам поместил их в ловушку и лично установил ее в северном крыле. Гибрид татуировки и призрака гигантской сколопендры, попадая на тело жертвы, оживал. Паразитируя на жизненной энергии, он рос до тех пор, пока не убивал своего носителя. Этого времени с лихвой хватило бы королю для допроса. Однако... амулетов с мороком на мне не оказалось. Не было на мне и созданных им гибридов. Но ловушка сработала! И она пуста! Он отчетливо помнил мой крик. Эхо, ставшее отголоском боли пронеслось по дворцу, всполошив даже лошадей на конюшне...

— Ваша выходка достойна порицания, — безучастным голосом начала я. — Вы выставили мое тело на обозрение воинов и существ бестелесной природы. Вы не только пошли против моей воли, унизив меня, но и разбудили во мне воспоминания о грешном прошлом. Зачем? Молчите?.. Вам нечего сказать? Тогда извольте оставить меня одну. Мне предстоит долгая ночь в молитвах. И отпустите Ориана. Воин исполнял свой долг и вам это хорошо известно.

Не проронив ни слова, Валтор со своими прислужниками покинул мою келью, однако он намерился любыми способами вывести меня на чистую воду. Сегодня удача была на моей стороне. Я поднесла руку к лицу и, повернув ее к себе внутренней стороной

запястья, стерла иллюзию идеальной кожи. Скинула маску с лица и с шеи, где почувствовала болезненную пульсацию от ожога.

— Пора завязывать с приключениями, — сказал Ориан, укутывая мои плечи покрывалом.

— Нужно сжечь платье и уничтожить магический след, пока его не разглядели, — мой голос показался мне чужим.

— Мы не можем просто сжечь его. Уверен каждый твой наряд на счету, а он только и ждет, когда мы оступимся.

Я закрыла глаза, пока еще плохо представляя как мне избавиться от обожженного, вдобавок ко всему, разорванного платья.

— Что-нибудь придумается, — обнадежил Ориан. — Сейчас тебе лучше отдохнуть.

Через силу улыбнувшись, я не выдержала и уронила голову ему на грудь. Он не спешил разрывать объятия, а я не спешила менять тепло его рук на холодную постель.

Глава 16

Горный хребет горел, объятый огнем восходящего солнца.

Распущенные волосы касались обожженной кожи, и боль страшно угнетала. Губы пересохли, воздух казался невыносимо горячим. Тревога и боль стали моими верными спутниками на эту ночь — и если одна точила душу, то другая терзала тело.

В комнату вошел Ориан с кружкой ароматного варева. Пока я маленькими глотками осушала напиток, он достал из кармана жменю лесных орехов и высыпал ее на стол.

— Орешки? И это твой план? — мрачно обронила я.

Ничего не ответив, Ориан извлек из шкафа одно из моих платьев и, разорвав его, швырнул на пол к сорочке. После чего протянул мне мой вчерашний наряд, заштопанный седой нитью, которая обглоданными скелетами рыб легла на темную ткань, прочными швами соединив ее неровные края.

— Нитей под цвет одежды не было?.. — спросила я.

— Не думал, что это станет для тебя проблемой!? — уязвил меня Ориан.

— Не станет, — тихо заверила я и хриплым, слегка дрожащим голосом произнесла:

— Конечно, мне в удовольствие лишний раз поупражняться с иллюзией. Но... раз могучий воин полночи занимался шитьем, я считаю кощунством стирать плоды его творчества.

По холодному спокойствию, застывшему на лице Ориана, я поняла, что перегнула. Подчиняясь его молчаливому требованию, я приняла платье и переменяла одежду, однако столь простое действие отняло у меня немало сил. Картинка перед глазами медленно поплыла и мое тело поплыло вместе с ней. Потерять равновесие не позволили уверенные объятия Ориана.

Я подняла голову, медленным движением ресниц давая свое одобрение. Однако моя игра в нежные чувства снова не произвела на Ориана никакого впечатления. Бездушный воин сдавил мою талию, вырвав у меня из груди жалобный стон, после чего дал мне один дельный совет:

— Больше никаких глупостей!

Я ударила ладонью по его плечу, признавая свое поражение.

— Да ясно мне все! Пусти, — застонала я.

Давление его рук на мою талию ослабло, и я с облегчением опустилась в кресло. Его руки легли мне на голову, и он принялся собирать непослушные пряди в пучок. Тепло и нежность его пальцев дарили приятные ощущения, и я позволила себе расслабиться.

— Раз уж больше ни на что не способна, твори свою иллюзию, — сказал он.

Его слова задели за живое. Я возмущенно сверкнула глазами, не подозревая, что столь несложной манипуляцией он желал побудить меня к нужным действиям...

Стоило предстать перед зеркалом, как я лицезрела уставшее, измотанное бессонной ночью существо в мятом заштопанном платье, излучающем необычный магический след.

«Жизнь — это яд, который медленно убивает в человеке красоту и молодость» — пронзила сознание первая мысль.

«Но это не важно, когда ты способна выстроить то, что никто не может разрушить», — разумно парировала вторая.

В считанные секунды я превратила себя из страшилы в черноперую послушницу, озаренную светом любви к... бескрайнему миру и его бессмертным владыкам?.. Звучит хорошо, но нет! Боюсь, в моем случае, озаренную светом любви к своему дару, благодаря

которому я выглядела достойно.

Вместе с Ликерией и ее свитой мы спустились на тренировочное поле, где уже разминались стихийники. Прервав тренировку, господа почтительно склонили головы, приветствуя будущую королеву — такую возможность нельзя было упускать. Удостоверившись, что меня услышат все, я задумчивым голосом произнесла:

— Господа, каждый новый день вы начинаете с высвобождения огромного количества энергии. Признаться, вы способны потрясти кого угодно своими...

— ...ураганными порывами ветра, — я скользнула взглядом по красавчику Коммелу...

— ...неукротимым ревом пламени, — легким кивком головы я приветствовала Сайроса...

— ...оглушительным шумом воды, — я немного замедлила свою речь, вылавливая среди солидных мужчин представителей водной стихии...

— ...и откровенными прикосновениями к холодной, не раз утратившей жизнь земле, вынуждая ее приоткрываться в злобном оскале, — закончила я, глядя себе под ноги, и подняв взгляд, спросила:

— Вам не хочется внести что-то новое в вашу жизнь?

— Я тебя не понимаю, — задумчиво произнесла Ликерия и тут же с вызовом бросила: — Ты предлагаешь отменить тренировку?

— Что ты?! Всего лишь изменить ее привычный ход.

— Послушница Айла, вы считаете, мы напрасно тратим свое время? — прогремел чей-то звучный голос.

— Считаю, что ничего нет страшнее однообразия, — тихо обронила я.

— Так что ты предлагаешь? — в лоб спросила Лика.

— Небольшое соревнование, — я раскрыла ладонь с лесными орехами и обратилась к достопочтимым господам: — Стоя от ореха на расстоянии нескольких шагов, вам потребуется расколоть его скорлупу направленным потоком своей стихии. Важно не повредить ядрышко.

— Проще не бывает, — смешливым тоном произнес один из участников, чем заслужил право открыть соревнование.

— Однако в любом соревновании победителю полагается приз. Что вы можете предложить нам, послушница Айла? — спросил второй участник.

— Звание «самый лучший маг»?.. — неуверенно произнесла я.

— Здесь все самые лучшие, — хохотнул третий.

На помощь мне пришла Ликерия.

— Поцелуй!

— Что? Нет! — воскликнула я. — Я не могу!

— Зато я... Могу!

— Нет!

— Да!

— Одумайся, пока не поздно, — склонившись к Ликерии, в ужасе прошептала я, но меня и слушать не пожелали.

— Поцелуй будущей королевы победителю! — воскликнула Лика, уже предвкушая свой поцелуй с Сайросом. — Начнем, господа!

Первым вышел маг земли. Я окинула взглядом его могучую фигуру и попросила его об услуге. Тут же из земли вырос валун, на плоскую, окатанную вершину которого я положила первый орех. Добросердечный маг обнажил белоснежные зубы в широкой улыбке и легким касанием своей магии расплющил орех.

Задание оказалось не таким уж и легким, как думалось вначале — господа быстро измельчили все имеющиеся у меня орехи. Недовольная таким положением дел, Ликерия послала своих помощниц обносить королевский сад.

Было забавно наблюдать, как мужчины вовлекаются в процесс, как подхлестывают их свои неудачи и неудачи соперников и как продолжают они искать необычные решения для обычного ореха. Несильный прямой удар водяной стрелы расколол крепкую скорлупу, а вместе с ней и ядрышко, разделив его на две идеальные половинки. Следующим выступил Коммел Фонрант. Крученые потоки ветра сдавили меж собой орех, и измельченная скорлупа упала на мои башмачки. Ветер подхватил уцелевшее ядрышко и нежно опустил его на раскрытую ладонь Ликерии, после чего красавчик Коммел сделал учтивый поклон.

Предстояло объявить победителя. Стоило мне любезным жестом попросить Коммела подойти, как Лика во всеуслышание заявила, что она не собирается есть орех, нашпигованный острыми скорлупками. Она стряхнула с рук несъедобный мусор и взволнованным голосом приказала:

— Продолжаем.

— Как вам будет угодно, — с изяществом Коммел Фонрант принял свое поражение.

Когда пришел черед Сайроса, он был спокоен и абсолютно уверен в своих силах. Сайрос расправил плечи и, вызвав игривый шар алого пламени, заключил его в темницу своих ладоней. Самое интересное стало происходить, когда он начал медленно водить пальцами. Подчиняя огонь своей воле, он изменял его форму, выравнивал орехи, совершенствовал. Словно из мягкого воска, он лепил из огненного шара необъяснимо прекрасного зверька. После чего оживил его, наполнив изнутри белым светом. Бельчонок потянулся, вытягивая лапки и выпуская острые ослепительно белые коготки. Нежный мех его шкурки горел бело-красным огнем, ушки искрились в лучах утреннего солнца, а широкий хвост шумно пылал, роняя на ладонь дознавателя пламенные всполохи.

— Безумец, — вымолвил кто-то и сделал осторожный шаг назад, когда бельчонок резко махнув хвостом, спрыгнул к орешку.

С разными чувствами мы следили за разгрызающим скорлупу зверьком. И он справился бы с орехом, если бы я не вмешалась.

Сделав шаг ближе, я устроила его маленькой зверушке «большую поломку». Бельчонок неожиданно для всех стал терять свои очертания, в считанные секунды приобретая кровожадный вид. Вдох, и на его теле выросли страшные бугры, выдох, и его хребет рассклала продольная трещина, из которой вырвалась кровавая волна пламени и захлестнула творение Сайроса, перемешивая в бурлящем котле скрюченные лапки, сросшиеся зубки и сплюснутый хвост.

Я видела перед собой лишь пламя, иллюзию которого лепила на свой лад. Действовать пришлось быстро: вспышка света, поток ломаных искр, и огненно-рыжие перья, вспыхнувшие на моем наряде — я подошла слишком близко. Пронзительный крик и я замахала руками, пытаясь стряхнуть с себя несуществующие языки пламени. В тот же миг Ориан сбил меня с ног и накрыл плащом. После осторожно взял на руки и решительным шагом направился в сторону королевской лечебницы.

Я слышала, как властные голоса за спиной сливаются в один неразличимый поток. И хотя все происходящее было окутано моей иллюзией, никому даже в голову не пришло заподозрить неладное. Не стал разоблачать меня и Сайрос, который сразу понял, что созданный им энергетический объект окружен огненными потоками, к которым он не имел никакого отношения. А пламя, которое не поддается контролю и не источает жар, попросту не существует.

К счастью Сайрос обладал ясным умом и недюжинным самообладанием. Он не только не стал чинить препятствий, но и помог мне. Он уничтожил бельчонка и признал свое поражение в соревновании.

«Возможно, позже мне хватит смелости все ему объяснить», — подумала я, продолжая усердно вводить всех в заблуждение. Я изменяла свою ауру, показывая ее бешеную активность, и даже разорвала ее в нескольких местах. Страх, боль, возбуждение, слабость и чувство жажды — сильные эмоции, которые вызывают колебания ауры. К ним не относятся с пренебрежением.

Я выглянула из-за плеча Ориана.

Глаза Сайроса сузились, а руки сами собой сжались в кулаки, обещая мне все муки ада. Недюжинное самообладание!? Ой-ой! Сотрите эти слова! Забудьте про них! Я их не говорила!

Рядом с ним с несчастным видом стояла Ликерия, которая не видела ничего кроме покрытого черной корочкой ядрышка, сиротливо лежащего на валуне в окружении обугленных скорлупок. Казалось, она была готова съесть сотню таких орехов, черных на вид и горелых на вкус, лишь бы почувствовать на своих губах сладость запретного поцелуя. Впервые испытал к ней жалость, я втянула голову в плечи, прячась на груди Ориана. Сомнения закрались ко мне в голову, разрушая уверенность в правильности своих действий, однако, я убедила себя, что все к лучшему: Ликерия не скомпрометирует себя поцелуем с Сайросом, дознавателя не вздернут на виселице, а я, наконец, получу от лекаря лошадиную дозу обезболивающего, нанесу его толстым слоем на татуировки уродливых многоножек и растворюсь в исцеляющем сне, который будет оберегать беловолосый воин после того, как уничтожит мой наряд со следами ночного приключения. Мои губы украсила счастливая улыбка, ладонь тихонько скользнула по груди Ориана, и я нежно обвила руками мощную шею, плотнее прижимаясь к горячей груди.

— Признай, я была на высоте!?

— И я тоже! — надменно-насмешливым голосом осадил меня Ориан.

— Я серьезно! — улыбнулась я и снова перевела взгляд на двух влюбленных.

— Помилуй, какие шутки!

Голос Ориана показался мне далеким и нереальным. Словно в замедленной съемке я видела, как бестолковая, безнадежно глупая, но невероятно упрямая дочь командора кладет к себе в рот обугленный орех и с наслаждением жует его. С нашего расстояния я не могла слышать то, что она говорила, да этого и не требовалось.

— «Изумительный вкус, такой насыщенный и такой яркий...» — дрогнувшим голосом прошептала я и тихо застонала.

— Ты не перестаешь меня удивлять, — отозвался Ориан чуть хрипловатым голосом.

Удивлять? Нет! Я не умею удивлять. Куда мне до Ликерии?! Я видела, как нежно она касается ладони Сайроса и смотрит на него глазами, полными бесконечной ласки. Взгляд доверчивый и немного виноватый, будто она понимает, что действует вразрез здравому смыслу, но ничего не может с собой поделать. Стоя одной ногой над пропастью, разве можно противиться этим светлым чувствам?! Я видела, как теряет самообладание всегда сдержанный дознаватель, и понимала, какая буря разрастается в его душе. Сайрос не мог обмануть ожидание своей возлюбленной в тот момент, когда она больше всего нуждалась в нем. Захлестнутый волной желаний, он склонился над Ликерией накрывая ее губы своими.

— Отпусти, — забыв про боль и усталость, приказала я Ориану. И тут же оказалась на земле.

Словно парализованная я смотрела, как к ним приближается БегГар Шампус, и у меня уже не было сомнений относительно судьбы Сайроса. Поняла это и Ликерия.

— Нет! — с ужасом глядя в стальные глаза своего короля.

— Нет, — с болью в голосе просила она.

— Отправляйтесь в свои покои. Вам нужен отдых, — металлическим тоном предложил Шампус и дал отмашку прислужницам. Однако Лика и не думала удаляться. Не дрогнула она и тогда, когда Сайрос сам попросил ее уйти.

— Прости, — сказала Лика, закрывая своим телом любимого, — но я не позволю тебе умереть.

Черными лентами зазмеились по телу Сайроса татуировки, причиняя ему невыносимую боль. Одна из лент окольцевала его шею, и задыхаясь, Сайрос прижал руку к горлу. Ужасно было смотреть, как его тело без видимых воздействий разрывается изнутри, как покрытая чернотой кожа лопается, и из ран разливаются струи крови, смешанные со сгустками черного тумана.

Словно штормом выброшенная на берег рыба, Ликерия билась и металась, умоляя короля пощадить Сайроса, но все было тщетно. И тогда Лика, поддавшись жгучей ненависти, решила на то, на что не пошла бы ни одна живая душа в королевстве. Она выставила перед собой ладони, уплотняя кровь в организме Шампуса и превращая ее в камень.

— Техника, которая позволяет контролировать жидкости внутри человеческого тела, требует высокой квалификации мага. Для подобного рода практик вы еще слишком юны и можете навредить себе.

— Навредить себе... Если только это усмирит ваш гнев, — многозначительно сказала Ликерия и поспешила убраться с глаз долой.

— В темницу, — приказал Шампус, отпуская Сайроса. Дознаватель тут же рухнул на покрытую инаем траву. Сам же Шампус последовал за своей невестой, сочтя, что на этом их разговор еще не закончен.

Закрыв лицо ладонями, я тихо зарыдала, чувствуя, как неумолимо приближается миг, когда и моя никчемная жизнь песчинкой растворится в океане боли и мрака, заполонившего древний храм еще более древнего змея. В это мгновение я будто увидела свое отражение в глубине застывших змеиных глаз, услышала театральный смех девятипалого призрака, вонзающего в мой кровотокающий позвоночник свои длиннющие иглы. По спине пробежал холодок, и я как ошпаренная рванула догонять Ликерию.

— Нет! Только не я! Только не я! — словно умалишенная твердила я, несясь во весь опор по коридорам дворца. И откуда силы-то взялись после всего, что выпало-то на мою голову?!

Догнав Ликерию, я буквально втолкнула ее в свои покои и закрыла двери на засов прямо перед носами ее помощниц.

За дверью тут же послышались просьбы:

— Ваша милость, откройте...

— Будьте благоразумны...

Схватив с прикроватного столика свой молитвенник, я всучила его Ликерии.

— Двадцать... шестая... глава! Пока не прочтешь... ни слова! — задыхаясь, выпалила я.

— Спятила? — возмутилась Лика.

— Спятила! — уверенно подтвердила я и силой усадила госпожу в кресло. — Читай, а я... я попытаюсь все исправить!

— Приказом его темнейшества, откройте, — прозвучало требовательное за дверью.

Лика тяжело вздохнула и тихо вымолвила:

— Боюсь, это уже невозможно.

— А я все же попытаюсь...

Не выдержав моего взгляда, Лика опустила глаза на молитвенник и, коснувшись дрожащей рукой шершавого переплета, невнятно произнесла:

— Почему двадцать шестая? Что в ней такого? — и добавила: — Знаешь, то, что ты считаешь душеспасительным чтением, для меня просто набор малопонятных слов.

Понимая, что напрасно теряю бесценные секунды, я метнулась к шкафу и судорожно стала перебирать свои скудные пожитки в поисках... Хвала духам! Вот он. Стянув с себя платье, я зашвырнула его подальше в шкаф, дверцы которого закрыла с таким грохотом, что сама чуть не померла от испуга.

— Открывайте немедленно, иначе... — в приказном тоне потребовали прислужницы, после чего уж совсем бесцеремонно заколотили в дверь.

— Послушница Айла, мы выломаем эту дверь, если вы не откроете, — предупредил меня Ориан.

— Так что? — напомнила о себе Лика, искренне недоумевая, почему она должна читать в такой явно не располагающий к чтению момент.

— Это самая длинная глава, — ответила я, попутно распуская волосы и скрывая их за широким воротом тренировочного костюма, выделенного мне еще в первые дни моего пребывания в королевстве.

Тишина за дверью показалась мне тревожным знаком. Понимая, что время вышло, я наспех подвязалась ремнем и, глядя Ликерии прямо в глаза, строго приказала:

— Чтобы ты не увидела, чтобы не услышала, ты не произнесешь ни слова, пока не закончишь читать эту главу. Понятно тебе?

— Понятно, но...

— Ни слова!

— Да я только хотела...

— Ни единого!

Черный туман просочился сквозь щели и окутал, словно непроницаемой пленкой дверь. Мое сердце взбесилось, однако когда дверь раскололась и осыпалась щепками на мраморный пол, я встретила короля холодной улыбкой, которой Ликерия одаривала придворных дам. Да-да, вы все правильно поняли, в считанные секунды я поменяла нас местами. И щуплая, задавленная жизнью монахиня сейчас стояла перед королем в образе его невесты.

Шампус опустил руку, сворачивая магический эффект разрушительных заклинаний.

— Ваше темнейшество, я сильно провинилась перед вами и готова понести наказание... — тихим шепотом произнесла я, надеясь на милость короля, вокруг которого продолжало плавиться пространство. Не нужно было переключаться на иное зрение, чтобы увидеть потоки его черной энергии — настолько мощными они были.

Однако то, что произошло дальше, я не могла ни предвидеть, ни предупредить. Шампус в считанные секунды сократил между нами расстояние и, отнимая надежду на чудо, прижал меня к холодной стене. Он окружил меня сплошной черной субстанцией, которая при каждом вдохе проникала в мои легкие, вынуждая с каждым новым выдохом отдавать ему свою энергию. Я дернулась в бессмысленной попытке обрести свободу, и тут же его холодная рука легла и сдавила горячее горло, заставляя запрокинуть голову. Я даже не поняла, когда его губы завладели моими, просто почувствовала, как напрягается все мое тело в попытке сделать спасительный вдох.

Он пил меня, словно целебную воду.

Он поглощал тепло моего тела, принуждая к смирению — грудь сдавило неприятное

ощущение, в ушах нарастал гул, сбивая мысли с толку.

Украшенное золоченым декором кресло, резной стол, корзинка с нежными бутонами роз стали медленно терять свои очертания. А я неумолимо теряла нить, связывающую меня с реальностью. Я не помнила, как сюда попала и уже не понимала, за что меня наказывают. Одно я знала наверняка — я любыми правдами и неправдами должна удержать свою иллюзию. Вся моя воля была направлена на то, чтобы не потерять сознание и в то же время остановить, прекратить эту муку. И когда мне показалось, что я уже полностью поглощена, иссушена, словно мумия, я вдруг задержала дыхание. Я словно нырнула в себя и увидела последние капли, последние крохи угасающей радужной энергии. Но не это поразило меня, а то, что вокруг меня, вокруг всех нас витало немислимое количество эфира. Вот только доступ к нему был перекрыт таким же немислимым количеством заклинаний.

Признаться, я плохо помню, что было дальше. Помню, как протянула руку к источнику вечной энергии и осторожно коснувшись ее волшебных нитей, почувствовала их тепло и сказочную ласку. Помню, как вытаскивала их из плена — как тянула их на себя, раскаленными краями прожигая одно заклинание за другим. Помню, как наполнялась каждая клеточка моего тела дивной живительной субстанцией. А еще я помню выдох, с которым, приспособиваясь, отдала БегГару Шампусу свой эфир.

И еще...

Я помню запах... запах роз.

Глава 17

Я медленно открыла глаза. Секунды складывались в минуты и таяли в бесконечном потоке времени, а я молча лежала в темноте, стараясь различить в ней хоть что-нибудь... Так странно. Совсем недавно я видела мир, который словно цветок расцвел в волшебном свете эфира, тёплом, как мамины ладони, и родном, как мамина улыбка. Но мир такой близкий и такой понятный исчез, оставив меня совсем одну. Воображение нарисовало, будто я нахожусь глубоко-глубоко под землей, никому не нужная и всеми забытая. Признаться, это чувство как отзвучавший аккорд, какое-то время давало ощущение того, что мелодия еще жива, но с каждым ударом сердца, с каждым движением секундной стрелки, ее последние ноты становились все тише, а истончившись — и вовсе умирали, неотступно погружая меня в темную реку тишины.

Губы сами по себе растянулись в улыбке, и меня озарило — я счастлива! Почти... Больше не нужно выживать, прятать себя за маской послушницы, притворяться. Меня, наконец, оставили в покое. Больше не будет боли, тревог и волнений. Ничего этого уже не будет...

«Но что тогда будет?» — забеспокоился внутренний голос. — «Пустота?...»

«Свобода. Свобода, невесомая и живая, как аромат свежесрезанных роз, который я блаженно вдыхаю лежа в своей могиле».

И тут же мое сознание пронзила ясная мысль:

«Розы не растут под землей!.. Этот запах... Он настоящий! А это значит...»

Поняв, что я все еще жива, я собралась было застонать, как вдруг дверь распахнулась, ослепив меня потоком яркого света. Тишину пронзили нетерпеливые шаги и подобно порыву ветра, в мои покои влетела нежданная гостья, которая тут же была остановлена моим недремлющим воином. Я узнала ее сразу же, стоило услышать порывистое:

— Да как ты смеешь? — и после небольшой паузы: — Все вы! Все это время держать меня в полном неведении?!

Будучи не в силах противостоять Ликерии я решила и дальше изображать спящую красавицу, позволив Ориану действовать на свое усмотрение.

Слушая их диалог, я вообразила Ликерию сложной лошадью, которая, не задумываясь, била словами всех, кто мешал ее планам и становился причиной ее плохого настроения. В свою очередь Ориан виделся опытным наездником, который на эмоциональные выпады собеседницы отвечал тихим, монотонным голосом, но за монотонностью крылись уверенность и сила, которые ясно давали понять, что он держит ситуацию под контролем. Однако не зря же я окрестила Лику «сложной лошадью». Уж если она вбила себе в голову что сейчас тот самый момент, когда необходимо расставить все точки над «и», препятствовать ей было бесполезно.

— Что-о? — перешла на крик Ликерия. — О какой заботе ты говоришь? Вы скрыли от меня кто она! Она опасна! Да ей самое место на кост...

Ориан не дал ей закончить фразу. Я не слышала, что он отвечал, но Лике это явно не нравилось.

— Вливай эту чушь в уши другим! — не в силах сдержать бьющую через край обиду и злость, продолжала кричать Лика.

Притворяться дальше спящей было бессмысленно. Я открыла глаза, подняла голову, и тут же ее пронзила внезапная боль. Чувство было такое, что внутри нее разлился расплавленный свинец. Нащупав на затылке шишак размером с куриное яйцо, я тихо застонала. Вот тут-то вопросы появились у меня, и как только Ликерия вошла в мою спальню в сопровождении Ориана и его вездесущих «букашек», несущих собой эффект легкой подсветки, я потребовала ответа:

— Что, черт возьми, произошло?

Ориан жестом показал, что право говорить оставляет за дамой. Хмыкнув, Ликерия

проследовала к моей кровати и, пронзив меня взглядом, заявила:

— Я смогу тебя простить, если организуешь мне встречу с Сайросом.

— Мне твое прощение как покойнику весна.

Ликерия недовольно поджала губы. Повисло молчание. Если кого-то оно и тяготило, то не меня. Ориан обошел кровать с другой стороны, и помог мне приподняться, после чего протянул руку и аккуратно коснулся ладонью ушибленного места. Почувствовав тепло, исходящее от его ладони, я несколько напряглась, однако продолжила сидеть неподвижно, понимая, что любое сопротивление вызовет боль.

— Что ты делаешь?

— Прогреваю. Это поможет снять отек.

— Еще бы узнать, откуда он взялся?

— Что ты помнишь? — прозвучал встречный вопрос.

— Поцелуй.

Ухмыльнувшись, Лика заложила руки в карманы, отчего ее плечи подались вперед, и принялась мерить комнату шагами. Светлячки нежным светом окутали ее сутулую фигуру, облаченную в простой и удобный жакет из темного бархата. Вид у нее, надо сказать, был совсем не королевский: застегнутый на все пуговицы ворот, широкие манжеты с отворотом, темные штаны из той же ткани, что и жакет. Завершали брючный ансамбль высокие сапоги из лакированной кожи. И никаких там драгоценностей, вышивок золотом и кружев. Камеристке Велории так и не удалось придать ей царственный вид, а Мэдок так и не смог подготовить ее к будущей роли королевы. Ликерия упорно продолжала выставлять напоказ свое нежелание становиться частью королевской семьи.

— После вашего поцелуя король ушел, оставив тебя на попечение прислужниц, — начала Ликерия, видимо решив скорее покончить с объяснениями и перейти к теме, которая беспокоила ее больше всего. — Но это даже к лучшему, потому что на тебя вдруг нахлынуло чувство блаженной радости. По-видимому оно-то и развязало тебе язык. Пошатываясь как во хмелю, ты задвинула нам тираду про мир, который ужасно к тебе несправедлив, а затем, желая восстановить равновесие, отправила девушек блуждать в лабиринте дворцовых стен в поисках насекомых. Кажется, ты еще грозила отрезать несчастным уши, если они вернуться с пустыми руками...

— Зачем мне их уши? — спросила я, уже ничего не понимая.

— Поначалу я тоже подумала, что ты умом тронулась. Но сейчас я вижу, насколько это было умно! Прислужницы, которые не спускали с меня глаз, больше меня не контролируют! Впервые с момента приезда в этот чертов замок меня оставили в покое!

Ликерия продемонстрировала счастливую улыбку.

— Рада за тебя, но я так и не услышала, откуда взялась эта проклятая шишка на моей голове?

— Тут такое дело... — замаялась Ликерия, но тут же ее глаза сверкнули нетерпением и она уверенным голосом продолжила. — Когда ты избавилась от помощниц, ты переключилась на нас с Орианом. Слово за слово, и ты кинулась распахивать окна. Когда мы поняли, что ты задумала, пришлось действовать решительно... Ты не оставила нам выбора!

— И что же вас так напугало?

— Как что? Поцелуй короля должен был поглотить твои жизненные силы, оставить боль в теле и пустоту в душе...

— А твоя аура яркая и полностью обволакивает твоё тело, — невозмутимым голосом сказал Ориан.

— С этим мы уже разбирались. Дальше... — потребовала я.

— Неужели ты до сих пор не поняла? — Ликерия подлетела и схватила меня за грудки:

— Ты не дала себя опустошить! Как такое возможно?

— Да откуда я знаю, — я наморщилась от боли, прострелившей затылок.

— С моей точки зрения и с точки зрения здравого смысла — подобное невозможно, — осторожно вызволив меня из захвата Ликерии, сообщил Ориан.

— Невозможно! — подтвердила Ликерия. — Ты должна была лишиться жизненных сил, но этого не произошло. Наоборот! Ты вознамерилась доказать всем, будто твоих сил хватит чтобы оживить легенду и поднять в небо «черного дракона», — зловещим голосом закончила Лика, и не дав мне оправиться от шока, выпалила:

— Собирайся скорее, мы идем к Сайросу.

— Нет.

— Что, прости?

— Я не стану потворствовать твоим безрассудным желаниям... Целовать Сайроса на глазах у половины двора! О чем ты только думала?!

— Ты ничего не понимаешь! Я думала, это наш последний поцелуй! Королева совсем слаба. Не сегодня, так завтра ее жизнь оборвется, я взойду на трон, а вы покинете дворец... Так я думала. Откуда мне было знать, что все совсем не так?! — голос Ликерии сорвался, и она потупила взгляд, желая скрыть проступившие на глаза слезы.

— Я просила тебя отказаться от чувств. Но ты решила по-своему. Тебе и отвечать, — спокойно сказала я.

— Отказаться... — в ужасе прошептала Ликерия, отступая в темноту. Устремив на меня неподвижный взгляд, она обхватила плечи руками так, словно ей было очень холодно.

Смотреть в черные как сама бездна глаза, в которых медленно угасал свет надежды, было невыносимо, и я отвернулась. Что бы не произошло дальше, я решила твердо стоять на своем. Истошные крики и мольбы о помощи, реки слез и даже угрозы все выложить королю, не заставят меня передумать. Рисковать своей жизнью ради дознавателя, я не стану! Это не чертов роман, где главная героиня, попав в неистовый шторм, размалывающий в щепки суда, осмелившиеся бросить вызов стихии, непременно выходит сухой из воды.

— Отказаться, — повторила Ликерия, и запрокинув голову, тихо рассмеялась. Отсмеявшись, она продолжила меня удивлять: — Мне жаль тебя, Айла. Ты очень, очень несчастный человек.

— Поясни, — потребовала я.

— Умереть, так и не познав любви — это ужасно...

— По-твоему умереть во благо чужой любви — это прекрасно?

— Пойми, мне жизненно необходимо просто увидеть его. Мне никак без него. Я не справлюсь если он... если с ним... И тогда весь ваш замысел полетит в тартарары. Потому что мне не нужна такая жизнь. Жизнь, в которой не будет моего Сайроса! — это были не слова, это был крик израненного сердца.

«Нееееет, Ликерия не успокоится, пока не вызволит любимого. Ведь только находясь в родных объятиях, она сможет избавиться от ощущения холода, которое поселилось в ее душе. Она не успокоится», — поняла я.

— Я подумаю над этим, — пообещала я, и тут же добавила: — Но я ничего не обещаю. А сейчас я хотела бы помолиться. В тишине и в темноте.

Ориан устало поднялся, потушил свою интимную подсветку и вышел. Ликерия уходит

не хотела. Желая показать ей, что не шутила, я откинула одеяло. Ноги коснулись мягкого ворса ковра. Оправив сорочку, я нарочито медленно встала на колени и сложила руки в молитвенном жесте.

— И я с тобой. Мне ведь тоже есть за кого молиться, — Лика присела рядом, в точности повторив мою позу, и устремила на меня задумчивый взгляд: — Что мне говорить?

— У меня нет для тебя слов... — мрачно отозвалась я, все больше сомневаясь, ну какая из нее королева?! Тогда почему выбор Шампуса пал именно на Ликерию? Чем она лучше меня или любой другой дочери лариусских земель?

Ответа у меня не было. Пока...

Глава 18

Нравятся ли мне соловьи?

Мне трудно ответить на этот вопрос. Несмотря на то, что они регулярно появляются на обеденном столе, я все еще не решилась их попробовать. А всему виной моя легенда, основанная на безгреховном образе жизни. Однако, эта легенда далека от правды. И сейчас я, придавив горловину мешка, в плену которого ждали своей участи несчастные пташки, сжала в ладони огненный камень, который стащила с кухни, и нанесла им ряд коротких ударов. Конвульсивное подергивание мешка вызвало жалость, но когда приходится выбирать между собой и птицами, я, не раздумывая, выбрала последних.

Я взмахнула камнем в последний раз. Успокаивая дыхание, я отползла к кромке лестничного пролета и всмотрелась в черноту, которая до краев наполнила жерло подземной башни.

Мгновение... И сквозь плотную ткань мешка просочились белесые призраки. Движимые страхом и эхом отзвучавшей боли они бросились врассыпную, но удача не оставила меня одну. Несколько пташек, чей беспокойный ум увидел в каменной кладке преграду, сейчас металась под самым сводом. Их тела, сотканые словно из прозрачной ткани, впускали желанный свет в угольно-черную обитель.

— У меня не будет другого шанса, — в раскрытой ладони я создала иллюзию золотых зерен и, сыпанув жменью себе под ноги, сделала шаг в темноту.

Хотелось держаться ближе к стене, но в то же время я остерегалась холодного камня, отражающего своими алмазными каплями меня, но уже в новом образе одной из прислужниц Ликерии.

— Другого шанса уже не будет, — вновь повторила я.

Время на исходе — королева совсем слаба и с ее кончиной мне не останется ничего, как предстать перед алтарем и на год стать единственной женой короля. Воспоминание о БейГаре, о касании его твердых губ к моим губам породило внезапную волну тошноты. Стены поплыли, и чтобы не упасть, пришлось упереться в каменную кладку.

— Я все делаю правильно, — тяжело выдохнула я. — Я со всем справлюсь. Справлюсь.

Капли, встревоженные моим прикосновением, собрались в струйки, и забыв законы природы, потянулись вверх и исчезли в темноте. Трясущейся ладонью я вновь рассыпала иллюзорные зерна, чтобы призрачные пташки продолжали освещать мой спуск.

Неожиданно в памяти всплыли слова Лега: «С каждым следующим шагом ты будешь опускаться все ниже и ниже, пока не окажешься на самом дне пропасти, и вот тогда ты пожалеешь, что отвергла мой дар. Ты обо всем пожалеешь, когда попадешь в лапы жестокого и расчетливого Совета...» Я тряхнула головой, желая прогнать дурные мысли, ведь сейчас я действительно спускалась на самое дно, в безмолвную пропасть, где не ощущалось ни малейшего движения воздуха, где царили мрак и мертвая тишина.

Призраки пернатых, осмелев, хватали зерна на лету, а я уже с трудом переставляла непослушные ноги.

Одни небесные видели, что я пережила, погружаясь на неведомую глубину подземной башни, но я справилась. Я вновь оказалась сильнее своих страхов. Дело осталось за малым... Нет, после всего, что я вынесла, королева просто обязана удостоить меня аудиенцией. С этой мыслью я подошла к единственной двери и осторожно ее приоткрыла. Нищий, тошнотворный запах разложений вырвался из каморки и «схватил меня за горло». Я стояла на пороге маленькой комнаты, сплошь уставленной стеллажами со свитками и черепами, которые в неугасимом свете лампадки казались мне живым воплощением ужаса. Но ужаснее всего была раскрытая пасть и выпяченные клыки змеи, которая сдавив в своих кольцах череп буйвола, смотрела на меня пустыми глазницами.

Протяжный скрип высоко за спиной пробил мое тело нервной дрожью, мгновенно возвращая меня в реальность. Обернувшись, я вскинула голову.

На краю лестничного пролета, в лучах искусственного света, застыл мужской силуэт. Аура его была уникальна тем, что сходила к фоновым значениям. Ошибиться было невозможно. Это был Валтор дэ Глии — личный секретарь его темнейшества и посвященный Совета Судеб, для которого я стала головной болью, а значит, он не успокоится, пока не выведет меня на чистую воду и не возьмет «под жабры».

— Попалась, — лишенный всяких интонаций голос золой упал «на дно моей могилы». — Бежать некуда.

Сейчас я как никогда осознала всю безнадежность моего положения. Валтор не купился на смазливую мордашку прислужницы, он моментально меня раскусил. Сознание тут же нарисовало ужасно долгую ночь в самых мучительных пытках... А я еще боялась встречи с королевой, боялась, что она не станет меня даже слушать. Какой же глупой и наивной я была.

Глупой, наивной, да, но не отчаявшейся, и поскольку бежать мне действительно было некуда, я нанесла удар первой — резкий взмах моих рук поднял в воздух испуганных птиц, направляя внимание Валтора под купол башни.

— Досадно. Я ждал от тебя большего.

Продолжая разочаровывать Валтора, я прижалась к стене и зарыдала, часто-часто вздыхая и громко-громко хлюпая носом.

— И это тот самый нарушитель, который появлялся ниоткуда и исчезал в никуда, оставляя после себя круги дезинформации?

Жалкая девчонка!? Да она сломается еще до того, как он успеет выместить на ней свой гнев. Для таких у него не было имени. Неудачница, к которой он испытывал лишь презрение. Правда, было и еще кое-что, откровенное нежелание тратить на нее свое время, что сулило ей быструю расправу, а ему много крови и грязи. Что ж, он поработает с ней, чтобы король за считанные минуты смог получить самые развернутые ответы на самые каверзные вопросы.

Ухмыляясь своим мыслям, Валтор занес ногу. Один шаг решил все.

Быстрые движения птиц, слезы и даже маска страха, парализующего волю, — все это было отвлекающим маневром, который позволил мне тонко вплести в реальность свою иллюзию, и незаметно сдвинуть ступени, которые вели к лестничной площадке, где стоял Валтор. Край площадки пришлось тоже дорисовать, удлинив его на целый локоть. Нога посвященного прошла сквозь иллюзию, и потеряв равновесие, он полетел вниз.

Весь в белом, он казался мне бескровным призраком, который с каждым оборотом витой лестницы неумолимо приближался ко мне. То, что Валтор состоит из плоти и крови, говорил звук ломающихся костей, разрывающих внутренние органы. Валтор отчаянно пытался зацепиться, остановить безумный полет, но сила, неподвластная ему, тянула его неживое тело вниз. Крепко приложившись затылком к колонне, он сорвался и камнем рухнул на дно подземной башни.

Эхо глухого удара еще долго не желало покидать башню.

На моих губах застыла немая улыбка. Валтор тоже застыл в неестественной позе. Вдруг глаза его открылись.

Вздрогнув от неожиданности, я стремглав понеслась вверх.

Валтор конвульсивно дернулся, пытаясь рывком вытащить из-под себя руку, но изломленное тело не желало служить своему господину. Сейчас он был слаб и ничтожен, но я не обманывалась. Время восстановит его, и тогда он припомнит мне это падение. Обязательно припомнит... если все-таки выживет. В конце концов, смерть неизбежна даже для лазара.

Оказавшись в тишине своих покоев, в привычном окружении я, наконец, скинула с плеч пелену своей иллюзии.

— Судя по выражению твоего лица, ситуация снова застала тебя врасплох.

Внешнее спокойствие Ориана меня не обмануло. Я понимала его глубокое недовольство моим отсутствием. Вновь сбежала, нарушив данное воину обещание. Вновь рисковала собой.

— Не стоит волноваться. На сей раз я... застала ситуацию врасплох.

— Кого нам ждать в гости?

— Уж точно не секретаря, он еще долго не сможет ходить.

Ориан поднялся с кресла и сделал улыбку. Я прошла в спальню и с головой укуталась в одеяло.

Глава 19

Проснулась я рано. Потянулась и поднялась с кровати. Взгляд упал на кожаный шнур на двух петлях из узелков. Красивый и аккуратный шнур ручной работы достался мне от Мирты вместе с остальными нарядами. Первое, что учится делать каждый, кто встает на путь монаха, это плести кожаный шнур, который станет для него оберегом на всю жизнь. Видимо, мне достался «бракованный». А чему удивляться, ведь кожу для него готовили, бережно резали ее на тонкие узкие полоски, а после с любовью сплетали их в одно изделие чужие руки. Чужие уста заговаривали на здоровую и духовную жизнь. Этот оберег для меня бесполезен. Вот и вползает в мое сознание гниль беспокойства и тревоги, лишая сна и покоя. Тяжело вздохнув, я оделась и обвязала талию кожаным шнуром.

Затаив дыхание я смотрела, как постепенно гаснут, а после и вовсе исчезают с небосвода далекие звезды. В лучах разгорающегося солнца светлеют черные берега, и над каскадом водяной пыли рождается радуга — тонкая и эфемерная, как моя надежда вырваться отсюда. Если бы я могла обернуться птицей, не задумываясь, взмыла бы ввысь. Я хотела сбежать от самой себя, но внутренний голос упрямо твердил, что если я действительно хочу вдохнуть воздух свободы, я должна буду преодолеть все преграды и единственное, на что я могу рассчитывать — это на свои способности! Я завернула рукав платья и внимательно осмотрела белую кожу на запястье. От жутких татуировок не осталось и следа. Неужели эфир, который я пропустила через себя, выжиг в моем теле всю инородную магию?..

Я настолько погрузилась в свои мысли, что не услышала, как в мои покои вошла Мели.

— Послушница Айла, вы уже встали, — Мели поставила поднос с фарфоровым запарником на столик. — Я приготовлю чай.

— Благодарю, — опуская рукав, тихо сказала я.

Приятно было наблюдать, как ловко моя прислужница справляется с запарником. Ее движения были полны бьющей через край жизнью. Искренняя и открытая, Мели виделась мне простодушным ребенком, которого сложно было увязать с таким страшным и коварным местом, как королевский двор. Впрочем, королевская свора очень быстро сотрет с ее милого лица мечтательную улыбку. А пока... Мели все также таскает мне из библиотеки труды великих мудрецов: труды о сиянии всевидящих, о духовных жертвах, о темной паразитической силе, захватившей наш мир, и даже не догадывается, насколько я далека от веры. Мели верит мне. Верит в мою легенду. В отличие от ненавистного мне секретаря...

— Волшебнo, — протянула я, вдыхая фруктовый аромат чая.

Мели улыбнулась, демонстрируя чудесные ямочки на щеках.

«Мне нет до нее никакого дела, мне бы со своими проблемами разобраться», — подумала я, отворачиваясь.

Что может быть лучше одиночества, наполненного тонким ароматом и терпким травянисто-фруктовым вкусом белого чая. Этот благородный сорт настолько полюбился мне, что я уже не представляла без него утро. А с того момента, как во дворце «слетели» все заклятия, развеивающие запах, этот напиток полюбился мне вдвойне. Но как только я поднесла чашку к губам, дворец накрыл тревожный гул, отдаленно напоминающий дикий рев зверя под металлический скрежет огромных пластин. Не успел он раствориться в шуме бурлящей воды, как раздался более мощный трубный гул.

Когда он сменился третьим, Мелитина вскрикнула и подстреленной птицей упала на колени.

— Что это значит? — спросила я, пытаюсь унять тревогу.

Прокатился новый гул, заглушая шум воды и лай взбесившихся собак.

— Отвечай, — властно потребовала я, раздражаясь ее молчанием.

Еще один трубный гул.

— Немедленно! — закричала я, вконец теряя терпение.

И еще один.

На седьмой раз вострубили все семь древних духовых инструментов, переполняя убивающим шумом маленькую комнату. Звук был настолько мощным, что, казалось, вот-вот дворец рухнет, похоронив нас под обломками.

Когда гул стих и вокруг нас воцарилась удивительная тишина, Мели, наконец, изволила отреагировать. Она подняла на меня взгляд, затуманенный несчастьем, и прошептала:

— Свершилось... Королевы больше нет.

— Не-ет, — отказываясь верить словам, я сделала неосторожный шаг назад. Облизав мои пальцы, горячий напиток расплескался по блюдцу. Я тут же выпустила блюдец из рук, и оно, со звоном ухнуло на мраморный пол и разлетелось вдребезги.

— Нет. Только не это! — я зажала рот ладонью, глотая рвущиеся из груди проклятия.

— Послушница Айла, потерпите, я сбегаю к лекарю. Я мигом, — подсакивая, выпалила прислужница. Мели проскочила мимо замершего в проеме Ориана, на бегу отведывая поклон, и помчалась прочь, сверкая пятками.

— У меня такое чувство, будто я сижу в лодке посреди океана. И что эта чертова лодка... тонет! — я судорожно схватила ртом воздух. Эмоции зашкаливали: хотелось метаться и рвать на себе волосы, хотелось выплеснуть напряжение, которое так долго копилось во мне. Я схватила вазу и замахнулась. «Безумная — подумала я, поймав свое отражение в зеркале. — Нет. Я не сорвусь. Я еще жива, а значит, жива и надежда». Меня немного отпустило, и разум слегка посветлел.

Я вернула вазу на место и присела на диван. Ожидать прислужницу под пристальным взглядом молчаливого воина то еще испытание, но я справилась. И когда Мели влетела в мои покои, растрепанная и слегка запыхавшаяся, я шагнула навстречу, выставляя ладонь вперед.

— Не о чем волноваться. Ожог не оставил и следа.

Мелитина склонила голову. Взгляд ее упал на осколки фарфора.

— После уберешь. Сейчас доложи Ликерии, что я желаю ее видеть.

— Как прикажете, — немного неуверенно произнесла Мели, и оставив мазь на резном столике, покинула мои покои. На этот раз шагом.

— Знаешь, о чем я думаю? — с вызовом произнесла я, когда мы вновь остались с Орианом вдвоем.

— Знаю, что ничего хорошего ждать не следует, — с холодной усмешкой сказал воин...

Ждать пришлось долго. Я понаблюдала как Мели убирает фарфоровую крошку, опустошила пару чашек уже остывшего чая, полистала очередной труд и, отложив книгу, задумалась над тем, умышленно ли командорская дочка заставляет себя ждать, или у нее возникли обстоятельства.

За огромными окнами лучи уже заходящего солнца окрасили высокие облака в нежные тона. Читать больше не было сил, как вдруг вошла Ликерия и остановилась на пороге. Заметив, что она не собирается садиться, а значит, не намерена задерживаться, я мягко поинтересовалась:

— Тяжелый день? Если так, будет лучше отложить наш разговор до завтра.

— Выкладывай. Ты придумала, как вытащить Сайроса?

Я плохо знала Ликерию, однако сейчас я понимала, что если скажу короткое и лаконичное «нет», то рискую быть не услышанной вовсе.

— Ты встречалась с монархом, — улыбнулась я, просматривая ее ауру. Самую обычную ауру без мерцающих кристальным блеском нитей.

— Да или нет? — потребовала ответа Лика.

После недолгого молчания я продолжила свою мысль:

— Вижу, БегГар Шампус снял «клеща» с твоей ауры. Разве это не хорошая новость? Уже сейчас ты можешь покинуть королевский дворец, а я останусь верной своему обещанию командору и вместо тебя пойду под венец.

Удивление на лице Ликерии сменилось легким замешательством.

— Я не могу, и ты это знаешь!

— Знаю, — подтвердила я и прибавила: — Присядь. Разговор будет долгим.

Помедлив, Ликерия обогнула резной столик и села напротив меня.

— Предлагаю заключить сделку. Я помогаю тебе освободить Сайроса из заточения. Ты... — я вынула из вазы один сладко пахнувший бутон и, посмотрев поверх него на растерянную девчонку, смяла его в ладони, — срываешь мне свадебную церемонию. Я не хочу давать еще одну нерушимую клятву. Не хочу становиться хозяйкой этого места. Я не хочу...

— Исключено, — неожиданно вмешался беловолосый. И положив руку на плечо Ликерии, заявил: — Рисковать тобой мы не будем.

Мельком глянув на Ориана, я откинулась на удобную спинку диванчика, и сделав неопределенный жест рукой, с холодным равнодушием заметила:

— Можешь сбежать сейчас... Одна!

— Не могу, — возмутилась Лика.

— Тогда решено! Срываем церемонию!

— Ничего не решено! — твердо сказал Ориан.

— Тогда приказывай седлать коней, — обратилась я к Ликерии. — Вы немедленно отбываете в монастырь!

— Никуда я не еду, — взбесилась Лика.

— Тогда срываем церемонию моего бракосочетания! — заключила я.

— Не выйдет! — Ориан.

— Не вмешивайся! — я.

— Здесь я решаю! — возмутилась Лика.

— Нет, — удивил меня Ориан.

— Да! — воскликнула я и добавила. — Сейчас решает Лика! Ко всему прочему на подготовку у нас еще есть время.

— У нас может быть сколько угодно времени, но мы никогда не будем готовы к такому.

И тут Ликерию понесло. Она расставила всех нас по местам, с учетом кто какой цели служит. Воину света Лика напомнила про совершенную преданность. Схватив меня за руки, она попыталась открыть во мне дверь сострадания, но тщетно. Ее чудесный мир, в котором царили любовь и участие был непонятен мне и чужд. Я одернула руки и прижала кончики пальцев к вискам, чувствуя себя перетянутой стрелой. Всё. Достали.

— Мне нужно на свежий воздух.

...Из темной воды выглядывали угрожающих размеров валуны. Я шла по узкой тропке

вдоль длинной каменной стены, которая под лучами закатного солнца окрасилась в розовый цвет. Шероховатый камень царапал ладонь, но я не чувствовала боли. Она была естественной. Она напоминала мне, что телом я все еще здесь, тогда как мысли витали далеко за пределами дворца. Я не стала объяснять воину, молчаливо следующему за мной, что не желаю становиться пешкой в их далеко идущем замысле и не позволю делать из меня жертву. На разговоры у меня больше не было сил. Я просто шла и шла, мечтая о чуде: встретить того, кто одним прикосновением сможет успокоить мою кровоточащую душу, кто возьмет меня за руку и войдет со мной в немислимое течение чувств, кто не побоится принять меня без маски или, наоборот, с бесконечным множеством масок. Как маленькая девочка, я мечтала встретить достойного. Я немногим не дошла до арочных проемов, из которых выбрасывались горы водяной пыли, когда царапающая ладонь шероховатость камня сменилась чем-то слизким. Когда оно ожило, я едва успела осознать, что коснулась гладкого туловища затаившейся в каменной кладке змеи, как все уже закончилось. Острые клыки вонзились в руку беловолосого воина, который заслонил меня собой. Поморщившись от боли, Ориан оторвал от себя гада, выжигая его разум своей магией, после отбросил неподвижное тело на крутой скальный уступ.

Странно, но мгновение назад присутствие воина в моей жизни тяготило меня. Сейчас... я уже ничего не понимала. Эта короткая минута молчания между нами вместила в себя чувств больше, чем я могла выдержать.

Ориан стер слезы с моих глаз.

— Возвращайся в свои покои и пусть Мелитина не отходит от тебя ни на шаг, — сказал Ориан и пошатнулся. — Ты нужна Змеероному, этот гад прямое тому подтверждение.

— Я приведу помощь, ты только дождись. Не умирай, хорошо?

— Я не могу умереть, — Ориан нашел в себе силы улыбнуться. — Разве что потерять сознание.

— Успокаиваешь меня? — я нежно провела пальцами по двум глубоким ранам на его руке, которые, отекая, приобретали грязно-синий оттенок.

— Ориан? Я помогу. Вместе мы...

— Нет, — Ориан припал на колени. — Иди. Иди и не оглядывайся. Сейчас я не в состоянии тебя защитить. Кто знает, сколько еще этих тварей...

Ориан стал жадно хватать ртом воздух. А я... Сделав неуверенный шаг назад, развернулась и рванулась к главным воротам, на бегу смахивая слезы.

— Множественные переломы, повреждения внутренних органов и несовместимая с жизнью травма головы, — перечислил Шампус, не скрывая своего удивления. Таким он видел Валтора лишь раз, когда лично истязал его тело, заливая кровью каменный пол темницы. Много воды утекло с тех пор...

Откинув полы своего кафтана, БегГар Шампус присел рядом с напольной циновкой, на которой недвижимо лежало тело секретаря. Он осторожно приподнял голову Валтора, поднес к его губам сосуд и влил ему несколько глотков еще горячей крови, без которой тело лазара не смогло бы поддерживать регенерацию. Секретаря схватил удушательный кашель, от которого задрожало пламя свечи. Когда приступ прошел, БегГар с мрачной решимостью забить всех своих псов, но не позволить сознанию Валтора раствориться в извечной тьме, вновь напоил секретаря целебной жидкостью.

— Что было ночью?

— Недоразумение, — произнес Валтор бессильным голосом.

Комната, где разместили Валтора, была в северном крыле, закрытом для посещения. Это один из тех подземных этажей дворца, где шум бьющей о скалу воды заглушал слова, где вековые деревья, пробив корнями кладку, прочно вросли в стены, где сырость и плесень неотвратимо разъедали штукатурку, на которой была нанесена карта лариусских земель. Если присмотреться, на карте все еще можно было разглядеть замок, путь от черного хребта до кровавого озера, проходящий через прибрежную деревню под названием

Табела, да удаленный северо-восточный район с лесным покровом.

— Недоразумение? — переспросил король, смерив секретаря пристальным взглядом.

— Недоразумение, — подтвердил Валтор, вспоминая то ужасное падение... и ту бесстрашно-волшебную улыбку, которую поймал на девичьих устах, когда пришел в сознание. — Лестница... ушла из-под ног, и я... покотился вниз...

Растянув губы в кривой улыбке, Валтор задумчиво посмотрел на короля и добавил:

— Может стар я стал, а может время сейчас другое и мне еще предстоит под него подстроиться?..

— Надеюсь, ты останешься верен своим способам достижения целей?

— Пусть мои внутренности и стали месивом, но они не сделали меня мягким, — сквозь зубы выдавил Валтор, ощущая, что уже не в силах отказаться от нарушительницы и сдать ее королю. Мысли о ней волновали его еще слабый разум, а переполненное чувствами сердце совершало удар за ударом, создавая сладостную иллюзию жизни. Сейчас он видел в нарушительнице достойного противника, он нуждался в ней, а значит, сам найдет способ поймать ее как можно скорее. А после... после он будет наслаждаться пытками, исследуя ее способности к перевоплощению. Он раскроет ее тайну, но даже после этого не даст ей умереть. Нет, он будет крепко держать ее жизнь в своих когтях.

БегГар Шампус придавил Валтора свинцовым взглядом.

— Что не так?

— Змеи. Со дня кончины пресветлой, они заполнили дворец.

«Королева умерла», — в мыслях повторил Валтор. Что ж, этого следовало ожидать.

После свадебного обряда судьба новоиспеченной королевы предопределена. С прикосновением короля, его зловещая черная магия проникает в светлый храм ее души и вбирает в себя весь солнечный свет. Когда черная магия впервые пробивает ауру королевы, энергия ее внутреннего универсума устраняет негативное воздействие, аура очищается, восполняется запас жизненных сил. С каждым последующим проникновением восстановление проходит все сложнее. Борьба идет до тех пор, пока отравленный организм королевы не переполнится черной магией. Иными словами, девушка, тронутая черной магией, словно источник, на дно которого бросают гниющие останки. И чем больше БегГар Шампус будет пить из такого источника, тем отвратнее становится его вкус. Наступает момент, когда «пить» королеву становится настолько неприятно, что БегГар Шампус обрывает ее жизнь. Это логично. А вот змеи во дворце — уже не логично! В этом мире может произойти всякое, но только не это! На протяжении многих сотен лет на территории дворца и в его окрестностях не было замечено ни одного ползучего гада. А тут вдруг появились!

— Есть пострадавшие? — спросил Валтор, пытаясь хоть немного разобраться в происходящем.

— Воин света. Заслонил собой монахиню.

— Монахиню? — голос Валтора дрогнул.

— Сегодня на рассвете в ее покоях была найдена еще одна змея.

— Но кому и зачем понадобилось убивать монахиню?

— С этим нам еще предстоит разобраться. А так же с крайне непростой ситуацией, сложившейся во дворце. Валтор, мы истребляем ползучих гадов, но пока мы не раскроем причину, они так и будут угрожать нашему спокойствию...

Каждый задумался о своем. На мгновение в комнате повисло молчание и слышался лишь грозный шум водяных потоков.

— Не разлеживайся здесь долго. Ты нужен мне в строю, — с этими словами король

поднялся и направился к выходу. Взгляд его упал на карту, практически полностью уничтоженную временем. И все же сквозь века она донесла главное: королевскую обитель, скрытую от терний крылом «Черного дракона» и миф о загадочном озере, в водах которого плещется кровь бесчисленных жертв Аспида.

— Что ты знаешь про Змеерогого? — не оборачиваясь, спросил Шампус.

Секретарь собирался было ответить, но его схватил удушающий кашель. Он сплюнул кровь и уставился на монарха снизу вверх:

— Немного. Лишь то, что клятву, данную в стенах его храма нельзя не исполнить. Магию Змеерогого невозможно отследить, а его жизнь невозможно оборвать. И все же я не помню случая, когда Змеерогий вмешался в судьбу смертного. Зачем ему вмешиваться сейчас? Все это весьма странно...

«Более чем... Вот только повелевать сердцем змеи может лишь Змеерогий, посылать сигналы и вынудить гада двигаться по указанному пути может лишь Змеерогий, а также заставить его излить свой яд в тело меченого мага, может лишь Змеерогий. И на это должна быть причина, которую им тоже предстоит выяснить, а пока... монахиня будет жить.

Глава 20

На несколько дней все во дворце точно вымерли. Никто не зажигал света, не разговаривал и не покидал своих комнат. Все ждали окончания третьего и последнего дня тишины.

Претерпел изменения и сам дворец. Магические шары исчезли из рук каменных дев, а сами статуи занавесили тканью — такой невесомой, что она раздувалась даже от малейшего ветерка, и тогда казалось, будто каменная дева заперта внутри огромного кокона. Всюду жглись благовония, и поток ароматов туманом стелился по двору. Высокие своды залов мерцали дрожащим светом алмазных струн. Полусонно покачиваясь в воздухе, они напевали мистически нежную, невероятно печальную песнь потери, роняя свои алмазные «слезы» и незримо истончаясь. С последней упавшей на рассвете «слезой» прощальная песнь стихла и жители дворца, облачившись в кипенно-белые одеяния, собрались во внутреннем дворе к началу обряда погребения.

В это время я по просьбе Мели спешила в покои Ликерии.

Уже на подходе, сквозь неплотно закрытые двери я услышала снисходительно-сдержанный голос Мэдока.

— ...это мероприятие обязательно к посещению.

— Какой зануда! — буркнула Лика и поинтересовалась с присущей ей «деликатностью»:

— Мэдок, вам так не терпится услужить королю, что вы ошибочно считаете, будто вправе указывать, что мне делать! Вам не кажется, что жестоко заставлять меня присутствовать на погребении?

— Все жители дворца, от господ до прислуги обязаны явиться на погребение и проводить пресветлую в последний путь.

— Не плохо бы и вам всем последовать за ней.

Я рывком открыла дверь.

— Какой убогий вид, — обласкала меня Ликерия. Облаченная лишь в ночную рубаху, она сидела в кресле и лениво поглаживала острие своего меча, выкованного из метеоритного железа.

Я ответила на приветствие законоведа, подошла к прислужницам и, схватив аккуратно приготовленный наряд, с суровым выражением лица швырнула его будущей королеве:

— Одевайся.

— И ты туда же, — с раздражением сказала Лика.

— Лика, ты поступаешь крайне неосмотрительно, — спокойно сказала я и позволила себе напомнить зарвавшейся девчонке, что расплачиваться за эту выходку она будет своей энергией.

— Все еще хочешь подарить королю свой поцелуй?

— Ненавижу, — заворчала Лика и, сверкнув черными глазищами, задергала левой ногой.

— Оденьте ее, — скомандовала я прислужницам. — И побыстрее.

Я заколола алый бутон в красиво уложенные волосы, накинула ей на плечи белоснежное меховое манто, и легко коснувшись ее руки, шепнула:

— Будь благоразумна. Нам ведь не нужны проблемы?

Ликерия склонила голову, показывая, что все поняла.

— Не стоит заставлять монарха ждать, — сказала я, пропуская госпожу вперед.

Среди кипенно-белых нарядов, лишь я и БегГар Шампус остались верны темному цвету. И если мне отступить от вековой традиции без риска для себя позволила религия, то на стороне короля были могущество и власть. Двойственные чувства овладели мной: с одной стороны я понимала, что именно черный цвет вероломно выдергивал меня из белой массы и ставил на одну ступень с БегГаром Шампусом, с другой он словно наделаял меня тайной властью, ставшей отражением греха и мистической ночи.

Озадаченная своими мыслями, я присела в реверансе гораздо позже остальных. Тиски многочисленных взглядов сомкнулись на мне. Что ж, я и не надеялась избежать повышенного внимания, но чтобы так... И я продолжила стоять, втянув голову в плечи и не отрывая глаз от пола.

— Вы слишком истощены, — сказал БегГар Шампус, и я подняла голову, встречая металлический взгляд короля. — Сегодня вечером я жду вас у себя.

Не дожидаясь ответа, монарх отвернулся и дал команду выдвигаться.

Возглавили процессию крепкие мужчины, в числе которых был и кузнец, который пожаловал меч Ликерии. Я едва его узнала в белой рубахе, гладко выбритого и с чистым лицом. Мужчины вынесли прозрачный гроб. Напевая молитвы, молодые женщины, лица которых были скрыты под строгими масками, а запястья обмотаны белыми, как туман лентами, легко и величаво несли широкие чаши, бросая под ноги идущей процессии белые лепестки роз и красные специи. За ними следовал монарх вместе с кровными родственниками почившей королевы. Далее мы с Ликерией, а за нами все остальные. Завершали процессию королевские кони в сопровождении слуг. Мы миновали главные ворота, чинным шагом прошли мост и ступили на чернеющий камень горного хребта. Несколько часов я переставляла деревянные ноги, мечтая свалиться прямо тут на тропе, закрыть глаза и тихо умереть. Спины господ в дорогих одеяниях сменились спинами слуг и лошадиными задницами. Фыркнув, одна из кобыл махнула хвостом прямо перед моим носом. Я пошатнулась, и вдруг, словно из воздуха нарисовалась передо мной Мелитина, успевшая подхватить меня под руку. Когда мы входили в мрачную и жутко холодную пещеру, я еле держалась на ногах.

Вспыхнули чаши из-под лепестков, наполненные горючей жидкостью и бесчисленное множество гробов тут же отразили своими гранеными боками огненные всполохи. Опоры, вросшие в черный камень, были еле различимы, и установленные на них гробы казались парящими в воздухе шкатулками со спящими внутри девами. Ужасающе прекрасное зрелище. Неужели и мне предстоит взлететь под самый свод пещеры и закончить свой путь здесь, в оковах холодного хрусталя? Это немыслимо, пять с половиной сотен гробов! Да в моей деревне девиц незамужнего возраста и десятка не наберется!

После церемонии у меня уже не было времени отдохнуть.

Вечер наступил слишком быстро. Я неспешно преодолевала ступени витой лестницы, бездумно наблюдая за своей тенью, которая то удлинялась, то укорачивалась, то снова удлинялась. И все бы ничего, но лестница, которая казалась бесконечной, кончилась слишком быстро, и я оказалась совершенно не готовой к встрече.

— Послушница Айла, вам плохо?

— Мели, мне очень страшно, — честно призналась я.

Открывая передо мной дверь, Мели поклонилась и осталась за дверью.

Напрочь лишённые какого бы то ни было величия, королевские покои представляли собой восьмигранную комнату, больше напоминающую мастерскую мага-коллекционера. Полы из мраморных плит, множество ниш в стенах с различными реликвиями, мистическими амулетами и артефактами, окутанными тайной своего происхождения. Взгляд зацепился за крупные камни кроваво-красного цвета. Эти камни обладали невероятной магией, они поглощали темную энергию и блокировали негативное воздействие ауры смерти. И самый крупный размером с кулак был закреплен в королевском скипетре, с которым БегГар Шампус практически никогда не расставался.

«Наверно, владея столь могущественной силой, непросто мириться с неминуемой

смертью, которую несешь в мир живых», — подумала я.

Большую часть стола занимали бумаги, придавленные плетеной корзинкой, в какой обычно держат змей. Мне даже послышался странный звук, похожий на... шипение?

В широком проеме, выходящем на смотровую площадку, показался БегГар Шампус. Он остановился возле стола и положил руку поверх плетеной корзины.

— Сколько...? — голос холодный как сталь.

Первым порывом было спросить «о чем он», но я сдержалась. Ответ на этот вопрос был очевиден.

— Шесть покушений, вместе с тем, когда пострадал воин света, — ответила я, не желая казаться девушкой, которая медленно соображает.

— С чем это связано, по-твоему?

В страхе неубедительно соврать, я отрицательно мотнула головой.

— Змеерогий, — удивил меня монарх. — И это легко проверить. Подойди.

Он смахнул плетеную крышку и достал из корзины черную змею. Она то обвивалась вокруг руки монарха, то свисала сосулькой, точно хотела вернуться обратно в корзину.

— Не о такой смерти я мечтала... — я не узнала свой голос.

— Подойди ближе. Змея для тебя не опасна.

В голове забарабанило. Я стянула с головы платок и, сжав его в трясущихся руках, отступила.

— Я боюсь змей, — еще шаг назад.

— Кто ты, послушница Айла?

— Я не знаю. Я вас не понимаю! — я судорожно замотала головой. — В монастыре не было змей.

Шампус скинул змею с руки обратно в корзину. Я медленно попятилась к выходу, но была тут же схвачена.

Оказавшись в опасной близости от змеи, я зачарованно глядела в ее черные кабошоны глаз. Очнулась, только когда моя ладонь легла на змеиный хвост. Шампус стоял за моей спиной и держал меня крепко, не позволяя одернуть руку.

Крик полный ужаса сорвался с моих губ.

Я зажмурилась, превратившись в сплошной комок нервов. Но укуса не последовало. Змея вела себя очень странно. Маленькая черная тварь обвивалась вокруг моего запястья, поднимаясь все выше, пока не была схвачена мужской рукой и сброшена обратно.

— Она здесь недавно, несколько часов, — раздалось над ухом. — В отличие от гадов, заполонивших дворец, она обладает чрезвычайно мощным ядом. И противоядия нет. Смерть от укуса неизбежна.

Охнув, я осела на пол не в силах больше выносить эту жестокую реальность.

— Вы сказали, змея не опасна!

— Я сказал, для тебя неопасна. Смертельно ядовитая змея тебя не тронула, а гады, яд которых не столь токсичен, так и норовят тебя укусить. Ты нужна Змеероному... сомнений нет. Но зачем?

Шампус склонился надо мной и, держа меня за подбородок, заставил смотреть ему в глаза. Его взгляд словно прожигал мою защитную оболочку, обнажал мою душу,

заставляя испытывать сильнейшее чувство беспомощности. Под его пальцами пылала нежная кожа, было больно, но я даже не попыталась вырваться.

— Рассказывай, во что ты влипла, глупая монахиня? — приказал Шампус, отпуская меня.

Король опустил в глубокое кожаное кресло, я же осталась сидеть в его ногах. Рядом валялся платок.

— Я думала, я знаю ваших богов. Но за четыре года, что я провела в монастыре, я даже не слышала про Змеерогого, и тем более не знаю, зачем я ему нужна...

Темная оболочка сгустилась вокруг тела монарха. Разоблачил ложь? Или недоволен ответом?

Я закрыла глаза, качая головой. Сознание затягивал вязкий туман, и не желая доводить ситуацию до критического предела, я решила прибегнуть к верному способу самосохранения, и лишилась чувств...

— Симпатичный у тебя перстенок, — раздался знакомый голос.

Ликерия сидела на кровати и держала мое запястье, поворачивая его то одним боком, то другим. Ее черные глаза сверлили мое новое украшение.

— Ну, и где ты отхватила такой артефакт? — Ликерия, наконец, оставила мою руку в покое, и я смогла рассмотреть необычайно красивый перстень со смарагдом насыщенного зеленого цвета в оправе из черного золота.

— Послушница Айла, у вас такие глаза, которым подходят любые драгоценные камни, — защебетала Мели, запаривая мне любимый чай. — Серые глаза обладают редкой способностью вбирать в себя искорки самоцветов.

— Это не просто красивый камень. Это еще и артефакт! — резковато напомнила Лика и моя прислужница согласно кивнула.

Хмурому настроению Ликерии я легко нашла объяснение. Сайрос в заточении и мы пока ни на шаг не продвинулись в этом вопросе. Со смертью королевы Ликерию лишили прав и свобод — она больше не могла покидать пределы дворца и наслаждаться скачками. Но самое ужасное, я заставила ее подчиниться правилам! А быть хорошей девочкой озорная и заводная Ликерия, обладающая редким талантом притягивать неприятности, попросту не умела.

— Чай готов.

Я пригубила горячий напиток и, пытливо взглянув на свой перстень, спросила:

— Так что за артефакт, объяснит мне кто-нибудь или нет?

— Отпугивает змей и прочих ползучих тварей, — сказала Лика.

— Он их не просто отпугивает, он их убивает, — Мелитина распахнула окно и повернулась ко мне. На устах ее сияла загадочная улыбка. — Это подарок нашего короля.

Я подавилась чаем.

— И как это понимать? — округлила глаза Ликерия.

— Ты ревнуешь? — усмехнулась я.

— Ревную? Нет.

— Хорошо, потому что артефакт, который поможет мне забыть холод змеиного тела, я приму с благодарностью.

Глава 21

Я постаралась как можно больше узнать о месте заточения Сайроса, но ориентир «где-то под землей» — не самый точный для начала поисков. Оставалось ждать.

Как это ни странно, но мы подружались с Ликерией, с этой несдержанной девчонкой, которая больше напоминала мальчишку: короткая стрижка, выраженная мускулатура, небольшая грудь и плечи более широкие, чем бедра — внешность на любителя. Я слишком поздно поняла, что ее красота крылась в силе характера. Лика знала, что ей нужно и упрямо шла к своей цели. Ее уверенность и любовь к жизни восхищали меня.

«Наверное, такие женщины и нужны королю», — думала я, шагая по коридорам лечебницы.

Я просмотрела почти все комнаты, прежде чем нашла нашего больного в обществе Ликерии, которая хрустела имбирным печеньем. От резкого, ароматного запаха у меня потекли слюнки.

— Присаживайся, — улыбнулась Лика и легким движением руки смахнула крошки с пледа.

Едва окинув взглядом мурлыкающую от удовольствия Лику со взъерошенными волосами и крошками печенья на губах, я поняла, что она пытается разбудить аппетит у больного. Однако, судя по нетронутому бульону, к еде Ориан остался равнодушен.

— Как ты? — спросила я, присаживаясь на кровать и принимая протянутую Ликерией печеньку. — М-м-м. Вкусненько!

Зеленый, словно его мучала сильная тошнота, Ориан болезненно поморщился. Я спрятала печенье в карман и отряхнула руки:

— Гадость какая-то, даже не смей пробовать.

Лика поперхнулась, а Ориан засмеялся, но тут же его схватил спазм и, стиснув зубы, он уткнулся лицом в подушку.

— Ему уже лучше. Жар спал и желудок больше не выворачивает, но он все равно отказывается есть, — пояснила Лика на мой обеспокоенный взгляд. Покрутив в руках покусанную печеньку, она тоже положила ее в карман.

— И это ты называешь «лучше»?

— Уж поверь. Я навещаю его каждый день, — улыбнулась Лика, помогая больному перевернуться.

Я почувствовала укор совести и тоже засуетилась, поправляя подушки и плед.

— Придвинься ближе, — вдруг попросил Ориан, протягивая ко мне руку. — На поясе следящее заклинание. Уберу.

— Нет-нет, — Лика схватила меня за плечи и повела к выходу. — Тебе нельзя обращаться к магии, иначе вновь откроется кровотечение. Отдыхай, мы зайдем позже, — сказала она и, прихватив с собой еще печенья, захлопнула дверь. Кто же мог подумать, что это «позже» наступит гораздо раньше, чем мы думали...

Мы гуляли по каменным дорожкам вечно цветущего розария, наслаждаясь прекрасной погодой, садом и ароматом цветущих роз. Как же хорошо без всех этих заклинаний, развеивающих запах. Просто чудесно!

— Дата свадьбы назначена, — словно невзначай обронила Ликерия.

— Да... — вмиг помрачнела я. У монарха не было причин медлить. Гости собраны, наряды пошиты, а украшения только и ждут своего часа, чтобы поразить всех мистическим блеском и удивительной красотой.

— Ты знаешь... я всегда мечтала увидеть столицу Себрийской империи. Слышала, почту

там разносят призраки-почтальоны, а дремы (люди, не наделенные магией) живут в обособленных общинах? — защebetала вдруг Ликерия.

«Хотела бы я рассказать тебе правду, что тоже там не была, и знать ничего не знаю... — подумала я. — Но нет».

— Я жила в поместье моих родителей в городе Эпирии — это север империи. У меня были проблемы со здоровьем, и я почти никогда не покидала поместье. Так что... детство мое прошло тихо и в четырех стенах. Из воспоминаний — книги, да корзинки с пряжей, вот, пожалуй, и все. Скука.

— А я исколесила Лариусское королевство вдоль и поперек. Мой отец был вечно занят делами, и я болталась рядом, словно ножны на поясе... — ее лицо вмиг стало печальным. Оставив мягкий след на рыхлой земле, Лика сорвала желтый бутон и стала бессознательно перебирать в пальцах его лепестки. — Какая она, твоя мама?

Я несколько растерялась, но понимая, что Ликерия с замиранием сердца ждет мой рассказ, сказала ей правду:

— Мама опекала меня. Она считала, что я хрупкая и нежная как фарфоровая кукла. Я росла в любви и заботе, ошибочно полагая, что мир за стенами столь же ласков, как мамины руки. Все оказалось совсем не так...

— Счастливая ты, — с завистью в голосе сказала Ликерия и кивком головы указала на скамью, предлагая присесть.

— А я совсем не помню свою маму. Я ничего не помню и если бы не портрет Ноэми в кабинете отца... — Ликерия положила руки себе на колени и до белых костяшек сжала пальцы: — Она ушла из жизни, когда я была маленькой...

— У тебя возникало желание уйти вслед за ней?

Ликерия устремила взгляд на танцующую над цветком бабочку.

— Скоро уйду.

— Откуда эти ужасные мысли? — с упреком в голосе поинтересовалась я.

— Как-то ночью я подслушала разговор отца с одним очень странным магом. Они до рассвета листали родословную нашего рода, и вдруг отец сказал, что уже отчаялся найти того, кто способен снять проклятие.

— Какое проклятие?

— Никогда бы не подумала, что стану обсуждать это с тобой, но... — Ликерия сделала глубокий вдох, собираясь с мыслями, и начала свой рассказ...

— Род Ридхестов берет свое начало со времен объединения лариусских земель и признания их единым королевством. Мои предки были отменными воинами, они свято хранили честь рода и трудились на его благо. Но однажды древнейший и почитаемый род стал истончаться, словно ручей, и сегодня он напоминает узкий проток, который вот-вот исчезнет. Все дело в том, что женщины нашего рода не могут перешагнуть отметку в тридцать лет. А началось все это с моей прабабки. Молодая была, гордым взглядом на мир смотрела — маг земли, каких поискать. Многие маги к ее ногам припадали, а она все нос воротила. Свое дело открыла, напарника толкового в помощники взяла. И вот однажды пришел ей заказ на огненную ягоду, а такая у нас лишь в «спящем» лесу растет. Жители окрестных деревень в лес тот без особой нужды не совались. А уж если пришлось, ходили группами и только в светлое время, вели себя тихо, рта почему зря не раскрывали. Поговаривали, что жил в том лесу настолько сильный медиум, что сами духи перед ним скалы раздвигали, из ледяного ручья поили, и камелек ему разжигали. Прабабка моя не из трусливых была — напарника под мышку и в лес. Несколько дней бродили они по лесу, да только впустую все. Замерзшие, усталые, они разожгли костер, и стали греть себя песней...

Ликерия вдруг замолчала, направив невидящий взгляд на яркое, залитое светом зимнего солнца, покрывало роз.

— Что было дальше? — не выдержала я.

— А дальше — больше! Явился к ним на поляну тот самый медиум и наказал, да так, что помощник скончался там же на месте, а вот сильная кровь древнего рода позволила прабабке выжить и даже вернуться домой.

— Она понесла?

— Нет, медиум не тронул ее тело... Он сделал невозможное. Он разорвал ее энергетическую связь с землей — прабабка больше не слышала ритмы земли, и не могла звать к ее силе. Но зато ей стала подвластна водная стихия. Вот такая вот аномалия.

Помолчав мгновение, я растянула губы в улыбке и, не больно хлопнув Лику по плечу, весело рассмеялась.

— Ну, ты даешь! Развела как ребенка! А ведь я едва тебе не поверила!

— Ты видишь во мне универсум мага воды, так?

— Так, — я все еще улыбалась.

— Глаза закрой.

— Это еще зачем?

Лица фыркнула, и я зажмурилась.

— Что ты чувствуешь?

И я прислушалась к ее силе... грубой, жесткой, сухой, словно дно каньона, и никакого намека на нежную и изменчивую магию воды.

Я разомкнула ресницы и посмотрела в черные как угли глаза. Лица призвала росу, создавая на ладони водяной пульсар. Она пошевелила пальцами, останавливая вращение, и продолжила держать воду в форме шара, но уже статичного. Вода не была текучей, она стала совсем другой — мертвой и недвижимой, словно драгоценный камень!

— Нравится? — с вызовом сказала она.

— Но это невозможно! — прошептала я, протягивая руку и касаясь водяного шара — гладкого и твердого, как аквамарин.

Шар в ее ладони, не тронув нас, взорвался ледяными брызгами. Ликерия пожала плечами и продолжила:

— С тех пор все девочки в нашем роду рождаются магами воды. Но это не самое страшное. Ужасно то, что моя прабабка утонула в реке. Ее сестер постигла та же участь. Моя бабка упала в колодец и захлебнулась. Моя мама и ее сестра... — Ликерия закусила губу, не в силах продолжать, да оно и не нужно было. Я и без слов все поняла... Их гибель связана с водой.

— Проблема не в нашем универсуме или вернее не только в нем.

— В чем тогда?

— Эту тайну прабабка унесла с собой в могилу, — Лица отвернулась, показывая, что разговор окончен. Она и так рассказала слишком много.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать девять будет... — одними губами прошептала она.

— Сайрос?

— В курсе всего...

Повисло молчание, которое оборвала Ликерия.

— Два уродца, которым судьбой предначертано умереть, полюбили друг друга. Забавно, да? — сказала Лика, едва сдерживая слезы.

Забавно? Она в любой момент в горшке с водой утонет, а он не знает, когда его универсум разорвется от избытка огненной энергии!? Очень забавно! Прямо обхохочешься!..

— Все хорошо, правда, — выдохнула Лика и ободряюще сжала мою ладонь.

— И после всего, что ты на меня обрушила, ты говоришь, что все хорошо? Хорошо?!

Меня накрыло... Я вырвала руку и поспешила уйти из сада. Я бежала навстречу своим мыслям, боясь передумать и отступить.

Тихий стук в дверь. Короткое «входи». Легкий поклон и голос недогнущий в своей просьбе:

— Я хочу покинуть дворец.

— Вы вольны оставить нас в любое время, — БегГар даже не посмотрел в мою сторону. Так и продолжил выводить неизвестные мне глифы на белом листе бумаги. Наконец, он поднял голову. — Это все?

— Н-нет, — понимая, что мои слова королю не понравятся, я закрыла глаза и выпалила: — Разрешите забрать Сайроса. Он хороший порядочный маг, и он ничем не нарушил закон. За свою дерзость он заплатил сполна. Отпустите его, позвольте ему уйти со мной. Проявите милосердие, прошу вас.

— Возможно, я отдам тебе мага... если ты прояснишь мне... — БегГар подул на страницу, ожидая пока высохнут чернила, закрыл книгу и испытующе посмотрел на меня.

«Грани черной магии» — прочла я на кожаном корешке, инкрустированном медью.

— Как ты разрушила во мне то, что было нерушимо долгие сотни лет. Как слабая телом и духом магичка смогла пробудить во мне... интерес?

Я открыла рот и тут же его закрыла. Полагаю ответ «я не знаю» короля не устроит. Выглядела я растерянно, Шампус пугал меня, а его темное энергетическое поле оплавляло разум и путало мысли. Я отчаянно сопротивлялась, не желая позволять его черной магии касаться себя.

— Я могла бы сказать «потому, что моя душа наполнена верой»... Но это не так. В ней давно поселился страх и ожидание чего-то ужасного, с чем я не смогу справиться. К сожалению, большего я сказать не могу. Моя душа не ларец, который может открыть каждый, кто воспылал к ней интересом.

— Достойный ответ.

— Значит ли это, что Сайрос свободен и может отбыть вместе со мной?

— У меня нет причин отказывать тебе в просьбе.

И на этот раз я не стала рассыпаться в благодарностях. Я посмотрела прямо в стальные глаза Шампусу и, не выпуская из головы уродливые татуировки на теле дознавателя, осторожно спросила:

— Свободен из-под стражи и свободен от вашего влияния?

Король смотрел на меня пронизательно и строго, и чуть сдерживая улыбку, указал на дверь.

— Иди.

— Благодарю вас, — лицо засияло счастьем и, забыв про усталость, я побежала собирать свои пожитки. Мои сборы, прощание, отъезд — все должно выглядеть правдоподобно. К тому же оставался еще один важный вопрос — любимец Ликерии. Конь с глазами, выжженными магией, жеребец с фатальным недостатком лучшей породы современного

мира — в холке Бурый превышал своих сородичей на целую ладонь. Кажется глупостью, но будучи на гребне эмоциональной волны, я решила «забрать с собой» и этого дефектного монстра с убийственно сложным характером.

Когда дверь закрылась, Шампус сложил пальцы замком, испытывая легкое сожаление. Единственными кто оставался для него недостижимыми, были монахини — служение всевидящим давало им, своего рода, иммунитет. Монахини не могли стать донором жизненной энергии для короля. Их защищал закон.

— Жаль я не смогу увидеть этого птенца оперившимся.

— Не мерь все законами и не приставай к одиноким девушкам на набережной... — пошутила я, прощаясь с Сайросом.

Ориану вручила одежду и трость со словами:

— Одевайся, мы уезжаем.

— Значит ли это...

Я кивнула. На большее меня уже не хватило.

— Оставь нас, — попросил Ориан молодого лекаря.

Из окна было видно, что слуги оседлали пока только двух жеребцов. «С Бурым, как всегда, возникла проблема. Слишком долго стоял в стойле. Чужая рука, чужие запахи сделали его неуправляемым», — думала я, краем уха слушая, как пыхтит Ориан, натягивая штаны. Обернулась, лишь, когда трость коснулась пола.

— Хорошо, поторопимся, — сказала я, делая шаг к двери. Как вдруг мои губы обожгло поцелуем. Чувствуя его страсть, я понимала что добилась своего. Я разбудила его чувства. Вот только лед, который сковал мое сердце, уже невозможно было пробить.

Я испепелила свою надежду, отказавшись от единственного шанса на спасение.

Я занесла пешку над фигурой короля со словами «шах»...

Я обрекла себя на верную смерть.

И наконец, я жертвовала собой, ради счастья Сайроса и Ликерии. И я отчаянно надеялась, что за свою любовь эти двое будут бороться до конца.

Что теперь значит этот поцелуй в котле безумия и безысходности?

— Уже не греет... — сказала я, разрывая поцелуй.

— Я не встречал таких девушек как ты, Айла. Такая красивая и такая опасная, а твои способности потрясут воображение. Я следил за твоей игрой, и она восхитила меня.

— Восхищен, говоришь?! — я облизала губы. — Тогда останься. Вызови меня из этого ада, и я подарю тебе сотню, тысячу поцелуев.

Молчание воина напрягло. Нет, милый воин, я не упаду к твоим ногам и не буду молить о помощи.

— Прибереги свои поцелуи для той, которая оценит.

— Прости. Встретились бы мы при других обстоятельствах, и я бы боролся за наше будущее.

Я широко улыбнулась, понимая, что только что на мне нарисовали жирный крест. Ориан не верит в мое спасение. Уже нет... а значит, самое время избавиться от «декораций». Тянуть больше не имеет смысла.

— Прощай, воин света.

— Клинок, который способен оборвать нить жизни, спрятан в пустующем стойле под

кормушкой.

— Предлагаешь мне быструю смерть? Как благородно! — усмехнулась я.

— Айла...

— Прощай.

Я шла в свои покои, где меня ждала Ликерия. Горячие слезы обжигали щеки, а я их уже и не сдерживала. Отступить было поздно. Резко втянув воздух носом, я толкнула дверь и тут же была поймана в объятия.

— Пошли вон, — шмыгнула носом Ликерия. — Мы будем прощаться.

Времени совсем не осталось. Я заставила себя отстраниться, прошла в купальню и скинула с себя дорожное платье. Жестом дала понять, что жду от Ликерии того же. Разговаривать было нельзя, мои покои перестали быть безопасными. Поменявшись одеждами я вынула из ножен меч и обрезала себе косу.

Обнимая Ликерию в последний раз, я передала ей свой молитвенник, на обложке которого вывела золотом строки:

«Не вздумай даже смотреть на Сайроса.

Выдашь себя хоть взглядом и нам конец.

Продержу иллюзию до заката. Удачи».

Слова испарились, будто ничего и не было.

Сжимая ножны в ладони, я стояла на открытом балконе в штанах, непривычно висящих на моей заднице. Сайрос оседлал Бурого, и конь тут же выказал свое недовольство, цапнув за ботинок потерявшего бдительность дознавателя. Ничего, потерпит. А как только скроются за утесом, там уж Ликерия натянет поводья своему монстру. Монахиня из нее никакая — запутавшись в юбке, она ерзала в седле, пытаясь вытащить ткань, придавленную внутренней стороной бедра к крылу седла. Последним сел в седло Ориан. Я нарисовала черную ленту, незаметно вплетая ее в густую гриву серого жеребца. Заметил, склонился, желая сорвать ленточку, но пальцы прошли сквозь иллюзию. Распрямил спину и обернулся, встречаясь со мной взглядом.

— Вернись ко мне. Вернись, как возвращаются воины света к своим возлюбленным. Вернись и спаси меня... — прошептала я, заставляя принять мой скромный дар.

Ориан ударил серого по бокам, и всадники умчались.

«Спасения не будет», — поняла я.

«Это конец» — подумала я и сомкнула ресницы.

Глава 22

Я сидела на теплом полу, облокотившись спиной о стену, и безучастно наблюдала за черной, как полоса моей жизни, змеей. Змея, попав в «капкан» амулета, изгибалась и корчилась. Наконец, она свернулась в тугой узел, дернулась в последний раз и затихла черным пятном на молочном ворсе ковра. Всматриваясь в ее застывшие «слезы» глаз, я погладила амулет со смарагдом, испытывая смутную радость от темной силы, заключенной в изумрудном камне. Я поступила правильно, оставив артефакт себе. На пальце «монахини», спешно покидающей королевский дворец, была лишь точная его копия. Я обезопасила свою жизнь, ведь с отъездом Ликерии змеи никуда не делись. Наоборот, их стало гораздо больше. Я встречала ползучих гадов в цветущем саду, в библиотеке, в конюшне, когда хотела покормить лошадей сахарком, а сегодня даже в своих покоях. Я знала, что это будет продолжаться, пока я не сдержу свое обещание, данное командору в храме Змеерога. Змеерогий... Однажды я уже была свидетелем его ужасной многомерной пытки. Мальчишка, чей позвоночник прошили устрашающе-длинные иглы, выкачивающие из тщедушного тельца последние крохи эфира, снился мне до сих пор. И я отчаянно не желала повторять его судьбу, а потому гнала от себя даже малейшую мысль о побеге. Нет, я не сбегу. Во всяком случае, не раньше, чем мою голову венчает корона.

— Госпожа Ликерия, просыпайтесь...

Схватив мертвую змею за хвост, я выскочила на балкон и перекинула ее через балюстраду, увитую мелкими бутонами роз. Двери моей спальни распахнулись, и приятный бархатный голос за спиной возвестил:

— ...сегодня особенный день!

— Да кто ж спорит, — мрачно обронила я. День сегодня и впрямь особенный. Особенно жуткий.

На восьмой день после кончины пресветлой дворец погрузился в густой туман. Я всмотрелась в серое марево, вылавливая очертания островерхой башни, ставшей обителью черного мага и, сжав перила балюстрады, мысленно обратилась к БегГару Шампусу:

«Я не хочу иметь с тобой ничего общего и я не позволю тебе пить меня словно сладкое вино».

— Для обряда все готово, — укрывая мои плечи белым плащом, сказала обладательница бархатного голоса. — Я провожу вас к священному источнику.

Священный источник благоухал ароматом целебных трав. Горная вода, просачиваясь по трещинам отвесной горы, с тихим шумом скатывалась в неглубокий круглый бассейн. С четырех сторон бассейна на идеально гладких шарах были установлены чаши, наполненные пылающей синим светом водой. Неподалеку еще две чаши освещали шатер, расшитый серебряной нитью. С меня сняли одежду, и я ступила в хрустальную живительную воду.

Прислужницы взяли за руки и запели таинственным мелодичным голосом. Дух воды, пробудившись ото сна, всколыхнул воду, и она расцвела необъятным множеством прозрачных бабочек. Я протянула руку, желая убедиться, что это загадочное явление не плод моего воображения, как вдруг бабочки расправили небесной красоты крылышки и окружили меня со всех сторон, обволакивая мое тело искрящей нежностью. Волшебные переливы пламени скользили по радужкам их невесомых крылышек, освещая скушающе-серый туман. Бабочки кружили, согревая меня. Они и были той целебной силой, что сделала мою кожу и мой разум, столь долгое время скованный накипью тревог и волнений, совершенными. Этим крошечным созданием удалось наполнить меня счастьем. Единым порывом вода схлынула, и я почувствовала себя просветленной. Сознание окутанное мифической, как призрачный свет луны, пеленой, и эти голоса, эти песнопения, сопровождающие всю церемонию, не велели мне сомневаться.

Легкая струящаяся ткань укрыла мои плечи, и я прошла в сказочно красивый шатер.

Я подняла глаза. Вдох полный восхищения сорвался с чуть приоткрытых губ. Видела бы

Ликерия себя в зеркале! Рубины, инкрустированные в тиару, выгодно оттеняли черный цвет ее глаз. Черный корсет, расшитый огненной нитью и красными самоцветами, так напоминающими застывшие капли «крови», эффектно облегал талию. Глубокий разрез от бедра притягивал взгляд чарующим совершенством линий. Плащ из роскошной ткани темно-бордового цвета с черным отливом волной спадал по спине и, казалось, не знал конца, настолько длинным он был. «Перед такой красотой дрогнет даже каменное сердце», — думала я, загадочно улыбаясь отражению.

— Как вы прекрасны! — склоняясь в поклоне, молвила одна из прислужниц.

— Восхитительны!

— Изящны.

— Очаровательны.

— Красота, достойная величия!

О, да! Я чувствовала себя сокровищем, воистину достойным великого монарха. От комплиментов и восхищенных взглядов кружилась голова. Все это действовало на меня словно пьянящий нектар. Одна только мысль, сливаясь с биением моего сердца, не давала покоя: несмотря ни на что, я продолжала держать образ Ликерии. И я не находила этому объяснения.

Я растерянно посмотрела в глаза Мелитине. По-своему истолковав мой взгляд, она склонилась в поклоне и подтвердила:

— Да-да, вы очень красивы! Моя госпожа, нам поручено проводить вас в храм к началу церемонии, — мягким спокойным голосом сказала она выпрямляясь.

Забыв о том, что открытые ворота в подземный храм летящего Мориона олицетворяли начало неизбежного конца для избранницы короля, я не смогла сдержать вздох восхищения:

— Подумать только, я в древнем храме!

Храм поражал своим величием. Подсвеченные холодным голубым светом ряды мощных колонн поддерживали его громадный свод. Отполированные стены храма украшали сакральные надписи. Дорога, выложенная мозаикой из лазурита и перламутра, делила храм на две равные части и заканчивалась алтарем в виде огромной статуи дракона, лежащего на свинцовых табличках с заклетьями. Все его тело было усыпано драгоценными камнями, а мощные крылья, обладающие разрушительной силой, были сложены. Когтистые лапы держали гранитную чашу так изящно, словно она была не тяжелее перышка. Небесные цветы оживляли холодную красоту храма, превращая угрюмые колонны в произведение искусства. Но вот что странно — всё, и колонны, и дракон, и даже мозаика, украсившая пол, были затянута каким-то уже знакомым мне маревом. Вот только вспомнить, что это за марево я не могла, а потому сосредоточилась на черной фигуре, что ждала меня по ту сторону «небесного моста». В окружении девяти хранителей первичного знания, возглавляющих Совет Судеб, стоял БегГар Шампус — полноправный властелин лариусских земель, чья темная аура, горящая мистическим пламенем, говорила о его небывалой силе. Единственное, что выбивало его из образа монарха — отсутствие короны. В такой значимый день и не надеть корону?! Это казалось странным. Однако скипетр неизменно был при нем.

Волшебным светом играла напольная мозаика. Манящие как рокот прибора переливы мелодии ласкали слух. И ведомая таинственными голосами, я медленно поплыла к алтарю.

Волнительно покачивался подол черного платья, обнажая жемчужно-белую кожу бедра. Мимо плыли идеальные улыбки, дорогие наряды, драгоценности, магические нити оберегов — роскошь, власть, богатство. И некромант...

Некромант!? Что среди ярких представителей богемной жизни делает некромант?

«Фиц?!» — при одной только мысли о Фиционе меня охватило волнение и какая-то невообразимая детская радость.

Мой Фицион, неужели это он? Я остановилась, нарушив привычный ход церемонии. Осторожно, чтобы не спугнуть спасительное видение, коснулась плеча некроманта и тихо прошептала:

— Друг мой, я так рада...

От неприкрытого призрения во взгляде некроманта сердце бешено забилося в груди. На глазах закипали слезы.

— Друг?! — повторил некромант и ядовито усмехнулся: — Такое и под действием чар не привидится...

Его реакция стала настоящим ударом по идеальному миру, который столь усердно рисовало мое сознание.

— Чары... — выдохнула я, сжав губы. Сколько яда заключено в таком красивом и емком слове?! Чары как кривое зеркало, подменили несовершенный и непривлекательный мир красивой сказкой. Чары одурачили мое сознание, вселив уверенность, что церемония самое прекрасное, что когда-либо случалось со мной...

Конечно, этот в черном не имел с Фиционом ничего общего. Тень, которая всего на миг вынырнула из прошлого, но этого мига хватило, чтобы я смогла зацепиться за реальность.

— Госпожа Ликерия, что с вами? — забеспокоились прислужницы, что торжественно несли шлейф длинного, как сама жизнь плаща.

Я посмотрела на прислужниц таким взглядом, словно впервые их видела. Забавные! Чего вы боитесь?

Я отступила и устремила растерянный взгляд к алтарю. Видение медленно и неохотно отступало, являя моему взору истинного черного мага, ставшего воплощением моего жутчайшего кошмара. Его непроницаемое лицо и черная оболочка ауры, вокруг которой плавилось пространство, внушали откровенный ужас. Оболочка пылала, словно сотни заключенных в ее плен душ пытались вырваться наружу.

Сбежать, остаться свободной — чудо, о котором даже не мечтала ни одна из невест монарха, потому как в последние минуты своей свободной жизни, была одурманена.

— С вами все в порядке?..

— Да, — резко одернув руки, сказала я. — Все уже хорошо, просто показалось.

Некромант саркастически улыбнулся.

— Вам нужно идти... Госпожа Ликерия, ну же... — задрожали голоса за спиной.

Озираясь по сторонам, я продолжила идти к алтарю. Вот только «дорогие» гости больше не вызывали у меня восхищенных чувств, они, в буквальном смысле, нагружали меня сильными эмоциями и негативно действовали мне на нервы. Я оказалась одна среди незнакомых лиц, одна в огромном храме, и я чувствовала... дикий холод. Голоса покинули меня, а вместе с ними ушла и легкость. Красивая сказка дрогнула и растворилась, являя мне ужасающую реальность. И я, наконец, нашла объяснение мареву, которому поначалу не придавала значения.

Морок!

Не было волшебных цветов! Не было сакральных надписей, убаюканных нежным светом — вернее были, но только темные и таинственные рунические символы, вырезанные на базальтовых стенах. Небесный камень, что покрывал полы дворца — тоже был пустой картинкой, призванной скрыть черные плиты пола, рассеченные рубленными венами смолы. А дракон! Его кожа больше не ослепляла блеском драгоценных камней, ее покрывали ороговевшие чешуйки, очень плотно прилегающие друг к другу.

И если отринуть то, что доступно зрению, и обратиться к силе «иной», то выходила отнюдь не красочная картина: в древнем храме, который возвели гораздо раньше, чем

появилось Лариусское королевство, плотно сомкнув веки, спал огромных размеров дракон!

«Милостивые духи! Да если эта тварь проснется, от цвета нации, собравшегося на церемонию, останется лишь горстка пепла!» — я едва заметно улыбнулась своим мыслям.

Морок, одурманивание моего сознания — все это статьи, по которым можно посадить Шампуса за решетку или отправить его на латеритный рудник по статье «О ложной жизни» Высшего кодекса Лариусского королевства. Мне импонировали оба варианта. Я обвела взглядом утонченную публику, которая следила за мной с удвоенным вниманием, и хищно улыбнулась. «А вы все пойдете как соучастники». Мысль эта теплом легла мне на сердце. Вот только радовалась я недолго. Понадобится сотня, если не вся тысяча дознавателей, чтобы быстро принять всех этих аристократов. И самое главное, как доказать вину его темнейштва, когда все цветочные гирлянды заканчиваются высоко над головой и до них не достать? Нет, это не реально!

Я и не заметила, как очутилась возле Шампуса. От столь опасной близости с королем все внутри меня похолодело. Прислужницы расстегнули фибулу и отбросили плащ мне за спину.

Воздух над мраморной чашей, наполненной какой-то жидкостью, завибрировал, стгущаясь, и перед нами предстал призрак верховного жреца, он же хранитель «летающего Мориона». Его лицо скрывал глубокий капюшон, широкие рукава то сходились, то расходились рваными лентами, являя взору тонкие костлявые руки, а внизу прозрачного плаща зияла пустота, словно у жреца еще при жизни не было ног. Однако его конечности меня мало волновали, мои мысли занимал дракон. Когда сталкиваешься нос к носу с запредельным, трудно устоять. А если знаешь, что терять тебе нечего — устоять тем более невозможно.

Дракон — миф это или реальность, чья-то филигранная работа или живое спящее существо?

«Ну, не могут у настоящего дракона быть когти, облицованные металлом. А значит дракон всего лишь творение несомненного гения», — подумала я. Однако, чем больше я всматривалась, тем больше понимала, каждая его чешуйка уникальна, она словно имела свой неповторимый узор. Под шеей — маленькие плоские чешуйки-щитки, на лапах — длинные пластины с острыми краями-лезвиями, а на спине — серебристый ремень, увенчанный большими роговыми наростами, с красноречивыми следами борьбы не на жизнь, а на смерть. Каким бы гением не был мастер, а ни одной жизни не хватит, чтобы предусмотреть столько деталей.

Приветствовав нас, призрак выставил перед собой руки, и на согнутые локти легла уже открытая древняя рукопись. Я обвела свое ближайшее окружение ищущим взглядом.

«Перышко... Где же ты?»

И тут я увидела командора. Его взгляд, острый как лезвие меча вонзился в меня; рука, привычно лежащая на рукояти, болезненно сжалась. Какие бы душевные терзания он не испытывал при виде любимой дочери, разоблачать себя я не стану. Пусть мучается и дальше, гадая, кто стоит перед алтарем: его сокровище или «иная» с проклятым даром, — решила я, и даже стала отворачиваться, как вдруг... взгляд приковала оплетка на рукояти меча, каждый конец которой украшал шнур с шелковой кисточкой. Вот оно — шелковая нить!

— Отец! — воскликнула я, бросаясь к командору в объятия.

— Доченька!

Фу, как фальшиво! И куда делись до боли сжатые кулаки? Где надорванное горем сердце? Неужто, вы забыли свою роль? Я подняла взгляд. Немедленно уберите эту дурацкую улыбку! Чему вы так радуетесь, папенька? Ваша дочь на этом празднике жизни основное блюдо!

— Отец, мне грустно видеть, как вы страдаете! — воскликнула я, наступая папеньке на

ногу. Тяжелый намек прочувствовал и даже проникся, вот только...

— Доченька... — повторил командор не в силах сдержать облегчения и пошатнулся.

Папеньку заботливо придержала. И даже стерла слезы... радости с мужественного лица.

Я тут такой спектакль разыгрываю, а вы?.. Никчемный из вас актер, папенька. Никчемный!

— Мне пора, — обреченно прошептала я и незаметно выдернула нить из шелковой кисточки.

Поравнявшись с ноздрей дракона, я выпустила шелковую нить. И какого же было мое удивление, когда нить затянуло в ноздрю.

Дракон! Настоящий дракон! — мои брови взметнулись к самому своду. Я едва не захлопала в ладоши, словно маленькая девочка, которая увидела чудо всех чудес.

Тяжелый удар скипетра о каменный пол мгновенно вернул меня в реальность. Черная аура бросилась в лицо, и бледная как мел, я встала по левую руку от короля.

Жрец начал читать. Его голос — сильный, жгучий, уносился ввысь, призывая темные мистические силы вновь соединить судьбу бессмертного мага с судьбой смертной девы, сплести мужскую энергию и женскую, дабы стали они одним созвучным аккордом.

Не успела я подготовиться к долгой и утомительной церемонии, как голос жреца неожиданно стих. Я вперила взгляд на переносицу дракона, которая на короткое мгновение пошла волнами. Негромкий ропот за спиной дал понять, что мне это не привиделось. Шампус нахмурился. Хранитель поспешно возложил мне на плечи старческие руки и быстро сказал короткое напутствие уже на знакомом языке:

— Щедро одари супруга нектаром своей жизни.

Под тяжестью его рук, я отступила, встав на багрово-черную ткань плаща.

«Ну, хоть искренность чувств не просили засвидетельствовать», — с облегчением и некоторым удивлением подумала я.

— Прими щедрый дар супруги и испей чашу священного нектара до последней капли, — благословил Шампуса принять энергию, запертую в моем теле.

БегГар встал на плащ справа. Все внутри меня воспротивилось такому простому и на вид безобидному действию. Я понимала, что плащ в этом таинстве имеет особое значение. Все в этом таинстве имеет свое особое значение!

Жрец закатил рукав и серебряной пиалой зачерпнул из огромной мраморной чаши темную воду. Протянул мне и приказал.

— Пей.

Я сделала вид, что пригубила.

— До дна.

Я выпила и заела жутко горькую воду фиником, который подали мне на серебряном подносе.

Настала очередь Шампуса. Стоило ему поднести пиалу к губам, как вдруг дракон снова сморщил переносицу и, неожиданно резко вскинув голову, чихнул с такой мощью, что непомерно тяжелая чаша, подпрыгнув, опрокинулась, обрекая нас на верную смерть. Невидимой силой нас, словно горох, сдуло с плаща, при этом меня, как младенца, завернуло в него несколько раз. Наверное, со стороны это выглядело чертовски символично... Стреложенная по рукам и ногам, я закричала, когда каменный пол буквально вырос перед моим носом, но избежать фатального удара все же удалось. Командор, прекрасно понимая, что случится со мной, если я потеряю сознание и не удержу контроль над иллюзией, призвал на помощь воду. Я видела, как начинает свой стремительный бег черная вода, разъяренным зверем выпрыгивая из гранитной чаши и

обрушиваясь на каменный пол. В миг окутав мое тело, она обожгла холодом, но уберегла меня от болезненного удара.

А еще я видела жуткую тень, которая накрывала мое тело словно одеялом. Казалось еще мгновение и гранитная чаша станет моим надгробием, но этого не случилось. Неподъемная гранитная глыба, словно парусное судно на скалу, налетела на заклинание Шампуса и множеством уродливых осколков, обрушилась на зазевавшихся магов. Разрывающие душу вопли сплелись в неразрывную песнь боли. Вода схлынула так же внезапно, и, потеряв опору, я грохнулась. Локоть схватило нервной судорогой. Пытаясь освободиться, я барахталась в мокром и липком плаще, словно в паутине.

Все произошло стремительно. Дракон внезапно расправил огромные крылья, и тут же король бросил на него темную энергетическую сеть. И пока Шампус сдерживал зверя, жрец выстраивал новое заклятие, выкрикивая слова на древнем языке. Нефритовым светом зажглись свинцовые таблички, медленно и неохотно погружая сознание зверя в сон.

Желая меня поскорее высвободить, руки прислужниц неустанно кружили надо мной, после чего дышать, наконец, стало легче. Я попыталась подняться, а они — поскорее увести меня в безопасное место.

Неожиданно под нашими ногами каменные плиты стали проседать, вынуждая нас остаться.

Голова черно-красного змея проломила пол и огромными бездонными глазами, уставилась прямо на меня. Все мое тело напряглось, пальцы непроизвольно вонзились в амулет со смарагдом, упрятанный в корсете.

— Что теперь делать? — простучала зубами я.

Ответа не последовало.

Изогнув гибкое тело, змей мощным движением вырвал себя наружу, обрушив на наши головы осколки холодного камня.

Бежать, когда над тобой нависает такая громадина — полнейшая глупость, а потому меня совсем не удивило, когда прислужницы окружили меня в плотное кольцо и, вскинув руки, очертили в воздухе контуры пентаграмм четырех стихий. Змей напал, и тут же каменные цепи ударили со всего маха, впечатав его голову в одну из опорных колон. Колонна разрушилась, обдав нас облаком ядовитой пыли, небесные цветы остались висеть в воздухе без всякой опоры. Девушки обрушили на змея шквал заклятий, и, как результат, лишь разозлили гада.

Раскаленное облако каменной пыли жгло глаза, огнем горела поврежденная осколками кожа, тогда как тело бил озноб. Увидев, как меня и прислужниц накрывает черным энергетическим щитом, я испытала безграничное облегчение и счастье. Наконец-то, я в безопасности! Тут же мощный удар крыльев, заставил пыльное облако пойти волнами и расступиться, явив мне глаз змея, в который вонзились когти дракона. Всем своим весом вдавив голову гада в плиту, кожей ощущая каждую судорогу его тела, дракон выдавливал из него жизнь. Поглощенная зрелищем пылающих темнотой глаз дракона, я испуганно вздрогнула, когда у самого моего уха раздалось:

— Нас ждет разговор, — и Шампус развернул мою ладонь, на которой лежал амулет со смарагдом...

Глава 23

Ребенком, засыпая под мамины сказки о волшебных мирах и сильных духом героинях, я примеряла их судьбу на себя. Сон открывал невидимую дверь в мир желаний — здесь я могла все: маленькой феей пить нектар из душистого цветка, или парить над скалами на ручном огнедышащем драконе, в глазах которого отражался необъятный таинственный мир, или с хвостом из жемчужной чешуи исследовать тайны морского дна. К моим речам прислушивались, а красотой восхищались. Я могла выбраться из любой клетки, обмануть самого проникательного мага, подкупить самого честного и неподкупного. Здесь я была королевой своей жизни и я совершала такие поступки, которые меняли сказочный мир навсегда.

Но когда пелена сна рассеивалась и красивая сказка исчезала, тогда уже реальный мир продолжал неотступно менять меня. Каждое неосторожно сказанное слово, действие или бездействие, непременно приводили к печальным последствиям. Жизнь сводила меня с сильными и волевыми магами. Одни меня использовали, другие — пытались убить, а единственный маг, на которого я возложила свои надежды, сбежал, посчитав, что дни мои сочтены. Злой рок не победить, не стоит даже пытаться...

Какая несправедливая штука — жизнь! Ну почему одних она щедро одаривает властью, богатством и фейерверками наслаждения, тогда как над головой других заносит меч?!

«Не нравится? Можешь оборвать свою жизнь, и клинок у тебя имеется. С таким артефактом в груди и целая дюжина королевских некромантов не сможет тебя «поднять». Твоя душа уйдет в пустоту, а разум обретет покой, — не без доли ехидства сказал мой внутренний голос. — Разве не этого ты так хотела?!»

А как же надежда?

«Надежда пуста и бессмысленна. Чуда не произойдет. Ориан не ровня королю, тебе бы признать это, смириться и отпустить воина на все четыре. Он тебе не поможет, никто не поможет. Только ты можешь себя спасти...»

Но, что я могу? Я ведь ничего не умею?!

«Ты можешь солгать», — заметил внутренний голос.

Король не допустит лжи!..

«Просто будь собой», — задумчиво произнес голос минуту спустя.

Милостивые духи, как же мне страшно!

— Пресветлая Ликерия, зачем вы так с собой?! — встревожено воскликнула одна из прислужниц.

— Все уже позади, — успокоила вторая, нежно касаясь моей ладони, на которой отпечатались полумесяцы от ногтей.

— Позвольте помочь вам, — сказала третья, помогая мне выйти из мраморного бассейна, наполненного душистой розовой водой.

Девушки продолжили кружить над моим обнаженным телом, обтирая его и смазывая каждую ранку молочного цвета зельем, которое, высохнув, отлетало аккуратными перьями, оставляя под собой идеально ровную кожу.

Меня же телесная красота не волновала совсем. Очень скоро это тело ляжет в узкое пространство сколоченных досок, а может быть, оно сгниет в одной из темниц на слежавшейся подстилке, пропахшей мочой и плесенью. Вариантов множество, однако, это не тот случай, когда стоит выуживать на поверхность их все...

Лгать было опасно, но я не видела иного выхода.

Легкая как воздух рубашка и платье из белого шелка, просвечивающего на свету силуэт моего тела, завораживали своей красотой. Изящная вышивка и жемчуг богато украшали корсет. Высокий статус подчеркивала тиара с голубой алмазной каплей, окруженной

россыпью бриллиантов, и жемчужные серьги, которые лучились восхитительным перламутровым светом. Всё в образе Ликерии было прекрасным, за исключением глаз. Взгляд черных глаз казался столь же пустым, потухшим и потемневшим, как стусившийся дым. Взгляд жертвы.

«Неужели это конец?» — думала я, рассматривая отражение в зеркале. Куда делся огонь души, который в трудные моменты моей жизни заставлял меня бороться и побеждать? Что стало с желанием что-то делать, искать, ошибаться и снова пробовать. Нет, так не пойдет! Я просто обязана выиграть, назло всем проклятиям, которые однажды сорвались с чужих уст и, коснувшись моей души, пропитали ее страхом и сомнениями! Я вытравлю из себя этот яд, скину уродливую маску. С моим талантом менять лица, разве могу я столь легко согласиться с ролью жертвы? Роль на грани безумия — бесценный опыт, который сделает меня сильнее, позволит отомстить каждому, кто заставил меня страдать. Мечь — единственное средство, способное успокоить мое бедное сердце, дать ему искру, которая вернет желание жить.

О да, я непременно отомщу! Шампус, Валтор (если ему каким-то невероятным образом удалось выжить), и даже командор — они заплатят мне за все. Заплатят своей кровью!

Сверкнули опасным блеском слегка прищуренные глаза и, любуясь отражением в зеркале, я вскинула подбородок.

Уловив смену моего настроения, одна из прислужниц склонилась в поклоне и бархатистым голосом произнесла:

— Моя королева, вы словно дикая роза, такая прекрасная и такая...

Неожиданно для всех, я схватила фаянсовый караф с охлажденным вином и со всего маху запустила им в зеркало. Взорвавшись кровавыми осколками, чужое отражение осыпалось к моим ногам. Девушки тут же склонили головы, боясь и дальше восторгаться неземной красотой своей королевы.

Пора бы уже понять, я больше не под действием чар, и ваша лесть мне безразлична...

Небо налилось свинцовой тяжестью. Уставшее солнце катилось к линии горизонта. Медленно тонули в тумане очертания горного хребта, растворялись, исчезая в непроглядном тягучем мареве, суровые воды реки. Незримо напознала тьма, голодным зверем слизывая с уснувшей земли последние лучики света. Укутавшись в безразличие, словно в невидимую шаль, я поднялась на самый верх башни и застыла, перешагнув порог темной комнаты.

— Подойди, — голос холодный, резкий.

Бросив взгляд на скипетр, лежащий на одной из полок с бесценной коллекцией артефактов, я глубоко вздохнула, и послушно пересекла темную комнату.

«Ненавижу ничем не ограниченную высоту!» — думала я, выходя на смотровую площадку без каких-либо ограждений, где сложив на груди руки, стоял БегГар Шампус. Огненный свет выхватывал из темноты его лицо, мужественное и благородное. Морщины, которые пролегли между его бровей, говорили о проблеме, которая всерьез занимала короля. Шампус, как и я, был не на шутку озадачен случившимся. Вот только я не обладала таким жизненным опытом, как Шампус, да и совсем не знала Змеерогого, однако я совершенно ясно понимала, что столь неожиданное появление его рептилии не случайность...

Стремясь разобраться с проблемой, которая стала для него настоящим вызовом, Шампус следил за тушей черно-красного змея, захватившей едва ли не все пространство внутреннего двора. Превозмогая страх, я приблизилась к краю и посмотрела вниз. Магические пульсары освещали усталые измотанные напряжением лица мужчин, которые не первый час бились над тушей. С трудом отделив голову от тела, они объединили свои усилия, чтобы перевернуть гада кверху брюхом, где шкура лучше поддается стальному лезвию. Решено было вспороть брюхо, потому как целиком снять кожу с такой громадины не представлялось возможным.

Кровь, сверкающая огненными бликами сталь, крики мужчин и голодное урчание

пульсаров не располагали к беседе, однако мне было необходимо дать понять, что я не имею никакого отношения к рептилии, и знать не знаю, из какой бездны выполз этот полосатый гад:

— Его размеры поражают, — и предусмотрительно добавила: — никогда таких огромных не видела.

— Будут другие и будут новые жертвы. Нападение таких тварей всегда заканчивается жертвами.

Шампус повернул голову, и я всем телом почувствовала невыносимую тяжесть его взгляда.

— Амулет... Откуда он у тебя?

— Айла, прощаясь, оставила его мне, — постаралась сказать спокойно.

— Она все же дала клятву... Но что тебя связывает с ее клятвой?

— Я не понимаю, о чем вы. Я не знаю, зачем змей приполз в храм, не знаю, зачем сорвал церемонию, не знаю, зачем хотел меня убить...

— Если бы он хотел тебя убить, то сделал бы это. Нет, Змеерогий хочет единолично владеть богатством. Вот только... будь метка на монахине, его змей последовал бы за ней... — Шампус посмотрел на меня так, как смотрят на редкий минерал, которому в умелых руках суждено стать реликтовым артефактом.

— Ты!? На тебе его метка! Избавиться от нее можно лишь одним способом — исполнив клятву. Значит условие еще не выполнено... Или выполнено, но приз слишком ценен, чтобы его отпустить...

Я посмотрела на обезглавленную рептилию и поняла — мне конец!

— Спрошу только один раз, что за клятва?

— Я не давала...

Закончить я не успела. Не успела я и понять, как Шампус рывком привлек меня к своей груди, и лишь его крепкие объятия удерживали меня от ужасного падения с высоты.

Когда стоишь у самого края пропасти, спиной вжимаясь в стальное тело короля, все чувства обостряются, ветер холодит лицо, тогда как кровь закипает в венах. Мысли как пустой лист, все, на что они способны — воспринимать пейзаж, залитый черными тонами, под пульс, который набатом бьет в голову одно единственное слово: «доигралась...»

Доигралась.

Смотреть вниз на мертвое змеиное тело и гуляющие по нему огненные тени не было сил, и я запрокинула голову, положив ее на плечо Шампуса так, словно мы влюбленные. Уж лучше смотреть на небо, где соединились в неразличимое целое тяжелые облака, являя взору свинцовое кружево, напоминающее застывшее буйство волн. Нечто абсолютное, цельное, притягивающее взгляд своей бесконечной глубиной.

— От смерти тебя отделяют мои руки. Солжешь мне снова, и я отпущу.

Казалось, улететь во тьму и дело с концом, но нет, я отчетливо понимала, что этого не случится. Шампус не даст мне упасть, не позволит, и тому была своя причина, которую я не преминула озвучить, глядя в бесконечную красоту ночного неба:

— Если бы вы обнимали свою женщину, я бы поверила вашим словам. Но вы держите в руках вещь, дарующую вам долголетие. Ее вы не отпустите. Никогда.

— Никогда! — вдруг повторил он, и горячим дыханием обожгло мою шею. Дернулись серьги, и я остро ощутила тяжесть жемчужных нитей, сплетенных между собой в изящный узор. Шампус перехватил мою талию одной рукой, второй провел по щеке и, едва коснувшись уголка моих губ, скользнул по чувственной линии шеи, облитой

огненным светом пульсаров. Казалось, монарх сам наслаждается прикосновениями, которые заставляют мое тело слабеть, отдавая ему свою жизненную силу. И не будь Шампус столь опасен для меня, я бы не стала терпеть эту пытку, но страх был такой силы, что вглядываясь в небесную даль, я могла лишь посылать тысячу проклятий всевидящим и думать, какого демона...

— Не боишься высоты?

— Змей я боюсь больше, — выдохнула, спиной вжимаясь в каменное тело Шампуса. Наверное, это признание было лишним, но когда захлебываешься от обостренных чувств, подпитанных отвратительной слабостью и мужской нежностью, так легко оступиться и сделать какую-нибудь глупость. Шампус провел рукой по воздуху, накрывая наши фигуры куполом, который полностью отрезал нас от внешнего мира — он не только избавил от ужасающего зрелища под ногами, но и стер волшебную красоту неба, к которой был прикован мой взгляд, а также погрузил нас в тишину. И в этой таинственной тишине, я слышала, как сливаются между собой два дыхания.

— А голос чужой... Самое время открыть мне правду...

От этих слов сердце рухнуло в пятки.

— Если я открою ее вам, вы меня убьете.

— Сбежать и зажить прежней жизнью, как ты понимаешь, тоже не выйдет.

Я буквально кожей ощутила его улыбку. Знаю, что не выйдет, но это не значит, что я не стану пытаться... Да и не нашлось мне места в этом мире, может, найдется в другом, и стану я прахом, укрытым теплым покрывалом южной земли... но перед тем как уйти, я обязательно плюну на вашу, мой дорогой супруг, могилу.

— Сколько сладостной энергии, — прикосновение его губ к обнаженному плечу было невероятно нежным; стиснув зубы, я наблюдала, как черные языки его ауры, лаская, скользят по шелку моей кожи, и во мне поднималось чувство отвращения и беспомощности.

— Если еда сладкая, значит, вредная. Может, не стоит переждать на ночь? — сыронизировала я, понимая, что короля будет трудно остановить, и нужно срочно что-то придумать, чтобы избежать нашей близости. 554 гроба, 554 девушки, которые, как и я, не хотели делить ложе с монархом, но ни одной из них не удалось избежать зловещего рока. Чем я лучше?

Обмороки, истерики, попытки соблазнения и суицида, признания в любви и ненависти, разбитый антиквариат, пульсары и проклятия — уверена, за столько лет монарх прошел через все это. И, милостивые духи, насколько должно быть выжжено его сердце!

Так чем я лучше?

Твердой рукой обнимая мою талию, он ослабил шнуровку корсета. Легкий шелк соскользнул с плеча, обнажая нежную кожу груди, которую тут же накрыла ладонь Шампуса. Позвоночник прошибло током. Внутренний протест, ощущение незащитности и все нарастающего отчаяния действовали на мое самообладание словно яд, впрыснутый в вену. Меня мучило от настойчивых прикосновений, от соединения наших энергий. Нет. Я не чувствовала боли, ощущения были такие, словно все мои энергетические центры бессознательно подключились к черной дыре и, кремировав инстинкт самосохранения, принялись транспортировать ей свою жизненную силу. Шампусу, чтобы «выпивать» живое существо даже не нужен был физический контакт, его аура уже сама по себе была проводником, а все эти прикосновения дыханием, поцелуи, движения пальцев по моей коже имели цель доставить себе удовольствие. Но самое ужасное было в том, что моя грудь, словно билась в экстазе, то опускалась, то поднимаясь под теплой мужской ладонью.

Мне катастрофически не хватало воздуха, дыхание становилось жадным, поверхностным, сердце колотилось в груди все быстрее, негативные ощущения лишь усиливались.

Прикосновения к груди становились все откровеннее. Надежда вырвать свое тело из его

объятий становилась все эфемернее.

«К черту все! Признаюсь и дело с концом», — решила я.

— Я не Ликерия, — вырвалось у меня из груди.

— Хорошо, — спокойно произнес Шампус, словно и так уже это понял.

— И что дальше?.. — и, не дожидаясь ответа: — Вам ее не догнать! Ликерия скрылась от вас...

— Никому не под силу скрыться от дракона, — убирая короткие прядки и целуя мочку моего уха, продолжил он упиваться моей жизненной энергией.

— Сайрос? — заикнулась я и осторожно отстранилась, желая не разозлить при этом монарха.

— Убью на месте, как и твоего защитника.

— А со мной? Что вы сделаете со мной? Меня вы тоже... убьете?

— Это было бы слишком просто.

Я зажмурилась, понимая, что слезами не вымолить пощады. Шампус не сжалился над моими предшественницами. Не сжалится и надо мной. Милостивые духи, это будет самая длинная и самая черная ночь в моей жизни.

Сильные руки стали настойчиво разворачивать меня, нога соскользнула и я, не раздумывая, бросила свое тело навстречу Шампусу, обхватывая его шею руками. Прикосновение его губ к моим губам было жестким, требовательным, подавляющим. Это был тот поцелуй, который, растекаясь во рту безнадежной горечью, выжигал изнутри все живое.

— Я не Лица, — повторила шепотом я.

— Я знаю...

БегГар накрыл пальцем мои слегка припухшие от поцелуя губы, красноречивее слов давая понять, что время на разговоры вышло. Взгляд его стальных глаз вновь скользнул по зовущему изгибу моей шеи, и словно поддавшись наваждению, ведомый какой-то магической силой, он припал к ней губами. В замершей тишине по нежному шелку кожи кружились его губы, словно в свободном танце. Его черная энергия наполняла меня, прошивала ауру, сковывала сердце, туманила зрение. Его объятия становились все крепче, наши тела все ближе, при этом мертвая петля на моей шее затягивалась все туже. Я чувствовала себя глупой рыбой, которая только и может, что открывать рот в попытке вдохнуть как можно больше воздуха. Не выдержав, я попыталась вырваться, но лишь еще больше разожгла огонь его страсти. Тогда наплевав на здравый смысл, я выкрикнула в темноту:

— Я «иная».

Милостивые духи, как же просто в такие моменты признаваться в своем изъяде! Однако никакой реакции не последовало, и жадно схватив воздух, я с пеленой безумства во взгляде и отчаянием в голосе затараторила:

— Дитя с проклятым даром, бездушная тварь, место которой на костре, зло, которое уничтожит ваш мир и превратит все живое в пепел...

— Была бы ты «иной» и невинной я бы подумал, а так... не зли меня.

Слезы покатались по щекам против моей воли, и я тихо выдавила в темноту:

— Невинна.

Шампус резко вскинул голову. Неожиданно он схватил меня за плечи, прижал спиной к каменной кладке и самым бесцеремонным образом обнажил мои бедра. Застигнутая врасплох я не проронила ни слова, когда он провел ладонью по внутренней стороне

моего бедра, и вздрогнула от неожиданности, когда его пальцы проникли туда, куда я сама себя не касалась.

Шампус отступил, прожигая меня странным взглядом.

Охваченная ужасом, я упала на колени и закрыла глаза, пытаюсь хоть немного успокоить свое сердце. И вроде ничего страшного не случилось, но я почувствовала себя рыбой, выброшенной после шторма на берег. Опустошение и непроходимая тревога сжимали мне горло, и над всем этим нависла какая-то странная эфемерная тень наслаждения.

Шампус вдруг разразился громким смехом.

— Посвященные Совета уже давно стерли всех «иных» с лица земли. Жестокий геноцид, затянувшийся на века, лишь бы избежать связи темных с подручными верхнего всепроникающего мира, и вот он итог! Жемчужина всепроникающего мира в моих руках!..

Шампус подхватил меня на руки и, ступив в темноту комнаты, бережно опустил в кресло.

— Будь ты «иной», это многое бы объяснило: слетевшие заклятия, скорый отъезд монахини, Змеерогий и его гады, просьба командора отбыть, не дожидаясь ночи и... столь манящий запах твоего тела, — вдруг Шампус замолчал. Он подлетел к столу, резким движением руки скинул на пол все писчие принадлежности и книги с кропотливо выведенными символами так, словно они ничего для него не значили. Закусив губу, я замотала головой, мысленно рисуя жуткие сцены надругательства над моим телом. И так увлеклась, что пропустила его слова мимо ушей.

Теплые ладони сжали мои пылающие щеки, и словно трехлетнему ребенку Шампус пояснил: — Я должен удостовериться в твоём родстве с «иными».

Шампус отступил, указывая мне на стол, который снова был завален, но уже невероятным количеством магических артефактов и уникальных амулетов.

— Выбери амулет, наполненный эфиром.

— Если я сделаю правильный выбор — вы отпустите меня? — спросила дрожащим голосом.

— Ты не в том положении, чтобы ставить мне условия.

Охваченная страхом я поняла, что не возразить, не сдвинуться с места я не могу. Также я поняла, что не могу больше держать образ Ликерии, да и не было в этом смысла, и я скинула иллюзию, показав королю свое истинное лицо.

Шампус подвел меня к столу. Оперевшись на массивную столешницу, я перестроилась на иное зрение. Я осмотрела коллекцию, которая согреет душу и заставит выплясывать от счастья даже самых суровых коллекционеров, не понимая, что должна найти. Я видела эфир в большей или меньшей степени везде: в каждом металле, в каждом минерале — он, как неотъемлемая составляющая неживой материи, был цветом восхода в солнечных камнях; был откровением, рожденным в глубинах земли, добытым и отлитым в металле; был волшебством, перед которым бессильна даже сама смерть. И как тут сделать выбор?

Шампус терпеливо ждал, стоя за спиной и поглядывая через мое плечо, при этом его руки покоились на моей талии.

Я не спешила.

Уже через несколько минут в глазах зарыбило, и я растерялась, однако и признаться, что это задание «мне не по зубам», я не могла, а потому упрямо продолжала водить глазами, пытаюсь выцепить хоть что-нибудь?

Я не смогла сдержать облегченного вздоха, когда король убрал свои руки, и тут же вытянулась струной, когда он принялся медленно расшнуровывать оставшуюся все еще стянутой нижнюю часть корсета, все больше приоткрывая мою грудь. Мне без слов дали

понять, что мое время не безгранично и прямо пропорционально терпению Шампуса?

— Не спеши, — прозвучало как просьба.

Ох, черт, умеет он мотивировать!

Так, спокойно. Вдох... Выдох...

Эмоции в одну сторону, амулеты в другую.

И как однажды сказала Ликерия: «Не можешь увидеть, почувствуй!»

Я закрыла глаза и, отрешившись от происходящего, наугад взяла амулет. И тут же почувствовала, что выбрала верное направление.

Хрупкий, как старая кость камень, перетянутый четкими линиями, рассказал мне, что за гранью жизни за мной наблюдают миллионы пустых глазниц, миллионы челюстей шипят и скалятся от дерзкого прикосновения. Земля, некромантия, эфир — подытожила я, осторожно вернув камень на стол.

Следующая реликвия напоминала кольцо-медальон, в котором эфир соединил в единое целое пламенную страсть, боль и безумие. Огонь, черная магия и эфир.

В третьем артефакте по пленительному аромату и нежной как волна энергии, я легко распознала магию воды, тонко сплетенную эфиром со своим верным союзником — магией воздуха. А еще я почувствовала, что стала свободно дышать, и щеки залил предательски алый румянец. Под ладонями, что легли на мои груди и легко их массировали, соблазнительно стонала ткань рубашки, рисуя стройные округлые складки, которые мучительно нежно скользили по коже. Этот совместный «танец» пальцев и ткани рождал внизу живота непонятное и доселе неизвестное мне тянущее чувство. Я приоткрыла глаза, три амулета с одной стороны — гора с другой... Такими темпами я не управлюсь и до утра. Я закрыла глаза и продолжила:

Земля, огонь, эфир.

Свет, эфир.

Черная магия, вода и эфир. Эфир, эфир, всюду эфир...

Я хватала амулет, и едва уловив поток чужеродной мне магии, тут же откладывала его в сторону. Я настолько включилась в процесс, мысленно подгоняя, подхлестывая себя, что не заметила, как Шампус совсем лишил меня одежды. Очнувшись, когда его пальцы замерли меж моих бедер. Я с шумом втянула воздух и попросила не отвлекать меня, а лучше вообще отойти в сторону и не мешать, на что Шампус лишь усмехнулся. Мне не осталось ничего, как позволить его рукам исследовать мое тело, а губам наслаждаться его свежестью и чувственным напряжением. Его пальцы были стихийным бедствием, поцелуи — признанием в страсти и желании. Мое тело отзывалось дрожью, пуская в мозг тревожные сигналы, на которые я не могла не реагировать, кровь закипала, растворяя в котле сильных эмоций остатки самообладания.

— Может пора закончить испытание и признать себя побежденной?.. — ехидно, но ласково предложил Шампус.

Где-то на границе сознания я поняла, что осталось всего два амулета. Что за странное испытание? И почему так хочется прижаться к королю и, наконец, сполна ощутить его желание? Балансируя на грани реальности и сумрачной яви, я запрокинула голову, чувствуя, как по позвоночнику скатывается волна наслаждения. Милостивые духи... амулет выпал из моих вмиг ослабевших рук.

Остался последний.

В плотно сомкнутых крыльях серебряной птицы едва угадывался хрустальный сосуд с золотым песком. На фоне возбуждения я не сразу поняла, что это...

— Чистый эфир! — выкрикнула я, вырываясь из его объятий.

— Я выбираю этот! — возликовала я, победно вскидывая руку, и тут же улыбка сошла с моего лица. В сознании вспыхнула картина моего ночного путешествия в запретное крыло, к разрушенному временем полотнищу, на котором неизвестный мастер изобразил нагую деву в объятиях черного дракона. Вспомнила я и артефакт, что серебряной птицей свернулся на нежной девичьей ладони. Вот только... мастер заключил серебряную птицу в белоснежное облако света, не оставив сомнений в том, что Мулоус обладала магией света.

Я прижала руку к груди и внимательно прислушалась к амулету, пытаюсь распознать свет в бесконечном эфире.

— Ничего лишнего, ни тени чужеродной магии, чистый, ничем не замутненный эфир, — прошептала я, полагая, что непостижимую силу эфира мастер изобразил на полотнище на свой лад. Правильно, откуда магу, ни разу в жизни не видящему эфир, знать, как он выглядит?! Вот только... неужели этот артефакт и вправду принадлежал дочери первого короля Дела эль Корсака и возлюбленной Шампуса? Милостивые духи...

— Одно твое слово и я...

— Нет. Мы не будем продолжать, — отрезала я, подбирая мятое платье с пола. — И да, артефакт я оставляю себе, в память о сегодняшней ночи.

— Хранители первичного знания, возглавляющие Совет Судеб, не должны узнать кто ты. Никто не должен, иначе тебя уничтожат...

— Не надо! — вскинулась я. — Не продолжайте, я все поняла.

Облачившись в платье, я сделала глубокий вдох и изменила свою внешность, после чего уже в образе Ликерии покинула покои монарха.

А ночь оказалась не такой уж и черной, и оставила неизгладимый след в моей памяти...

Глава 24

— С чем пожаловала? — не поднимая головы, спросил Валтор.

Сидя за столом в своей каморке, он составлял приговор на смертную казнь. Скопив глаза на ровные ряды перевернутых букв, Мелитина прочитала: «За преступление, совершенное против короля подвергнуть Сайроса Севере древней казни». Валтор обмакнул кончик пера в чернильницу и ниже вывел: «Приговоренного повесить за ребро, выставив тело на всеобщее обозрение». Еще один приговор лежал на краю стола. Не отрывая напряженного взгляда от бумаги, на которой «горело» имя «Орион», Мелитина нервно сжала серебряный поднос.

— Что у тебя? — спросил Валтор, недовольный затянувшейся паузой.

— Б-белый чай с фруктами и травами, — пролепетала Мелитина, мыслями возвращаясь к ленточке, которую ночами расшивала золотисто-зелеными нитями, и которую так и не решилась вплести в гриву серого жеребца. Каждый раз, будучи в конюшне, она, забыв обо всем на свете, неотрывно глядя в огромные глаза коня, подходила все ближе и ближе. Щебет птиц, беззаботно снующих между балками под потолком, спокойный взгляд серого, его красиво изогнутая в терпеливом ожидании шея и густая грива, по которой рассыпался белоснежный волос — все словно говорило ей: «это твой шанс. Не упусти его». И рука во внутреннем кармане форменного платья уже поглаживала голубую ленточку с гладким узором, но стоило взгляду упасть на соломенную стель, поверх которой покоилось примятое копытами разноцветье лент, пальцы замирали, на глаза наворачивались слезы, и она снова спешила покинуть это место. А конь вытягивал шею и качал головой, провожая ее разочарованным взглядом.

Орион... за все время он так и не посмотрел в ее сторону. Его взгляд был направлен в сторону монахини, и от этого сердце бедной прислужницы переполнялось печалью...

— Я не пью чай, и тебе должно быть это известно.

— Известно, — выдавила Мели, стараясь не смотреть на лишенную всякой растительности голову и стараясь не вдыхать застоявшийся теплый запах, с оттенком горелой плоти, — вот только послушница Айла очень любила этот сорт чая, а сегодня... пресветлая Ликерия велела подавать ей по утрам этот напиток.

Повисла напряженная тишина, лишь свечка в плошке трещала и извивалась, проливая свет на имя приговоренного к смерти Ориана.

— Так не стой истуканом и отнеси чай пресветлой. Тебе был отдан четкий приказ. Исполни.

— Простите, — подавив желание попятиться, Мели опустила глаза и виновато склонила голову.

Перо угрожающе медленно опустилось на документ, смертельно бледные пальцы, точно змеи, переплелись между собой, и безжизненный голос произнес:

— Зачем ты здесь?

С опаской взглянув на королевского секретаря, Мели переступила с ноги на ногу и осторожно призналась:

— Я... пришла сказать, что госпожа Ликерия в последние дни резко изменилась. И мне в голову закралась совсем уж сумасшедшая мысль, что под маской пресветлой скрывается другой человек.

— Мелитина, — вдруг прорычал Валтор, отчего Мели подпрыгнула на месте; забарабанил по серебряному подносу фарфор, рассыпая сладости, — думаешь, я оставлю эту нелепую шутку безнаказанной? Я жду объяснений и если я сочту их недостаточными, собственноручно высеку тебя розгами. И поднос поставь, в ушах звенит.

Охнув, Мели прытко избавилась от подноса и тут же сложила на груди руки пытаясь

скрыть свою нервозность.

— Госпожа Ликерия любила конные прогулки, упражнялась с мечом и часто тренировалась в магии. Пресветлая все время проводит в саду за книгой. Лишь однажды она зашла в конюшню покормить лошадей сахаром...

— Не убедительно.

— П...простите, — нервно выдохнула Мели и тут же попыталась исправить свое положение. — Мы все заметили, что сильная телом госпожа Ликерия, была общительна и добра душой, а пресветлая... нет в ней ни здоровья, ни силы, да и взгляд у нее холодный, как камень. Я не раз ловила этот взгляд у послушницы Айлы, когда уходила она в свои мысли.

— Ты смеешься надо мной?! — Валтор поднялся со своего места.

— Пощадите, — Мели кинулась в ноги секретарю и срывающимся голосом произнесла: — Это еще не все. Не все! Змеи. В какой-то момент дворец заполонило множество змей, которых словно магнитом тянуло к послушнице Айле. Желая уберечь монахиню от несчастья, король даровал ей амулет.

— Мне это известно. Дальше.

— Есть свидетели, которые подтвердят, что видели амулет со смарагдом на указательном пальце монахини, отбывающей из дворца вместе с дознавателем и магом света Орианом, — на последних словах голос Мели дрогнул. Подавив желание опустить руку в карман и сжать дорожную ленточку, она склонилась еще ниже и дрожащим голосом продолжила: — Амулет со смарагдом, увезенный послушницей Айлой, каким-то невероятным образом оказался в руках у госпожи Ликерии на церемонии сочтения. Более того вчера утром прислужница Олим видела под балконом пресветлой умерщвленную змею. На ней еще теплится след от магии амулета.

— След от магии амулета?! — заинтересованно повторил Валтор.

Зловещая тишина повисла в камерке, казалось, даже пламя свечи вытянулось и застыло в своей совершенной форме. Валтор опустил руку на голову прислужницы и, неожиданно схватив ту за волосы, заставил смотреть себе в глаза:

— Так ты полагаешь, что место Ликерии Ригхест заняла... монахиня?

— Я не могу сказать наверняка. Я не знаю, — всхлипнула Мелитина.

— А кто знает?

— Мы все заметили перемены... и мы полагаем, что ключом ко всему является морок.

— Забавная вещь, этот морок. Мы можем видеть его, но не можем ощущать. Морок способен принимать любую заданную ему форму и органично встраиваться в общую картину, будучи напрочь лишеным физического выражения. Это энергия, которая лежит вне пределов материального мира, а потому не подвержена давлению его сил. Однако у всего есть свои слабые стороны. И единственный враг морока?

— Время.

Валтор медленно кивнул.

— Но... мы обыскали все: королевские покои, сад, конюшни. Мы даже в кузнице искали. Амулета, который смог бы столь долгое время поддерживать образ пресветлой, нет. А без доказательств мои слова...

— ...словно пустые семена.

— П-пощадите... — большие глаза Мели заволокло слезами. — Я столько времени прислуживала послушнице Айле и готова сказать наверняка, это она... она украла жизнь пресветлой! Но я не знала, как мне быть, и подумала, что должна рассказать.

— Успокойся, — сказал Валтор, отпуская, — ты поступила правильно. Невозможно найти

то, чего нет!

Заплаканные глаза Мели непонимающе воззрились на Валтора, тот одобрительно похлопал ее по голове, словно поблагодарил пса за хорошую службу.

— Мелитина, тебе повезло. Однако... я должен знать все, и мне интересны любые, даже незначительные детали. Будь умницей, и тебе это зачтется...

Утро началось с приказов. Прислужниц я отправила к пострадавшим, изувеченные тела которых прогнули койки королевской лечебницы — и девушки не мельтешат перед глазами, и все думают, будто бы мне не все равно, а Мелитину отправила готовить чай. Стоило ей уйти, как я тут же про нее забыла. За последние несколько дней на меня столько всего навалилось, что было о чем подумать.

Я подошла к окну и приподняла гардину, как вдруг черная туча, словно ждавшая моего появления, разорвалась яркой молнией и заплакала дождем. Крупные капли ударились в окно, пытаясь дотянуться до меня. Темной птицей пронеслось перед глазами воспоминание: стертые временем ступени, и тревожно скользящая по ним тень — моя тень. Этой ночью, покидая обитель Шампуса, я хотела сбежать из королевства навсегда. Моя душа рвалась на свободу, но тело, щедро напитав своей энергией Шампуса, странно немело, и скованная страхом не справится даже с винтовой лестницей, я опустилась на ступени, и тихонько застонав, уронила отяжелевшую голову в колени. Так и сидела, вперив взгляд в замершую на ступенях тень, пока в мое сознание, наполненное иссушающей пустотой, не ворвались схваченные беспокойством голоса прислужниц.

Грянул гром, развеивая воспоминание.

«Может и к лучшему, что не сбежала», — подумала я, прислушиваясь к стуку дождя по окну.

«Стояла бы сейчас под ледяным дождем, посреди укрытого туманом хребта, проклятая небом и неоднократно людьми», — утешила себя я, но судя по нервным невыразительным глазам Ликерии, ее застланным белизной щекам и плотно сжатым губам, отраженным в окне, получилось не очень. Я заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла натянутой и неживой. В черных глазах застыл немой вопрос: «что дальше?»

Непослушные пальцы коснулись холодного стекла.

«Может, обойдется? — наивно предположила я. — Океан-то большой, и отыскать в нем крошечное судно с тремя беглецами та еще задача»...

Перед взором возник ректорский кабинет академии «Плавающая гора» с «живой» картой города Табел и прилегающей к нему территорией, настолько детальной, что можно было разглядеть маломерные суда, пришвартованные в порту и плавающие вблизи берегов. Если такая карта использовалась в старинной академии, которая даже не в состоянии обеспечить своих адептов одинаковыми мантиями, что уж говорить про королевскую обитель?! «Живая» карта, ничтожно малое, из-за сложных отношений с Себрийской империей, количество судов, предназначенных для дальних океанских походов, а также дракон, способный преодолевать огромное водное пространство, дают Шампусу все возможности для успеха.

— Вот, черт... Мне, что, снова придется их спасать? А кто позаботится обо мне? Меня даже мое тело не слушается, какие могут быть подвиги?..

— ...в такую-то погоду, — ворчала я, плотнее кутаясь в плащ без рукавов. Живот жалобно заурчал, робко напоминая о себе.

— ...еще и на голодный желудок, — захныкала я, совсем падая духом...

Преодолев последние ступени, я поняла, что отступать поздно. Да уж, из этой авантюры выйдет целая история, надеюсь все же со счастливым концом...

Я стерла со своего лица раздражение и усталость, словно неправильный набросок и, заменив их на маску кроткого смирения, тихо позвала:

— Ваше темнейшество, можно?

Ответом мне была тишина. Несколько осмелев, я приоткрыла незапертую дверь и просунула в образовавшийся проем голову:

— Ваше темнейшество, где вы?

Ступив в холодный полумрак убранной комнаты, я вышла на открытую площадку, где перед глазами, накрытый вуалью дождя, дремал целый мир.

— Ну и что прикажешь мне делать? Что делать? — одними губами прошептала я, сжимая мокрый плащ. Я отказывалась верить в то, что верный своему слову король уже оседлал чешуйчатого монстра и, направив его в узкий просвет между свинцовых туч, умчался на поиски виновных, дабы по мирским законам ответили они за грехи свои. «Лика, Сайрос, Ориан — никому из них уже не скрыться от правосудия. И я ничем не могу им помочь, и как бы сильно мне этого не хотелось, я не могу изменить их внешность, не имея с ними зрительного контакта.

За спиной послышался тихий звон серебряной посуды. Я обернулась. Припадая на одну ногу, Валтор дэ Глии подошел ко мне. Живой и целехонький, чтоб его...

— Скверная погода.

«Скверная погода, скверное утро в еще более скверной компании», — согласилась я, холодным вниманием встречая нежеланного гостя.

— Вы следили за мной? — спросила я, смахивая с лица мокрые волосы.

Валтор протянул мне серебряный кубок в форме распускающегося тюльпана, с каким-то белесым напитком.

— Вино из белой ловелы. Не стоит удивляться. За его внешней простотой кроется многоликий... — секретарь намеренно подчеркнул последнее слово, — вкус экзотических цветов, имбиря и белого перца. Попробуй.

— Отец разрешал мне пить вино только на празднествах, — холодно отказалась я, всем своим существом ощущая, что не стоит вязываться в словесную перепалку с королевским секретарем. Однако я не только осталась, а пошла наперекор здравому смыслу и попыталась извлечь пользу из нашего разговора: — Я ищу монарха? Где он?

— В ближайшее время он не сможет уделить тебе свое время, — сообщил Валтор, чем только подтвердил мои опасения.

— У меня к нему важный разговор, — сказала я, всматриваясь в линию горизонта, которую осветила полыхнувшая молния и тут же размыл усиливающийся дождь. Раскатистый удар грома прокатился по мутным, придавленным к земле облакам.

— Пришел мой черед задавать вопросы, — резко сказал Валтор и, схватив меня за локоть, заставил смотреть в свои лишенные человеческого блеска глаза.

— Убери руки и сбавь тон, ты разговариваешь с королевой! — властно потребовала я.

— Твой особый статус подразумевает лишь телесную связь с монархом. Он не наделяет тебя неприкосновенностью. Не заблуждайся.

Вдруг яркая молния осветила уголки его искривленного в змеиной улыбке рта. Он подался вперед, и касаясь меня своим дыханием, сказал:

— Ваша легенда безупречна и ты отменно сыграла свою роль. Вот только, я за версту чую ложь, а ты насковзь пропитана ею. Я разгадал тебя и недолог тот миг, когда я сотру эту обаятельную улыбку с твоего лица. И как представитель верховной власти Совета Судеб, я позабочусь о том, чтобы всякое преступление, совершенное против короля, было передано в ведение Совета, — сказал Валтор жутким голосом.

Сохранять лицо после его ледящего душу признания, оказалось крайне сложным, если не сказать невозможным, и я приняла единственно верное решение.

— Мне нет интереса слушать весь этот бред. Пусти, — сказала я. И отчаянно желая скинуть его мертвые пальцы, и, наконец, стереть это мерзкое ощущение холода со своей кожи, я не сдержалась и дернула рукой. Неловко накинув капюшон на голову, я обогнула фигуру секретаря и не прощаясь направилась к выходу, как вдруг:

— Ты очень находчивая девушка, но очень самонадеянная. Думаешь, можешь рассчитывать на покровительство монарха? Тебе не протиснуться в его сердце. Эта дверь наглухо замурована, — полетело мне в спину.

«А ты думаешь, что тот единственный, кто способен сломить железную волю Совета, все еще стоит по другую от меня сторону? Этой ночью король назвал меня жемчужиной всепроникающего мира? Звучало дико даже для меня. Однако Шампус, выпустив на волю свои эмоции, вложил глубокий смысл в эти слова! Он, сам того не ведая, приоткрыл мне свое слабое место, он напоил мою душу надеждой, подарил мне крылья, а уж я позабочусь о том, чтобы они принесли меня к свободе.

Уголки моих губ дрогнули. Я обернулась, делая шаг навстречу.

— Можешь сколь угодно пугать меня, Валтор дэ Глии! Но я не боюсь тебя. И знаешь почему? Я не говорила ничего дурного против короля и не совершала предосудительных поступков против суверена. Я невиновна! — выдохнула я со спокойной душой, нерушимой уверенностью во взгляде и подкупающей свободой в голосе.

— Так докажи мне это, — взгляд мертвых глаз впился в мою душу, давил и угнетал, провоцируя меня на неверный шаг.

Нет, я не поддамся на эту уловку. Я буду держать свои эмоции при себе и не стану оправдываться — ты ведь именно этого ждешь?!

— Хочешь, чтобы я доказывала тебе свою невинность?.. — задумчиво протянула я. — Значит, у тебя нет доказательств моей вины. Значит, тебе только кажется, что я говорю неправду!? Ты одержим призраком! И к моему несчастью, считаешь, что этот призрак как-то связан со мной. Ни словом, ни делом я не дала тебе повода подозревать меня, но ты уверился в мысли, что должен избавиться от меня, отдав на суд Совета. Но что ты скажешь хранителям первичного знания? Что пресек угрозу жизни суверена? Но все что мне нужно — лишь три минуты его вечного времени!»

— Разговор с монархом так важен для тебя?

— Важен.

— Я дам тебе то, чего ты так хочешь.

— Ничего не попросив взамен? — недоверчиво прищурилась я.

— Амулет со смарагдом, который тебе якобы передала монахиня. Я знаю, ты не расстанешься с ним, но я не вижу его излучения. И хочу знать, как тебе удается скрывать его магический фон? Нет. Я хочу видеть, как ты это делаешь!

Я не спешила давать свое согласие, молча обдумывая его предложение. Опасно заключать договор с посвященным Совета Судеб. Опасно. Но что мне остается?.. Отступить? Но тогда беглецам не избежать смертного приговора. И не важно, заслуживают ли Сайрос, Лика и Ориан смерти, важно то, что я стала для них «случайностью», которая изменила их жизнь. Моя сила «иной» восхитила Ориана; Ликерия открылась мне и рассказала о проклятии, не одно поколение преследующем ее род; а Сайрос, прощаясь, молча склонил передо мной свою голову. Они знали, что я «иная», однако никто и из них не считал меня великим злом, а таких людей в моей жизни по пальцам пересчитать.

Понимая, что не могу предать их доверия, но вполне могу обмануть ожидания Валтора, я подняла голову и, глядя ему в глаза, хладнокровно солгала:

— Я открою тебе правду... но не ранее, чем ты исполнишь свою часть уговора. Мне нужен незамедлительный разговор с королем! — и даже ножкой притопнула, для убедительности.

— Хорошо, — подозрительно спокойно согласился Валтор.

— Наедине!

— Разумеется.

— Хотя бы несколько минут.

— Я дам тебе это время... в избытке, — мертвым голосом сообщил Валтор, закрывая своей мощной фигурой путь к отступлению.

Оцепенев, я стояла на краю площадки. В душу закралось нехорошее предчувствие, тогда как тело пробрал озноб. Секунды вдруг стали очень длинными, и я увидела, как поднялась рука Валтора и со всей решимостью толкнула меня в грудь, вынуждая сделать страшный шаг назад. Взмахнув руками, с гримасой отвращения, которое испытала к Валтору в последние мгновения своей жизни, я, сверкнув пастельно-зеленого цвета туфельками где-то на уровне его мертвых глаз, провалилась в пустоту.

Тяжелые тучи, столкнувшись между собой, разразились гортанными раскатами грома, который заглушал дикий дымящийся пеной шум воды. В черную землю вонзились слепящие стрелы молний, и дождь захлестал со всей силы, омывая летящее вниз тело потоками ледяной воды.

И прежде чем все закончилось, неизвестная мне сила сдавила грудь, и все вокруг заволокло густым черным туманом.

Глава 25

Тьма, опустив меня в объятия Шампуса, рассеялась. Сердце билось часто и гулко. Ресницы дрожали от холодного встречного ветра. Мы летели! Летели под хмурым небом, над разгневанными бурей волнами.

Твердые руки Шампуса на моей талии успокаивали, и в этот момент я поняла, что не хочу, чтобы он отпускал меня.

«Мне больше не страшно», — поняла я, глядя на черную броню дракона, что приобрела мистический оттенок неба. Неповторимый узор шрамов и пробитое крыло свидетельствовали о множестве горячих битв с равными по силе соперниками. Для каждого из них он стал проводником в мир забвения и тьмы. Совершенное творение богов! Плоть, кровь и тьма, послушная воле монарха. Набравшись смелости, я подалась вперед и опустила ладони на загривок дракона. Легкое возбуждение пробежало по моим венам от ощущения тугих мышц, перекачивающихся под холодной и твердой как сталь шкурой. Его ровное сильное дыхание несло уверенность, а взгляд, направленный к линии горизонта, тревожил мою душу ароматом свободы.

— Я не позволю тебе умереть. Привыкай к новой жизни, — ворвались в мое сознание слова Шампуса.

— Умереть... — тихо повторила я и тут же воскликнула: — Вы несете меня напрямик в объятия смерти!

— Как это понимать?

Тут, как назло, на линии горизонта появилось крошечное, словно блоха на шкуре огромного зверя, судно. С каждым взмахом мощных крыльев оно ширилось и обрастало деталями. В скором времени я уже смогла различить удлинённый корпус трехмачтового судна, идущего под королевским флагом.

Медлить было нельзя. Отринув все страхи и сомнения, я «повторила» клятву, которую однажды произнесла в храме Змеерогого. И пусть голос мой звучал тихо, я была уверена, Шампус не упустит ни слова:

— Я призываю в свидетели вездесущего Аспида и по своей воле произношу данную клятву. Я последую за Ликерией Ригхест и в назначенное время вместо нее предстану перед алтарем, соединяющим судьбы. Союз этот будет заключен с истинным магом тьмы БегГаром Шампусом...

— Смело, — усмехнулся Шампус.

— Это была только первая часть.

— Что еще глупая монахиня пообещала в храме Змеерогого?

— Пообещала сделать все от нее зависящее, чтобы король не заподозрил подмены, и не уничтожил своим гневом жизнь Ликерии, — солгала я. — Лика должна была покинуть лариусские земли... раз и навсегда.

— Ну и что заставило тебя совершить столь безрассудный поступок?

Я приказала себе молчать, не время и не место разъяснять королю подробности моего злополучного появления в храме Змеерогого.

Судно неумолимо приближалось. Экипаж корабля вместе с немногочисленными пассажирами высыпал на палубу. Задрав головы, они с удивлением и беспокойством на лицах следили за живой легендой, черным призраком скользящей по небу. Неожиданно дракон распластал сильные крылья и, награждая меня неприятными ощущениями, начал плавно терять высоту. Сомнений не осталось, Сайрос и Лика на корабле!

— Я понимаю, что не имею права просить вас о милости...

— Хорошо, потому что это не входит в мои планы.

Дракон упрямо скользил вниз. Вода в океане темнела на глазах, крепкий ветер бил в лицо. Брючный костюм, промокший до ниточки холодом обжигал мое тело. Вдруг я в опасном маневре перекинула ноги. Усевшись на шею дракона будто в дамское седло, я мертвой хваткой вцепилась в рубашку Шампуса, и впилась в него черными слезящимися (от ветра) глазами.

«Читай! Читай по глазам, если слова для тебя ничего не значат! Как только ты погубишь Ликерию — мне конец!»

— Ты обрушилась на меня своей ложью и просишь поверить тебе?!

— Мне ведь только восемнадцать, — одними губами прошептала я. — Я не хочу возвращаться в храм к девятипалому призраку. Я жить хочу... без железных игл в позвоночнике.

— Титановых.

— Что?

— Иглы титановые.

— Для меня нет разницы. И те, и другие убьют меня...

Волны кидались на судно, оббивая крепкое дерево. Мы подлетели настолько близко, что можно было разглядеть медный узор сигнальных фонарей, установленных на верхних ряях. Вдруг дракон распахнул пасть, и я буквально кожей ощутила, как вибрирует его тело, собирая жидкий огонь на кончике языка. Шампус одним ударом намеревался отправить судно на дно. «Это конец!» — с ужасом поняла я, глядя как «живые мертвецы» сбиваются в кучки и в последней молитве взывают к своим богам. Не желая становиться свидетелем такого количества смертей, я стала отворачиваться, как вдруг заметила Сайроса, закрывшего своим телом Ликерию. Он, как и я, понимал, что считанные секунды остались до того мгновения, как их имена будут вписаны в книгу мертвых...

Смерть Сайроса я еще могла принять, а вот за Лику было чертовски обидно! Она не просто умрет — она утонет!

— Нет... — взмолилась я, и как рассветный луч солнца касается тьмы, несмело коснулась губ Шампуса.

— Забудь про Ликерию. Позволь ей сбежать, — дыхание очертило слова, которые тут же растворились в шуме волн.

— Если я нужна тебе, вернемся во дворец... — крик души сорвался с моих уст и застыл ускользящей нежностью на мужских губах.

Все закончилось, едва успев начаться. Струя раскаленного пламени прошла темно-синюю волну; та с грохотом ударилась в борт корабля и, обдав экипаж обжигающе горячими брызгами, рухнула и раздалась шипящей пеной. На короткий миг мне показалось, что усиленная броня корпуса не выдержит столь мощного удара, но, хвала духам, все обошлось. Судно не пошло ко дну и не стало менять курс, а это значило лишь одно...

«Это мой дар тебе, Лика. Дар новой жизни. Надеюсь, ты сможешь очистить свой род от проклятия... — пожелала я, бросая прощальный взгляд на корабль. — Жаль, я этого уже не узнаю».

Только сейчас, когда опасность миновала и мы, наконец, взяли курс на материк, я почувствовала невероятное давление на грудь, руки и ноги медленно немели, глаза слипались. Все, что мне сейчас хотелось, это уснуть и не проснуться.

— Не спи!

— Я не могу.

— Открой глаза.

— Не хочу.

— Тебе нельзя отключаться.

— Погибну?

— Погибнешь, — подтвердил Шампус. И был прав. С ним не было посоха, способного заблокировать негативное воздействие его ауры. Его крепкие объятия были клеткой, медленно убивающей мое тело.

— И пусть... — прозвучало уже совсем невнятно.

Мне было так хорошо — порывы встречного ветра больше не ощущались, холод, которым щедро напитал мое тело промокший до нитки костюм, отступил. Иллюзия Ликерии Ригхест подернулась и исчезла. Я словно таяла в объятиях Шампуса. Как жаль, что состояние покоя продлилось всего несколько секунд. От неожиданного удара по щеке мой мозг словно взорвался. В то же мгновение меня окатило ледяной водой. Мое тело прошибло холодом, все внутри сжалось в тугий узел. Я судорожно схватила воздух, и широко распахнула глаза.

Король внимательно смотрел на меня.

— Белая, как стена. Почему не используешь свои способности?

— Да я бы с радостью, вот только иллюзией сыт не будешь, — мой желудок, казалось, высох, а язык прилип к небу.

Шампус хорошенько меня встряхнул — то ли мой ответ ему не понравился, то ли истощенная его близостью, я опять начала проваливаться в темноту.

— Тебе нужен эфир. Он восстановит твои силы и снимет мое воздействие.

— И как мне его взять? — вяло и безучастно поинтересовалась я.

— Закрой глаза и сосредоточься на эфире. Позволь эфиру напитать твоё тело. Он — твоё лекарство. Твоя жизнь.

Перестроившись на иное зрение, я словно вошла в иной мир; мир, наполненный трепетной тишиной и волшебным светом. Свет переливался, обещая согреть, и я потянулась к нему, словно мотылек. Я вдыхала его, как вдыхают букет сладких роз, я принимала его нежную ласку, закутываясь в нее, словно в шаль. И не было конца этой шали, такой легкой и светлой, как призрачная мечта...

Встречали нас всем двором. Даже посвященные Совета, удобно устроившись на террасе и укрывшись от непогоды под непроницаемым куполом, то и дело бросали короткие взгляды на закатное небо, ожидая нашего появления.

Преодолев немалое расстояние, дракон несколько раз вскинул голову, выражая свое нежелание возвращаться в древний храм, но был вынужден подчиниться несметной силе монарха. Очертив над дворцом круг, он стал плавно терять высоту, а я, накинув на себя личину Ликерии, вынуждена была «потерять» сознание — столь долгое пребывание в объятиях черного мага не могло не сказаться на моем здоровье. Шампус отнес меня в покои, где придворный лекарь принялся отпаивать меня целебными настоями, от которых сводило зубы и (как любил говаривать наш сосед из безымянной деревеньки) «выпадывали» глаза.

— Отдыхай и набирайся сил, — в голосе Шампуса слышалась забота, но стоило увидеть его лицо, этот смеющийся взгляд стальных глаз, и я уже не могла сдержать улыбку. Я сидела в теплой кровати, с горящими румянцем щеками и всколоченными волосами. В голове кружились веселые и беззаботные мысли. Тянуло танцевать, напевая под нос детскую незамысловатую песенку. Наверное, впервые в жизни я не справилась со своей ролью, ролью «медленно угасающей, а потому вечно угрюмой супруги», но хвала небесам, ни лекарь, ни прислужницы, утомленные слишком долгим днем, ничего не заметили.

«Интересно, смогла бы я стать счастливой рядом с ним?» — вдруг озадачилась я, глядя

на короля.

«Ха! Да между вами интеллектуальная пропасть!» — заржал внутренний голос, и я сразу сникла...

«Уже дважды мне удавалось прикоснуться к безграничному источнику всеильной энергии. И никто ничего не заподозрил. Мне здорово везет! Вот только везение — штука переменчивая... Необыкновенная легкость на душе и простор фантазии едва не сыграли со мной злую шутку, и если бы не Шампус, ополовинивший мой резерв, страшно подумать, что было бы сейчас со мной?!» — лежа в кровати размышляла я, вспоминая вчерашний вечер.

Хорошо бы разобраться, как устроен этот эфир, и научиться брать ровно столько, сколько мне нужно. В противном случае «врата в мир бесконечной любви и радости» могут обернуться для меня «вратами в мир скорби»...

Вдруг мои мысли были прерваны открывающейся дверью; я мигом притворилась спящей.

— Госпожа Ликерия, — осторожно разбудила меня Мелитина. Склонившись в поклоне, она тихо продолжила:

— Госпожа, секретарь его величества приказал проводить вас к нему...

«В гробу я видела вашего секретаря», — подумала я, с головой ныряя под одеяло.

— Передай секретарю, что не ранее, чем после обеда я буду ждать его в саду... у хрустального фонтана, — ответила сонным голосом.

Мели ушла. А я всерьез задумалась, что Мелитину связывает с Валтором... Она уже не казалась мне наивной и простой. Ее мягкие закругленные формы, податливый, немного простодушный взгляд и соблазнительные ямочки на щеках почему-то больше меня не умиляли.

Стоило Мели уйти, как я откинула одеяло и соскочила с кровати. С утра у меня была запланирована конюшня. Правда, перед этим всех несогласных пришлось вновь отослать ухаживать за ранеными.

Вывалив мешочек с сахаром первому попавшемуся на глаза жеребцу, я внимательно осмотрелась, и никого не обнаружив, толкнула металлическую решетку пустующего стойла. Склонилась перед кормушкой, и обшарила ее дно на предмет клинка, который любезно оставил мне воин света, чтобы я могла одним движением руки оборвать свою жизнь. Но не клинок мне был нужен, а материя, в которую он был завернут. Она обладала редкой способностью гасить любое излучение, делая его невидимым магическому взору. Обнажив клинок, в котором пылала сама тьма, захватив и спаяв воедино все четыре стихии, я скрыла его за голенищем сапога. Далее мне предстояла очень тонкая и очень сложная работа — было необходимо на время скрыть излучение клинка своей аурой... Материю я встряхнула — нервный, не требующий необходимости жест, — и завернула в нее перстень со смарагдом. Губы дрогнули в ухмылке: «Валтор дэ Глии, ты хотел знать, как мне удастся скрывать магический фон амулета? Я покажу тебе как...»

Секретарь ждал меня у фонтана, заложив руки за спину. На фоне густого ковра так полюбоившихся мне полиантовых роз, его длинное мощное тело, облаченное в неизменно белую тогу, особенно выделялось.

Я медленно приближалась. От волнения дрожали коленки, и я никак не могла унять эту дрожь. Было невероятно страшно даже смотреть в его мертвые, давно утратившие человеческий блеск глаза.

— Ты опоздала, — безучастным голосом сказал Валтор, открывая круглую крышечку часов.

— Не было желания торопиться.

— Мне нет дела до твоих желаний. Что с амулетом? Он с тобой?

— Со мной.

— Показывай.

Без лишних слов я запустила в карман бархатного жакета руку, достала декорированный текстиль и осторожно развела его края в стороны, обнажив перстень со смарагдом. В изумрудных гранях минерала тут же отразилось беспросветно серое небо.

Взгляд Валтора буквально впился в материю, он не верил своим глазам.

— Ты получил ответ на свой вопрос. Смею надеяться, ты больше не будешь донимать меня своими подозрениями.

Я упрятала перстень в карман, развернулась и, любуясь ветвистыми кустиками, прогулочным шагом пошла по узкой каменной дорожке. Махровые лепестки желтого бутона пленили мой взгляд, и грациозно присев, я протянула к нему руку. Желая вдохнуть его аромат, я сорвала бутон и поднесла его к губам, предварительно оборвав сломанный моим неосторожным прикосновением глянцевый листочек.

— Шутить изволишь?! — раздался голос за спиной.

Испуганно вскрикнув, я уколола палец шипом и уронила розу.

— Что ты? Нет! Я бы не посмела! Мне страшно даже думать об этом, ведь моя жизнь итак под угрозой! — ответила я, округлив глаза.

Вдруг Валтор сделал широкий шаг вперед и, схватив меня за руку, вынудил смотреть прямо в его нечеловеческие глаза. Не желая подчиняться, и уж тем более терпеть прикосновение его посеревшей плоти, я дернулась. Алая капля крови, прочертив кривую дорожку, сорвалась с указательного пальца и коснулась земли.

— Что за шум?

Появление короля застало меня врасплох.

Валтор тут же отпустил меня и с невозмутимым выражением лица склонился в поклоне.

Палец стал пульсировать и внезапно, мне в голову закралась сумасшедшая идея. Валтор дэ Глии, пришло время платить по счетам. Моя месть станет для тебя страшнее смерти! Будучи вовлечен во множество дел, ты, должно быть, забыл, как сорвал с меня монашеское одеяние, выставив мое тело на обозрение воинов, и как столкнул меня с башни. А вот я не забыла. Не забыла унижение и ту обжигающую боль от татуировок. И жуткое падение с высоты. Я ничего не забыла! Воодушевленная своими мыслями, я уже видела железные цепи, приковавшие мерзкое тело Валтора к серым стенам подземелья.

Стоило решиться, и страх исчез. Месть уже была в моей крови и прочно укоренилась в моем сознании.

— Ваше темнейшество! — вдруг воскликнула я, и упала в спасительные объятия Шампуса. — Он угрожал мне. Грозил передать меня посвященным Совета. Он знает, кто я. Он все знает! Защитите меня, прошу вас!

— Пошел против королевской воли?..

— Я не...

— Ты забыл, кому служишь?

Встретив испытующий взгляд короля, Валтор нахмурился.

Шампус медлил и почему-то не спешил избавляться от своего секретаря. В голове рисовалась картина: каморка, наполненная полумраком, одинокая свеча, сдвинутая на край стола, а в центре вываленные неровной кучей мои внутренности. И над этим «кровавым натюрмортом» склоняется бритая голова Валтора. Нет! Я плотнее вжалась в тело Шампуса и едва слышно призналась:

— У него моя кровь...

Я понимала, что кровь — это особая субстанция и в жизни магов она играет главенствующую роль, ведь именно она однажды помогла Легу выследить меня. Солгав сейчас, я обозначила намерения секретаря относительно моей персоны, дала понять, что он несет прямую угрозу моей жизни, и отступать не намерен. Вопрос — кому служит Валтор — больше не стоял.

Он встал на сторону Совета и ослушался королевской воли — эту измену Шампус ему уже не простит.

— Поверишь девчонке?

Я раскрыла ладонь, показывая Шампусу каплю крови, застывшую на указательном пальце и замерла, устремив на монарха выжидательно-тревожный взгляд.

— Я не могу рисковать ее жизнью, и ты это знаешь.

Мрачная улыбка застыла на лице Валтора.

— Мое восхищение, — были его последние слова, обращенные ко мне. В следующее мгновение он уже стоял на коленях, скованный черной магией.

«Прощай, Валтор дэ Глии», — мысленно попрощалась я.

Одной бедой меньше.

Глава 26

Приютом ему стали: оглушительный грохот воды, тяжелый гнилостный запах и крошечная тьма, скрывающая уродливые трещины стен с ядовитой плесенью. Токсичные споры, попав в легкие, прорастали внутри организма. Мучительная смерть являлась всего лишь вопросом времени.

Валтор зашелся давящим кашлем. Без горячей крови его тело слабело. Выбеленная тога покрылась темными пятнами. Белоснежный ворот пропитался потом и грязью. Запрокинув голову с закрытыми глазами, он сидел, прислонившись спиной к шершавой стене. Не в первый раз эта камера «служила ему приютом». Он знал, что это не конечная цель его пути, а потому берег силы. Он провел в заточении немногим меньше недели. И если будет воля монарха, просидит еще столько же...

В крошечной тьме послышалось эхо шагов.

Вскоре на каменном полу появились сапоги.

— Я чуть было тебе не поверил, — сказал Валтор, поднимая глаза на монарха, стоящего по ту сторону решетки.

Какое-то время Шампус оставался неподвижным, вслушиваясь в нездоровое дыхание секретаря. Он взял со стены ключ и вставил его в замочную скважину, открыл решетку нараспашку и, слегка пригнувшись, вошел внутрь.

— Какого рожна? — в стенах подземелья, где не было места даже надежде, голос Шампуса казался чрезмерно громким. И Валтор не сдержал улыбки. — Не в первый раз мы прибегаем к этой уловке, усыпляя бдительность врагов.

— Она ни разу тебе не враг.

— Ты прав. Она непробудный источник чистой свободной энергии...

— Начисто лишенный совести и сострадания, — не забыл вставить секретарь.

Шампус усмехнулся. В привычном жесте откинув полы своего кафтана, он уселся рядом и протянул секретарю сосуд с еще горячей кровью.

— А она молодец, не упустила момент. Не растерялась и отстояла свою жизнь...

В ослабшей руке сосуд казался неподъемным. Он поднес его к губам, но так и не притронулся к горлышку. Бросив беглый взгляд на короля, он продолжил:

— Ей ведь не хватило самой малость. Знай она о запрете, которым связал меня твой некромант, когда возвращал к жизни, остереглась бы вбивать между нами клин.

В самом начале своего пути в качестве лазара, он считал этот запрет ненавистным ошейником, который сдерживает его, не позволяя идти против воли монарха. Сейчас это уже не беспокоило его. Запрет стал частью его жизни, такой же естественной, как и мертвое тело.

— За запрет! — Валтор криво улыбнулся, и неуклюже отсалютовал монарху, с упоением сделал несколько жадных глотков. Он втянул носом воздух, физически ощущая, как разливается по телу целебная жидкость. Его дыхание стало выравниваться, а руки вновь обрели силу.

— Кто бы мог подумать... «иная» во дворце. Шелестит юбками прямо под носом у хранителей первичного знания, возглавляющих Совет Судеб, а они ни сном, ни духом, — кривая улыбка сошла с лица Валтора, и он смерил монарха пристальным взглядом. — Что ты намерен с ней делать?

— Влюбить в себя.

— Это не логично. Если только она не... Невинна?!

Опешив от своего предположения, Валтор, запнулся:

— Я задам тебе один вопрос?

— Раз уж без этого не обойтись...

— Ты же не планируешь за ней ухаживать?

— «Привой к скелету».

— Ты прав... Прав! Безжалостный Глен Морин и его уникальное, стирающее границы сознания заклинание. Очень. Очень интересно. От силы месяца три и она будет бесконечно и безнадежно в тебя влюблена. «Иная», которая устойчива к темной магии, станет для тебя совершенной женой.

— Чтобы заклинание сработало, нужно ввести девушку в состояние глубокого потрясения, — напомнил Шампус.

Еще совсем недавно у него была такая возможность. Посреди широко пространства воды, «иная» свалилась на шею его дракона, дезориентированная порталом и потрясенная случившимся. Лучшего момента активировать заклинание было не найти, но, занятый мыслями о невесте, сбежавшей с проклятым дознавателем, он его упустил. А когда опомнился — «иная» уже гладила дракона, с интересом разглядывая его шкуру.

Валтор смотрел на короля так, словно читал его мысли.

— Девушки ее возраста впечатлительны, и плохо переносят смерть. Особенно, если это смерть близкого человека.

— Предлагаешь убить Ликерию?

— Девчонка жива?

— Жива. И вместе с дознавателем пребывает в изоляторе города Табел.

— Я думал, ты пустил ко дну корабль со всем его экипажем.

— Корабли из маренного дуба строятся десятки лет и обходятся мне в целое состояние.

Валтор понимающе кивнул. Эти корабли предназначались для длительных переходов. Их крепкий корпус выдерживал удар пушечного ядра, а высокий борт, заваленный внутрь, делал крайне сложным захват судна абордажем. Пускать ко дну такую жемчужину из-за непомерной алчности капитана и его людей было кощунством.

— И все же корабль пошел ко дну.

— Дело рук дознавателя?

— Уже в порт судно вошло в густом облаке дыма, из которого торчали одни лишь мачты. Сайрос многих положил, прежде чем его сняли с корабля и вместе с Ликерией доставили в изолятор города Табел.

— Воин света?

— Все еще ищем.

Оба задумались о своем. Сидели, вслушиваясь в звуки извне, пока Валтор не озвучил очевидное:

— Мы не можем казнить Ликерию, не раскрыв всей правды. Нечто среднее между истиной и ложью Совет не примет. Да и в глазах народа она стала Пресветлой.

— Я думал над этим.

Он действительно не мог казнить Ликерию, но тому была своя причина. Он изначально подверг сомнению слова «иной», хоть и понимал, что клятва Змеерогому имела место быть. И она прочной нитью связала судьбы девушек. «Иная» ясно дала понять, что гнев монарха не должен коснуться Ликерии, дочь командора должна покинуть лариусские земли раз и навсегда, в противном случае «иная» станет заложницей Змеерогого. Он

рисковал, возвращая Ликерию в королевство. В тот момент он даже поймал себя на мысли, что впервые за долгое время усомнился в правильности принятого им решения — ведь если клятва будет нарушена, «иная» окажется во власти Змеерогого. В этом случае что-либо изменить, представлялось мало возможным. Конфликт со Змеерогим могла закончить лишь смерть. Сражаться с подземным гадом в полную силу — да от королевства не останется камня на камне! И какой бы исход не сулила ему эта битва, он уже в проигравших, ведь он предаёт мир, с которым связан на века, отдавая его во власть хаоса и разрухи. И ради кого? Ради женщины, которая вызвала у него интерес? Нет. Он определенно не стал бы вызволять «иную». Но и дарить ее Змеерогому он не собирался. А потому, сохранить жизнь Ликерии было необходимостью... Во всяком случае, пока не определит границы лжи «иной».

— Ликерия проживет долгую жизнь... в изоляторе. Ей обеспечат хорошее питание и прогулки на свежем воздухе. Дважды на неделе позволят тренироваться в магии. Лучший лекарь будет следить за ее здоровьем и лично отчитываться мне.

— Можно казнить Сайроса. Повесить за ребро на глазах у «иной»...

— Нет!

Реакция Шампуса несколько озадачила секретаря; он старался понять, какие чувства вызывает у монарха подрочная верхнего всепроникающего мира.

Шампус устало потер переносицу и нехотя пояснил:

— Сайроса казнят непременно, но вдали от двора и его ушей.

Шампус на мгновение задумался, вспоминая свой полет на драконе. Когда капитан корабля получил первое и единственное «предупреждение» от монарха, ему ничего не оставалось, как взять курс на ближайший порт, где их уже ждал организованный отряд вооруженных до зубов магов. При сильном ветре, корабль двигался медленно, и когда пошел на маневр, «иная» в объятиях Шампуса обессилила настолько, что стала терять сознание. Это сыграло на руку монарху. Ему было необходимо избавить «иную» от тяжелых эмоциональных переживаний за Ликерию. Узнай «иная», что жизнь подруги все еще в опасности, постаралась бы всеми правдами и неправдами подарить ей спасение. Страшно представить, на какие бы уловки она пошла, и невозможно просчитать, чем бы все это закончилось...

— «Иная» верит в спасение Ликерии и Сайроса. И должна оставаться в блаженном неведении, чтобы ей даже в голову не пришло вызволять ребят из беды. Мне хватает проблем и без нее... Что касается тебя... Мне жаль огорчать тебя, Валтор, но каморку придется оставить. Хотя бы на время...

— Предлагаешь мне стать декоративным элементом?

— Нет. Ты так и останешься решать текущие дела. В скором времени состоится публичная казнь капитана и его семьи. Казнят и его команду. Во всяком случае, тех, кто выжил после пожара. Это хороший повод заняться воспитанием народа. Мне необходимо, чтобы страх перед законом вновь возымел силу. Также необходимо выбрать достойного и поставить его на должность командора.

Плавный кивок Валтора дал понять, что распоряжение короля услышано.

— Еще будут указания?

— Не указание. Запрет! Отныне я запрещаю тебе прямо или косвенно влиять на жизнь «иной»!

Это был уже второй запрет, которым за все время службы Шампус связал секретаря. Валтор понимал необходимость этой меры. Для короля было важным сохранить в тайне пребывание во дворце «иной».

Шампус протянул секретарю амулет.

Валтор некоторое время вертел его в руках:

— Морок может дать мне новую внешность, но не ауру, — негромко сказал секретарь, цепляя вещицу, обладающую установленной внешностью на шею. — Эта безделушка обманет разве что дремов. Чтобы провести магов, необходимо носить амулет, скрывающий ауру.

Второй амулет так же лег в ладонь секретаря.

Глава 27

— Так мало данных... — тихо произнесла я, глядя в первый учетный регистр всех судебных процессов над «иными». Беглого взгляда хватило, чтобы изучить записи об «иных», умерших не своей смертью, сделанные со времен объединения лариусских земель. Все листы, как один, делились на три графы: в первой вместо имени значилось «иной»/«иная». Во второй было выведено: «Приговорен(а) к смертной казни», рядом стояли номер приговора, дата и место казни. В третьей графе пестрела надпись: «Сожжен(а) заживо». Нет никаких имен, неизвестно какими способностями они обладали. Все чем они отличались — это порядковый номер и дата смерти.

Последняя запись пришлась на светлый и добрый праздник Солнечной короны. Не желая вспоминать свой восемнадцатый день рождения, я захлопнула кодекс и поднесла ладони к пылающим щекам.

— Что с вами? Вам плохо? — забеспокоился древний дух-книгохранитель.

— И это все? У вас огромная библиотека со множеством рукописей, в которых нет никакой информации про «иных»?

— Этот кодекс — единственный источник достоверной информации, — сказал древний, осторожно вынимая у меня из рук листы, сброшюрованные в дощечки обтянутые кожей.

«Единственный источник информации?!» — от этих слов меня перекосило. Я подскочила и, не сдержавшись, ударила ладонями по столу, где мгновением ранее лежал регистр.

Древний, который имел достаточно энергии для того, чтобы удерживать материальные предметы, сделал вид, что не заметил моего эмоционального всплеска.

— Этого мало. Мне нужны самые древние фолианты.

— Эти уникальные манускрипты написаны на древнейшем языке, мало кто из ныне живущих способен их прочесть. Еще меньше — понять написанное.

— Легенды?.. Мифы?.. Или рассказы очевидцев?..

Не обращая на меня внимания, древний водил руками над зависшем в воздухе ученым регистром. От его пальцев тянулись потоки спиральной энергии. Они закручивались вокруг регистра, белели и уплотнялись, образуя защитный кокон. Неожиданно кокон лопнул, как пузырь на воде и исчез, оставив после себя легкое ощущение холода.

— Научные исследования? — не унималась я.

— Нет. Ничего нет.

— Ай... Неужели совсем никакой информации про «иных»? Их преследуют и сжигают, подобно отверженным! Должна же быть причина этой жестокости! Почему так происходит?

— Может потому, что, и те, и другие являются контрафактными посылками из бездны.

— Что? Как можно сравнивать отверженных с «иными»? Повелительница Мрака пришла в этот мир из низшей сферы вселенной, «иные» — жемчужины верхнего всепроникающего мира!

— Я сказала то, что хотела сказать. А вот что услышала пресветлая?..

Древний пожал плечами, повернулся ко мне спиной и исчез, оставив меня за пустым столом и в полном одиночестве.

«По всей видимости, у меня, как и прежде, нет доступа к этой информации», — подумала я и, упав в кресло, запрокинула голову и закрыла лицо ладонями. Перед глазами хороводили коричневатые надписи: «Сожжена заживо», «Сожжен заживо» ... Обдумать слова призрака мешали эмоции. Количество смертей выбивало из колеи.

— Тогда мне нужна вся информация про отверженных, — тихо сказала я, зная, что меня

все равно услышат. — И про Легов тоже.

И уже через мгновение стол ломился от книг. Но стоило открыть первую под названием «Непридуманные истории», как в глазах помутилось, и я почувствовала себя нехорошо. Темная аура, горящая мистическим пламенем, окружила меня и опустилась на мое плечо мужской ладонью.

— На всех важных мероприятиях тебе полагается находиться при мне. Идем.

— Отверженные. Кто они?

— Пешки, которые не имеют особой силы. Тебе не зачем волноваться и тратить свое время на такие пустяки, — низким, повелительным голосом ответил Шампус.

В самом деле, этим «заграничным гостям» так и не представилось случая посетить наш маленький мирок, а все благодаря Шампусу. Понимая, что не могу противиться воли монарха, я поднялась и приняла его руку. Шампус направился к выходу, увлекая меня за собой.

— Я слышала, это бывшие маги, которые в виду жизненных обстоятельств согласились пройти инициацию, но (в отличие от Легов) потерпели большую неудачу. Это так?

— Это зверолюди. Темная частица низшего мира выжгла в них все человеческое, превратив в животных. Их кровь отравлена, а разум поработчен повелительницей Мрака. Почему они вдруг заинтересовали тебя?

— Отверженные несут людям смерть и страдания. За это их сжигают на костре. Но ведь «иные» свободны и не несут вреда людям. Однако их так же сжигают на костре. Не отрицайте! Я своими глазами видела учетный регистр судебных процессов над «иными». Но я не могу понять... Почему? Почему это происходило и происходит сейчас? Потому что мы «не похожи» на вас, магов? Или потому что кто-то придумал легенду про ворона, в которую все жители королевства вдруг свято поверили?

— Хочешь познать неведанное? — усмехнулся Шампус, и чуть склонил голову в мою сторону. — Даже посвященные Совета не до конца понимают, что происходит с энергией эфира и темной энергией, когда они начинают взаимопереходить друг в друга. Но они отлично осведомлены о последствиях этого слияния. К н и г о е д . н е т

Конечно, Шампус владел информацией, недоступной «простым смертным», и даже готов был поделиться своими знаниями. Вопрос встал за мной. Я чуть было не крикнула «Да! Хочу! Хочу знать все и даже больше!» Удержало меня только понимание того, что этой эмоциональной репликой я покажу, насколько я заинтересована тайной «иных». Я обнажу свою слабость, которая сделает меня уязвимой. Зная тонкости человеческой природы и силу моего интереса к этой теме, он с легкостью сможет управлять моими мыслями.

«Чем ты готова пожертвовать, чтобы узнать правду?» — высокопарно произнес мой внутренний голос, и я скривила губы в ухмылке. Нет, я не позволю собой манипулировать!

— Но ведь ваши отношения с дочерью первого короля лариусских земель Мулоус, не были тайной, — вкрадчиво начала я, внимательно наблюдая за реакцией Шампуса.

Беседа, которая начиналась безобидно, теперь грозила наделать мне беды, но я хотела закончить свою мысль, даже понимая, что придется затронуть прошлое Шампуса.

— Вы любили друг друга, — понизив голос, продолжила я. — А значит и слияние ваших энергий имело место быть. Значит, вы будете рассказывать, опираясь на собственный опыт. Но ведь ваша связь с «иной» не гарантирует того, что это будет возможно для других таких же пар?!

Вдруг Шампус остановился. Я поспешила изобразить низкий поклон и, запинаясь, произнесла:

— Ваше тем-нейшество...

— Связь с «иной»?

— А как иначе? Вы — темный маг, Мулоус — «иная».

Глаза Шампуса недобро прищурились. Даже несмотря на наличие скипетра, его темная аура вдруг стала зрительно уплотняться. Уплотнился и воздух вокруг меня. Шампус ждал. Гнетущее молчание побуждало меня начать оправдываться, но я сдержалась.

«Доигралась? Решила, что тебе по силам манипулировать темным?! Какого черта, ты вообще полезла в беседу, которую психологически не тянешь?!» — заорал мой внутренний голос.

— С чего ты решила, что Мулоус была «иной»? — выдавил Шампус, и в этот момент наши энергии уперлись друг в друга — энергия эфира воспротивилась пропускать через себя его темную энергию. Меня обдало жаром, и тут же накрыло волной слабости. И только БегГар не позволил мне рухнуть к его ногам.

— Зачем ты сопротивляешься? — обжигая своим дыханием мои губы, усмехнулся Шампус. — Мы законные супруги, но ты даже на энергетическом плане не пытаешься остановить вражду. Успокой свой разум ипусти меня в свое сердце. Я буду нежно беречь время, отпущенное тебе, как смертной, и...

— Беречь?.. С каждым прикосновением вы крадете у меня годы жизни... — сказала я, переходя на шепот.

Я смотрела в его пронизывающие душу глаза, и отчаянно пыталась понять, что его сдерживает? Сейчас я для него глоток свежего воздуха, новая песня... Так что мешает ему прямо сейчас сломить мою волю и напоить свое тело чистой и бездонной энергией? Неужели то, что я смертна?.. Чушь! Сколько таких как я, красивых и молодых, умирали в его объятиях? Так почему же сейчас он так бережет именно мою жизнь?

— Я верю, что ваш дворец может стать для меня убежищем, которого я так долго искала, и если вы дадите мне время, то, возможно, и ваши объятия перестанут внушать мне страх...

— Ты не сможешь отказаться.

— Нет, но...

— Идем...

Мы миновали серебряные ограждения тренировочной площадки, на которой уже собралась пестрая толпа знати. Взгляд сразу приковал традиционный помост, по всей видимости, выстроенный здесь всего за ночь. Следовать за королем вмиг расхотелось, но я шла, сосредоточив все свое внимание на царственной осанке и строгом, невозмутимом выражении лица, что давалось с трудом.

Господа, которых Шампус грамотно подобрал на ключевые посты, склоняли головы, дамы опускались в изящном реверансе. Их одежды блестели в утреннем свете, а лица светились бесконечно нежной и притягательной красотой. Вот только я уже знала, что эту красоту, скрывающую морщины, пигментные пятна и прочие неровности кожи, дарили им «молодильные» амулеты. Морок идеально срывал их возраст за очаровательной иллюзией. Таким образом, лица «красавиц» имели два слоя — нижний, подчас отталкивающий, не буду говорить насколько, и верхний — молодой, яркий, облачно нежный. Мы поднялись на невысокую трибуну и под белоснежным балдахином удобно устроились на резных сиденьях. Шампус жестом призвал гостей следовать его примеру. Подчиняясь негласным правилам, без всякой сутолоки мужчины и их спутницы, стали занимать отведенные им места, оставляя слуг стоять за своими спинами.

Четыре мага и мечник богатырского вида вывели заключенного. Сутулый и небрежно одетый старик, закованный в кандалы, едва переставлял ноги. Его волосы слиплись от пота, а ногти почернели от грязи. Сухие губы растрескались. В заключенном я не сразу узнала командора. Аристократы тоже до последнего не догадывались, на чью казнь они пришли. Дело в том, что командор пользовался огромным авторитетом, и имел немалые заслуги перед королевством, он был отменным воином и выдающимся магом, который,

ко всему прочему, принадлежал еще к древнему роду. И сейчас на лицах знати читалось непонимание происходящего.

Казнь командора не стала для меня такой уж неожиданностью, ведь я знала, что именно так все и будет. А вот с чем мне было действительно сложно смириться, что маг с такой военной выдержкой, сильным характером, свободный от предрассудков, неподкупный и исключительно трудолюбивый, превратился в... тусклое, безвольное существо.

Неужели ожидание своей смерти настолько его подкосило? Нет, этого просто не может быть! Командор должен был понимать, что день расплаты неминуем. Он знал цену! Тогда почему сейчас каждый шаг дается ему так тяжело, словно он несет на плечах чувство большой утраты?

Беда миновала Ликерию — она осталась жива!

В этот момент командор бросил на меня испепеляющий взгляд.

Нехорошее предчувствие сдавило мое сердце. Мысли лихорадочно заметались в голове, в одно мгновение растворив маску невозмутимости.

— Лица? Она в порядке? — срывающимся голосом спросила я Шампуса.

— Почему ты в этом сомневаешься?

— Я...

— Случись что с Ликерией, разве ты сидела бы здесь?

Действительно, если верить моей лживой клятве, то «случись что с Ликерией» и я бы незамедлительно попала в храм Змеерогого.

— Вы правы, мои опасения напрасны.

Я видела все, что происходит на помосте. Видела, как молодой страж опустил руку на плечо командора, но стоило губам Хонора шевельнуться, как он сделал шаг в сторону. Не отрывая от меня глаз, командор встал на колени, отдавая себя во власть палача. Мечник громогласно зачитал приговор, обвиняющий Хонора Ригхеста в заговоре против короны, занес меч и выполнил свою работу. Чисто и быстро.

«Слишком быстро», — подумала я.

Безусловно, лишение человека жизни — ужасное зрелище, которое я, в силу сложившихся обстоятельств, считала неотъемлемой частью окружающего меня мира. Может, по этой причине у меня и не возникло сильных эмоций, отключающих разум, а может, потому, что все мои мысли были о Ликерии. Я беспокоилась за ее жизнь, отчетливо понимая, что от Шампуса можно ожидать всего.

Казнь закончилась. Я вложила свою руку в протянутую ладонь Шампуса и позволила увести себя во дворец. Не знаю, какие цели преследовал Шампус, но уже этой ночью, зажав в пальцах огарок поминальной свечи, я стояла на пороге темной каморки. Удача была на моей стороне, и довольно быстро я нашла подсказку. Я вынула из мусорной корзины и свела вместе две половины указа: «За преступление, совершенное против короля подвергнуть Сайроса Севере древней казни. Приговоренного повесить за ребро, выставив тело на всеобщее обозрение». Вернув указ обратно в корзину, я задумалась. Шампус позволил Сайросу и Ликерии сбежать, указ так и не вступил в силу и был уничтожен. Все сходится. Казалось, самое время успокоиться, однако...

Я слишком хорошо помнила взгляд командора...

Свеча догорела, прервав напряженную работу моей мысли.

«Самое время вернуться», — решила я и, не дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте, направилась прочь.

Спустя несколько дней Шампус вновь меня удивил. Признаться, я порядком перепугалась, когда он разбудил меня глубокой ночью и, накинув на мои плечи меховое

манто, повел в сторону конюшен.

На чистой подстилке на боку лежала уже готовая к выжеребке кобыла. Ее рыжее пузо было раздуто до невероятных размеров. По опыту деревенской жизни, я поняла, что кобыла немолода, и вероятнее всего, у нее это не первые роды, а значит, опытная мамочка справится сама.

Так и случилось. Сначала появились светленькие копытца, за ними пошла огромная голова со смешным пятнышком на носу. И вот, уже такой же рыжий, как и его мамка, жеребенок, показался на свет. Фыркая, он усиленно пытался собрать ноги в кучу, чтобы подняться и поприветствовать этот мир звучным чавканьем вымени. Мамка лизнула ему нос и шагнула к кормушке. Забеспокоившись, малыш неуклюже склонил голову, словно она была неподъемной, и сделал несколько неуверенных шагов. Кобыла тут же принялась его вылизывать.

— Если на этом все, я могу вернуться в свои покои? — без тени эмоций спросила я.

— Иди, — так же холодно ответил Шампус.

Плотнее укутавшись в меховое манто, я вышла на улицу и полной грудью вдохнула подстуженный зимний воздух...

Эта ночь оставила у меня много вопросов, как впрочем, и вся последующая неделя.

Сюрпризы Шампуса не закончились. Чего я только не насмотрелась: привидения, высыпавшие из стен моей спальни; восставшие из могил мертвецы, от которых несло тухлятиной; узники подземелья, среди которых, к слову, я так и не смогла отыскать Валтора. Трудно было избавиться себя от мысли, что с секретарем покончено. Однажды мне даже пришлось проснуться от пронзительной вспышки, за которой последовал оглушительный взрыв и ходуном заходили стены. Создалось ощущение, что обрушился один из крутых склонов скалы, на которой возвышался дворец. Как вы уже догадались, все явления происходили глубокой ночью, и были они довольно скоротечными. Мне давно уже стало понятно: меня пугают, но зачем?

— Хватит меня пугать! Пуганая уже!

Глава 28

— Было так страшно...

— Да. Меня колотило до самого утра.

— И меня. Я тоже испугалась до чертиков. Думала, дворец прихлопнет нас как мух.

Тихие голоса прислужниц разбудили меня. Подавив желание закинуть руки за голову и лениво потянуться, я стала прислушиваться к разговору.

— Не за свои жизни вы должны беспокоиться, — мягко пожурила девушек Иоаланта. Ее красивый и богатый тембр голоса я не спутала бы ни с каким другим.

— Так мы не за себя...

— Мы сразу поспешили в покои пресветлой, вот только госпожа совсем не обрадовалась.

— Она так посмотрела, словно собралась развеять наши тела по ветру.

— Да будет вам...

— Ой, Иоаланта, — опомнились девушки. — Ты ведь была в лечебнице, когда произошло землетрясение?

— Не понимаю, к чему вы клоните?! — тихо засмеялась девушка.

— Рассказывай уже! — настаивали подруги.

— Наш добродушный лекарь в курсе всех новостей, наверняка, он первым выведаль у стражей, что случилось и, наверняка, рассказал.

— Рассказал! — подтвердила Иоаланта и, чуть понизив голос, продолжила: — Как вы уже знаете, этой ночью с горы рухнул огромный кусок скалы. Это привело к обвалу крепей в северном крыле. Не знаю, насколько это правда, но стражи говорят, что им открылась потайная комната, которая принадлежала...

Тут Иоаланта не придумала ничего лучше, как сделать паузу. Будучи не в силах справиться со своим любопытством, девушки слезно просили ее продолжать. Шея у меня затекла, но я лежала тихо, чтобы никакой шум не спугнул рассказ.

— ... дочери первого короля лариусских земель! ...

— Мулоус?!

— Невероятно!

— Этого не может быть! — девичьи голоса буквально разорвали утреннюю тишину.

Столь эмоциональные возгласы не могли меня «не разбудить». Я смело потянулась и чуть хриловатым голосом отозвалась:

— Что за шум?

В мою комнату тут же впорхнули прислужницы и занялись своими привычными делами: одна приподняла гардину, и я зажмурилась от яркого утреннего света; другая перекинула подушки на стул с высокой спинкой; третья выставила на столик резной короб с маслами; четвертая поднесла мне лохань с ароматной водой. Освежившись, я удобно устроилась на мягких подушках и, жестом выпроводив всех прислужниц, стала приводить себя в порядок.

Следующие полчаса я провела в раздумьях. Северное крыло манило. Комната Мулоус не давала покоя. Вдруг это не случайность, и небесные старцы решили сжалиться надо мной и приоткрыть тайну «иных». Мулоус была «иной» и наверняка она тоже пыталась постигнуть свой дар.

«А как же ловушки?!» — предостерег меня внутренний голос и призвал тысячу раз подумать, прежде чем что-либо решать.

«Крыло обследуют доверенные лица короля. И, вероятнее всего, ловушки на время снимут».

«И все же...»

«Мне следует быть предельно осторожной».

Отложив расследование на более темное время, я отыскала в стеклянных флакончиках с мазями, кремами, духами, свой гребень и медленно расчесала волосы. Заколола у виска изящной шпилькой волнистую прядку, при помощи иллюзии придала коже сияющий румянец и вышла в изумрудную комнату, где меня уже ожидали горячие лепешки, мед, орехи, фрукты и, конечно же, чашечка любимого чая.

Наслаждаясь тонким ароматом и терпким травянисто-фруктовым вкусом чая, я постаралась не выдавать свой интерес к тайной комнате, умышленно интересуясь здоровьем пострадавших. Как выяснилось, большая часть аристократов уже покинула дворец. Остались те немногие, кто получил травму на церемонии сочетания и нуждался в уходе, а также их заботливые родственники. В числе первых Коммел Фонрант — неплохой маг воздуха со смазливой мордашкой и жменькой «молодильных» амулетов в кармане. Я пожелала несчастному скорейшего выздоровления, и с чистой совестью отправилась в библиотеку. Немного почитала, понаблюдала за переключившимся книжки призраком, поиграла с солнечным зайчиком и вышла в сад. Посмотрела поединок магов, покормила лошадей сахаром и снова встретилась с Коммелом. Оказалось, молодой аристократ коллекционирует редкие и весьма дорогие камни из разных частей света. Он поведал историю редкого двухцветного аметрина, который помогает магам управлять стихиями и позволяет заглянуть в будущее посредством сновидений. Ни дать ни взять — панацея от всех напастей.

Каждая минута тянулась бесконечно. То тут, то там возникали разговоры про тайную комнату: переговаривались гости, шептались слуги, все больше распаяя мое любопытство. С трудом дождавшись ночи, я накинула на себя иллюзию камеристки Велории и направилась в северное крыло...

Разбитые статуи и осколки камней словно растворились, оставив после себя туманное облако пыли и дорожку белесых следов, которая, подобно указателю, поднималась вверх по лестнице и скрывалась за поворотом. Опасаясь уродливых многоножек, я неохотно сделала первый шаг. Еще один. И еще несколько. Когда злополучные ступени остались позади, мои плечи нервно передернулись.

Отдаленный шум воды нарушал тишину темных коридоров.

Ржавый засов скользнул вдоль металлических колец, и тяжелая дверь из вяза отворилась. Я выставила перед собой руку с поминальной свечой и очутилась в личных апартаментах инфанты. Это были несколько комнат с высокими потолками и арочными окнами, из которых открывался захватывающий вид. Из-под массивных скал вырывались на свободу огромные каскады воды и, падая в реку, взбивали густые клубы пены. Мерцали в лунном свете серебристые гребни волн, которые суровое течение несло в бесконечную темноту ночи.

Спящее под толстым слоем пыли внутреннее убранство комнаты сливалось во мраке ночи в неразличимую массу, но чем ближе я подходила, тем ярче выступали из темноты изящные линии и стройные формы потемневшего от времени серебряного кувшина. Нога зацепилась за выступающую ножку углового шкафа, и я едва не грохнулась. Падение сдержали массивные часы, в чей циферблат я уткнулась носом, где под мутным стеклом, освещенным огоньком моей свечи, отобразились все фазы луны.

Разлеживаться некогда, подумала я и вскочила, желая, как можно скорее отыскать тайную комнату.

Зияющая дыра в полукруглой стене в четыре метра высотой и три метра шириной открывала вид на скалы, усеянные обломками старой каменной кладки. Разрушения затронули и внутреннюю стену, создавая между ней и пропастью узкий и весьма

опасный проход в темноту. Я прошла по усеянному обломками проходу, и очутилась в маленькой комнате, сплошь заваленной книгами.

«Да разве в этом хаосе что-нибудь найдешь?» — подумала я и повела рукой, освещая рукописи древних монахов, которые даже при беглом осмотре, вызвали у меня желание прочесть их: медицинские трактаты, древние писания о мире, магии и оккультизме.

Было видно, что эти древние тексты долгое время оставались нетронутыми даже людьми Шампуса.

«Но почему?» — встревожилась я и тут же решила осмотреть комнату «иным» зрением. Если здесь есть «ловушки», они непременно обнаружатся.

Ловушек не было, а была искрящаяся ажурная вязь, которая ослепила меня, как ослепляет факел, внезапно возникший в сумраке ночи. Дотронувшись до загадочного сундучка, который, свалившись сверху, растерял часть своего содержимого, я извлекла со дна пыльный альбом. Конечно, поминальная свеча — не самый лучший источник света, но мне выпала возможность открыть тайну Мулоус. И я не могла ее упустить. Я поднесла свечу к хрупким пожелтевшим страницам и всмотрелась в ряды ровных и красивых строк.

«Эта зима станет особенно тяжелой для наших земель. Став самостоятельным и независимым королевством, мы продолжаем выдерживать все договоренности, оставаясь сторонниками мира, тогда как Великая Империя задумала поставить нашу армию под свои знамена. Отказ грозит нам войной.

Отец создает особый Совет Судеб, в состав которого приглашает военных министров, дипломатов и своих личных советников...

Я и подумать не могла, что застану матушку и сестру... нет, правильнее, королеву и наследницу трона вместе со звездочетом и худой, как жердь камеристкой, гнездящимися у дверей обеденной залы, которую в срочном порядке переоборудовали под зал совещаний.

Моя семья, видимо, решила, что раз судьба целого королевства решается в их доме, то они, определенно, должны быть в курсе происходящего. Эту мысль я озвучила вслух. А после имела удовольствие наблюдать, как на лицах домочадцев отражается понимание, и щеки их заливаются стыдливым румянцем. Все разом вспомнили про свои дела. Последней удалилась матушка, одарив меня на прощание укоризненно-сердитым взглядом.

Я осталась одна, и побуждаемая любопытством, хотя и достаточно неуверенная в правильности своих действий, я прислонила ухо к двери.

Я понимала, почему пожилой советник радел за строгое исполнение всех требований, которые поставила перед нами Империя. Это нормально, когда в силу возраста маг, немало повидавший на своем веку, мечтает жить в ладу со всем миром.

Понимала, почему его поддержал грамотный и талантливый начальник военного ведомства, хотя он и не коренной уроженец Лариусского королевства.

Могла понять и титулованного аристократа. Я хорошо знала его (впрочем, как и всех на этом Совете). Открытый искусству, он слыл самым преданным зрителем первого королевского театра, построенного в городе Табел, и частенько проводил антракт в компании моей сестры, обсуждая удивительную способность актеров вживаться в роль. Он как все присутствующие, не хотел, чтобы его судьбу и судьбы его друзей загубила война.

Основатель десяти школ, верный страж традиций и просто замечательный человек, у которого совсем недавно родилась очаровательная внучка тоже высказался против войны. «Война — это смерть, это слезы и боль».

Услышав достаточно, я хотела уходить, но тут зазвучал отрезвляющий голос Шампуса.

Шампус...

Отвращение к Шампусу так глубоко укоренилось во мне, что я не смогу непредвзято описать его. Он — это сущее зло, которое с каждым днем становится только сильнее. Он как нарыв, который отец, со своим безмерным доверием к людям, не желает замечать, а нарыв тем временем растет и созревает, забирая под свой контроль все новые уголки его сознания. Признаться, я до сих пор не понимаю, что связывает моего отца Дела эль Корсака — первого и единственного короля лариусских земель, родового аристократа и истинного мага земли, с темным, чье происхождение остается тайной и по сей день?

Как бы там ни было, а маг низкого происхождения вошел в Совет Судеб на равных правах с аристократами.

И сейчас темный, которому абсолютно плевать на жизни смертных, решал их судьбу...

Не желая идти на поводу у развращенного властью императора, Шампус открыто выразил свой протест. Он говорил о силе и свободе, которые связаны неразрывно. Король, который загубит свою армию, положит конец свободе и утратит доверие народа. И если сегодня мы отдадим свою армию императору, то уже завтра наша земля захлебнется кровью своих детей. Королевство будет ввергнуто в рабство.

Слова Шампуса вызвали взрыв всеобщего негодования и ненависти. Я вслушивалась в голоса, но разобрать что-либо в общем шуме было невозможно.

Неожиданно дверь распахнулась, и я нос к носу столкнулась с Шампусом. Его губы растянулись в крайне неприятной ухмылке.

«Подслушиваешь? — спросило это чудовище. — Я ожидал увидеть кого угодно, только не тебя». Шампус отвернулся, намереваясь уходить.

«Решил разрушить то, что отец создавал годами?» ... — резкий звук моего голоса заставил темного обернуться.

Взгляд его стальных глаз будто молнией пронзил меня.

«Не разрушить. Сохранить», — ответил он.

Голос темного против всей правящей элиты! Однако, зная отца, я догадывалась, каким будет его решение! ... Неужели война неизбежна?!»

Догорев, свеча погасла. Внутренний голос увещевал меня вернуть рукопись на место и идти спать, но я не стала его слушать. Не в этот раз.

Глава 29

— Ты сотни лет хранил тайну инфанты, чтобы вот так, в одночасье расстаться с ней?!

Шампус отложил инструмент и откинулся в кресле, устремив взор на Валтора. Непривычно было видеть лазара, долгие годы несущего этому миру смерть и угрозу, напуганным. Валтор дэ Глии сорвал с шеи амулет, стирая иллюзию живой кожи, и оттянул ворот, нервно дернув при этом головой. Парик и короткая, изобилующая дурацкими орнаментами куртка, приличествующая его новому статусу, порядком раздражала. Однако страшнее всего были мысли о том, что вскоре самая охраняемая тайна королевства перестанет быть тайной. Пресветлая угодит в ловушку и, повинувшись несокрушимой власти темного знания, безоговорочно верит свою жизнь королю. Учитывая напряженные отношения монарха с Советом, а также факт очевидного геноцида «иных», который в далеком прошлом устроил Совет, существовать последнему осталось недолго. Сильный и опасный ум «иной», ее находчивость и коварство в паре с сокрушительной силой Шампуса сотрут Совет Судеб в порошок.

Боги храни Совет!

— Отмени все, — просил Валтор. — Откажись от этой идеи, пока пресветлая еще ничего не знает.

— Я уже разрушил северное крыло. И сделал это с одной единственной целью, — голос Шампуса звучал очень уверенно.

Заметив, что Шампус вновь вернулся к работе, Валтор собрался было выйти на узкий балкон башни, но в самый последний момент передумал:

— Я одного понять не могу. Ты решил поднять прошлое из мрака. Так зачем было прятать дневник? Какой смысл гонять пресветлую по всем закоулкам замка?

В слабо освещенной комнате стоял довольно резкий запах, который всегда сопровождает работу с жильным кварцем. Закончив артефакт, Шампус поднес его к свету и внимательно осмотрел. Вещь нужная, если не сказать крайне необходимая. С того дня, как слетели развеивающие запах заклинания, пребывание даже в собственных покоях тяготило короля. Все попытки скрыть запахи за новой завесой терпели фиаско — нити заклинаний выгорали раньше, чем успевали сплестись в единую сеть.

— Отыскать дневник среди тысячи рукописей... В народе это называют чудом, — невесело усмехнулся Валтор.

— Чудес не бывает.

Шампус опустил артефакт на стол и активировал его. Несколько мгновений ничего не происходило, потом над кварцем стали подниматься первые крупинки и, по мере того как они светлели, воздух в комнате становился все чище. Шампус сделал глубокий вдох, прикрыв на мгновение глаза. Валтору было все равно, он сцепил за спиной руки и склонил голову, подвергая анализу слова короля. Чудес действительно не бывает. Однако, в библиотеке инфанты много древних книг, и когда пресветлой в руки попадут такие раритеты, как: «Аномалии магического универсума», или «Вершины мистического учения», или даже «Шелк и магические чернила», она не сможет устоять, и захочет удовлетворить свое болезненное любопытство. В этом случае дневник инфанты так и останется не найден...

— Все так и было бы, — сказал Шампус, словно подслушав мысли секретаря, — не будь она «иной».

— «Иной?..» Какое это имеет значение?

— Мне не совсем понятно это свойство их крови, но «иные» не только чувствуют друг друга, но и видят вещи, созданные друг другом.

Из деревянного короба Шампус достал пузатый сосуд, изготовленный из толстого стекла, и стал складывать в него крупные серовато-желтые зерна кварца. Смел крошку, более непригодную в работе, сложил инструмент, после чего заверил секретаря:

— Она отыщет дневник даже среди сотен тысяч рукописей, и не успокоится, пока не прочтет его весь...

Шампус вдруг дернул головой и остановил свой взгляд на стрелках часов. Его губы поплыли в улыбку.

— «Ключи» от тайны уже гремят в руках пресветлой... — прошептал он.

Чтобы осуществить задуманное следовало правильно выгадать время. Кульминационным моментом станут его финальные слова, которые должны не просто тронуть сердце пресветлой, но и обжечь, ослепить и заглушить голос разума, оставив его без малейшего шанса справиться с потоком чувств, призванных оказать большое влияние на ее эмоциональный фон, чтобы никоим образом не могла она воспрепятствовать воздействию заклинания. И чем сильнее она будет поражена услышанным, тем выше шансы «вселить» нужные мысли ей в голову.

И как однажды сказал Валтор, сидя в сырой темнице, месяц-другой и она будет «бесконечно в него влюблена».

Я метнулась за подсвечником, чтобы хоть немного осветить комнату, и едва не снесла диванный столик, неожиданно возникший на моем пути. Ваза со стола конечно же грохнулась. Примерно с таким звуком разбиваются надежды остаться без чужого внимания. Потирая ушибленное место, я поковыляла к кровати и упала навзничь, подмяв под себя дневник.

— Три, два, один...

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились прислужницы.

— Чего вам? — сердито проворчала я.

— С вами все в порядке?

— Хотите знать в порядке ли я? — взорвалась я, подскакивая. — Да меня всю трясет от вашего внимания! Хватит врываться в мои покои. Хватит тревожить меня по пустякам.

— Прощу прощения, — ответила Олим весьма холодно. — Но ваша безопасность наш долг.

Я смирила Олим злым взглядом.

— Ваша безопасность для нас превыше всего, — пришла на помощь подруге Йоаланта.

— Хватит! Меня уже тошнит от вашего долга! Ничего со мной не случится! А вот вы вынуждаете меня на крайние меры. Я вам не государственный преступник, я — пресветлая! А это значит, что ваши жизни всецело принадлежат мне, а не наоборот! Отныне, той из вас, кто ворвется в мои покои без разрешения, я собственноручно отрежу уши.

Девушки опешили.

— Свободны.

— Позвольте нам хотя бы убрать...

— Во-он!

Уже через мгновение, я наслаждалась чтивом. Я обратилась к эфирному зрению, и пустая обложка узенькой тетрадки распустилась ласковым светом и обрела название: «В желании укрыться от пустоты, которую порождает свет, я открываю свое сердце Бесконечной тьме».

Желая скорее узнать тайну Мулоус, я открыла дневник и жадно вчиталась в тускловатые строки:

«Две недели пролетели как один день. Сегодня с первыми рассветными лучами мы расстались с отцом. В сопровождении дипломатов, бывших у него в особом почете, он

отбыл в империю, с единственной целью — убедить императора продолжить защищать интересы своих подданных (коим и является наше маленькое королевство) и не уклоняться от избранного империей пути добра, который долгое время служил залогом благоденствия двух сторон.

Нам же остается молиться, чтобы отцу удалось воплотить задуманное в жизнь.

Сообщения от отца внезапно прекратились.

Прошел ровно месяц с последнего полученного нами сообщения. Неизвестность тяготит матушку, наполняет ее душу страхом.

Прошло два полных месяца. Прохладой наполнился воздух. Медленно выцвел пейзаж за окном, став бледным отражением нашей матушки, которая осталась один на один со своими ужасными мыслями, порождаемыми женским воображением.

Поглощенная пагубными думами, все реже покидает она свои покои, все меньше интересуется дворцовой жизнью, что служит предметом обсуждения влиятельных придворных, которым вести свои подковерные битвы мешает лишь страх попасть в поле зрения темного.

Я чувствую боль матушки, чувствую, как кровоточит ее сердце, но ничего не могу сделать. Все что мне остается — это надеется, что однажды тихое безмолвие скал рассекает звонкое эхо копыт; что при виде любимого, ее мертвое для любой радости сердце вновь оживет, и это опасное для ее ранимой души испытание вознаградится жаркими объятиями и слезами бесконечного счастья. А пока... я навещаю матушку каждое утро, и каждое утро подолгу стою рядом с хрупкой, безмолвной фигурой, неподвижно сидящей у окна. Матушка совсем не замечает меня — ее взгляд устремлен на дорогу, исчезающую в густом тумане. Я хочу утешить ее, но не знаю, что говорить, и тогда я беру теплую шаль, укрываю ее плечи, и ухожу.

Три месяца прошло.

Сегодня выдалась на редкость омерзительная погода. За окном, словно соревнуясь в своей мощи, хлестали ветер и дождь. Слуги не жалели дров, однако холодный камень стен, как озябший зверь, жадно вбирал в себя все тепло.

Отправляясь в покои матушки, я свернула в погреб, где нашла ореховую настойку, которая, как уверяет наш почтенный лекарь, поможет королеве не только спокойнее пережить тяжелый удар разлуки, но еще и послужит отличным средством, восстанавливающим силы...

Разбитая рюмка и взгляд полный праведного гнева стал мне наградой. Не зная, как быть, я стала лепетать извинения, но тут распахнулась дверь, являя нашему взору встревоженную сестренку. Мгновенно оценив ситуацию, она подлетела к матушке и, схватив ее за руки, усадила в кресло. Несказанно нежными словами она стала успокаивать и утешать ее. Удивительно, но в этот самый момент я почувствовала, как легчают ее мысли, а душа медленно исцеляется — матушка улыбнулась и даже попросила подать ей чай. Я подобрала шаль, в приступе гнева соскользнувшую с плеч матушки, и протянула ее сестренке, давая понять, что веряю матушку ее заботливым рукам.

Этот эксцесс показал мне, насколько разными могут быть два близких человека. Моя сестра, словно луч восходящего солнца; добрый и милосердный мир, заключенный в физическую оболочку, немного мечтательную и самую малость предсказуемую. Она обладает редкой способностью исцелять взглядом, легко находит правильные слова, а ее чистой, желанной улыбке удается заполнить любую пустоту. Она невероятно богата, ведь у нее есть то, о чем мне приходится лишь мечтать. Ее мысли и чувства — светлы. Иногда мне кажется, что исчезни наследница, и наш дворец потеряет свое романтическое очарование, впадет в уныние и тихую грусть.

Двор любит наследницу, каждый только и ждет удобного случая, чтобы выказать ей свое расположение — украшения из белого золота, сладости, цветы и благовония стекаются к нам во дворец со всех уголков земли. Почитатели дарят ей неповторимой красоты камни, тайно соревнуясь в оригинальности и щедрости. Подчас к такому подарочку

прилагаются стихи, а иногда и признания в любви, которые сестренка любит зачитывать вслух, взволнованная осознанием того, что именно ей предназначено главное место в сердцах молодых людей.

Все это было раньше, теперь самым желанным подарком в день ее рождения, будет весточка от отца, что он жив и здоров.

Когда буря успокоилась, к нам во дворец доставили племенных скакунов, которые пришлось по душе всем придворным за большие умные глаза и длинные тонкие ноги, созданные для быстрого аллюра. Довольно приятный господин рассказывал о лошадях много и весьма интересно, убеждая нас, что быстрее и выносливее этих скакунов во всем мире не сыскать.

«Эта порода, говорил он, слегка склонив перед нами голову, — имеет славную историю, пользуется популярностью у жителей Империи, и способна в высшей степени удовлетворить запросы королевской семьи и стать ее неотъемлемой частью».

И он был прав! Лошади действительно были выше всех похвал. А поскольку сестренка занималась матушкой, то шанс опробовать коней выпал мне.

Без сомнения, выбранный мной темно-гнедой конь делал все так, как я того хотела. Конь не только выглядел потрясающе, но и обладал покладистым характером. Его сильные ноги мчали быстрее ветра, аллюр был мягким, а движения легкими.

Прекрасно слушает повод. Быстрый, как ветер, хороший, добрый конь, сказала я, вернувшись к господам, которые с выражением глуповатого удовольствия на лицах стали вынимать свои кошельки, однако обладать предметом восторженного обсуждения не удалось никому. К горлу неожиданно подкатило, а следом шар темной энергии врезался в широкую грудь моего коня. Слепленный болью, конь вскинулся на дыбы, после чего резко ударил задними ногами, выбивая меня из седла. Старая, хорошо знакомая боль обожгла разум, и я лишилась чувств прежде, чем падение мое завершилось. В себя пришла будучи в объятиях Шампуса. Рядом, завалившись на бок, задыхался конь, грудь которого расцертили кровавые полосы, а рот покрылся густой багряной пеной.

«Как бы ни был хорош ваш товар, он нам не подходит, — под хрипы умирающего животного, голосом лишенных эмоций сказал Шампус. — Направленное заклинание, настигшее коня, едва не обернулось трагедией для всадницы. Буду честен, немногим из присутствующих здесь по силам отразить подобное заклинание. Всем остальным я бы рекомендовал воздержаться от покупки».

Понятное дело, что желающих оказаться на моем месте заметно поубавилось. Наглядный пример убедил влиятельных господ запрятать свои кошельки поглубже. И пока они занимались «делом», я осторожно дала понять темному, насколько меня испугала наша с ним близость, но он даже не подумал отпустить меня, да еще и приказал не дергаться. Что я и сделала, мысленно пообещав себе разобраться во всем в более удобном положении.

Его сильные руки прижимали меня к каменной груди. Захваченная врасплох новизной ощущений, я смотрела в его глаза, слушала биение его сердца, ноты которого зазвучали в моей голове опасной песней, обеззвучивающей для меня внешний мир.

Несколько позже, когда придворные поручили слугам ликвидировать жуткие последствия темной магии, я поняла, что меня, убаюканную нежными объятиями, несут во дворец.

«Ты забыл меня отпустить», — тихо напомнила я о себе.

«Ждешь извинений?» — с вызовом спросил Шампус.

«Не жду, и не потому, что извинения мне не нужны... Твои объятия и есть плата за причиненную мне боль».

Он знал, какую боль вызывает у меня любая смерть, знал о страхе, который хранит моя память, накапливая и приумножая его с каждой новой смертью. Он все знал, но это его не остановило. Он осознанно выпустил смертельное заклинание! И выпустит вновь, когда очередной имперский коневод, умело играя на тщеславии наших высоких гостей,

вновь решит развести их на золото. Что до меня, то в тот момент, когда это снова произойдет, я постараюсь быть как можно дальше отсюда.

Прознав о случившемся, матушка вызвала Шампуса на разговор. Общаясь с королевой на равных, Шампус в очередной раз подтвердил свой статус нежелательной при дворе персоны. А поскольку ни «выкинуть», ни наказать ее она не могла, то на этом, думаю, инцидент со мной, можно считать исчерпанным.

Следующим днем я застала матушку в крайне возбужденном состоянии.

«Наглец», — твердила она, меряя комнату шагами. «Это я-то должна искать коневодов?! Да кто в здравом уме согласится заняться созданием породы более совершенной, невосприимчивой к боли?! Наглец! Каков наглец! Как он может указывать, что мне делать?!»

Такое поведение матушки меня несказанно обрадовало. Гнев — лучшее лекарство. Он незаметно влезет «под кожу» и поможет ей продержаться до приезда отца. Я лично прослежу за этим!

Чудесно! Просто чудесно! Оказывается, у нашего темного богатое воображение! Думаю, вряд ли найдутся коневоды, которые рискнут бросить вызов самой природе.

Но какое это уже имеет значение!» ...

На этих словах я прервала чтение. Интересно, что бы сказала инфанта, очутись она в наше время в королевской конюшне, где так комфортно себя чувствуют гордые представители салтедской верховой породы? Думаю, она бы уже не смеялась. То, что поначалу казалось бредом изъетого темной магией сознания, со временем стало новой реальностью. Не знаю, на какие ухищрения пошел Шампус, и сколько голов полегло ради его затеи, но результат превзошел все ожидания. Конечно, у породы есть внешний недостаток — привычную шерсть заменяют гибкие чешуйки, шейный гребень напоминает огрубевшую змеиную кожу, исключая рост гривы и челки, а глаза наполнены свинцовым холодом. Но что значит этот недостаток в сравнении с иммунитетом, который приобрел конь? Пущенные в него смертоносные заклинания он давил, как цветы в поле.

Природа оказалась невероятно уступчива.

Я улыбнулась и, осторожно перевернув страницу, продолжила чтение:

«Какое доброе утро!

За окном слуги выдыхали морозные облачка пара, и, готовясь ко дню рождения наследницы, водили по воздуху руками, сооружая посреди зеленого газона из льда удивительные скульптуры. Улыбалась сестра, под руку прогуливаясь с матушкой и что-то увлеченно с ней обсуждая.

Повинуясь всеобщему настроению, я вышла во двор, как вдруг меня сложило пополам. Желудок исторгнул свое содержимое. На глазах у всех! Виною этому стали маленькие щенята с окровавленными ушами и купированными хвостами, которых наш псарь, приволок ранним утром на псарню. Как же мне стало плохо. И больно...

Этот недуг преследует меня с юных лет. Я хорошо помню тот возраст, когда мои ровесники открывали в себе способности к магии и учились владеть стихиями, я же к тому моменту уже различала основные оттенки боли и знала, когда домашним действительно плохо, а когда некоторые из них умело манипулируют старшими...

Стихийная магия мне не доступна, однако, я слышу боль. Я вижу изменчивое кружево теней, оплетающее живое существо. Вижу его в биении сердца, слышу в дыхании, ощущаю тяжесть, которой наполняется страдающее тело.

Есть боль мимолетная, едва ощутимая, которая не успевает обрести форму и воплотиться во что-то большее, чем тонкий след, который оставляет грифель карандаша, царапая чистый лист бумаги.

Есть боль подобная воску, горячие капли которого, сливаясь с кожей, обжигают ее и

тянут. Эта боль, как фальшивая нота, нарушает покой в душе, но лишь на короткий миг. Мелодия выравнивается, и жизнь вновь наполняется красками.

Есть боль с обликом древней старухи. Она подкрадывается тихими шагами, и незаметно обвивает своими объятиями. Медленно осушая тело, она обесцвечивает волосы и сковывает движения, лишает сна и покоя, пока не наступает тот момент, когда глаза закрываются, и живое уходит в лучший мир.

Есть боль как вспышка алого цвета. Она захватывает врасплох, ослепляет, разрушает сознание, парализует волю. Запахи, звуки — все замыкается в узкий круг, из которого нет выхода, и подчас, гибель приходит раньше, чем успеваешь это понять. Примерно это и произошло с гнедым жеребцом, последние секунды жизни которого были переполнены болью.

Но самая ненавистная мне боль, та, которая подобна злему духу. Проникая в тело, она разрывает изнутри, заставляя гореть в агонии. Тело стягивают плотными лентами, и чувство безысходности становится единственным. Конечным.

И как бы мне не хотелось покинуть этот ненавистный мир боли, наглухо закрыв за собою дверь, я вынуждена оставаться неотъемлемой его частью. Матушка, темно-гнедой конь, щенята — все это бесчисленные призраки боли, от которых нет спасения. Облегчение приносит лишь уединение, которое дарит невозмутимая тишина библиотеки и темнота моих покоев. Как оказалось, убереечь меня от боли могут еще и объятия темного, но об этом я не хочу даже думать».

Глава 30

И без того бледные буквы стали еще светлее и, стоит заметить, несколько тоньше. На тексте появились первые кляксы, которые говорили о том, что перо подолгу зависало над бумагой, но этого, по всей видимости, инфанта не замечала.

Я закрыла глаза, давая им небольшой отдых. А после продолжила чтение.

«Мелькали дни, все больше наполняя душу тревогой за матушку. Ей становилось все хуже. Застывший взгляд, неестественно прямая спина делали ее похожей на статую. Я хотела утешить ее, подбодрить, но не находила слов, а потому продолжала безучастно наблюдать ее угасание.

Привычно толкнув дверь в покои матушки, я застала картину, от которой мое сердце забилось болезненно быстро. Сестра стояла на коленях перед матушкой и нежно обнимала ее руки, согревая их своим дыханием. Она тихо напевала нескладные песенки, пытаясь вызвать хотя бы подобие улыбки, но видя, что этот детский ритуал не помогает, сестра вскочила и выбежала вон, скрывая от меня свои слезы. Я забрала поднос с нетронутой едой и тоже удалилась.

Сестра ждала меня в галерее. Неожиданно выбив поднос из моих рук, она закричала, щедро делясь со мной своей болью и обвиняя меня в бездействии. В ее опухших от слез глазах я видела гнев и разочарование.

«Да что с тобой такое? Почему ты ведешь себя, словно тебе все равно!? Скажи мне правду», — ее голос сорвался.

«Хоть раз будь со мной откровенна, — тихо просила она. — Молчишь!? Мы в долгу перед ней. Слышишь? Ты в долгу перед ней! С пяти лет она не спала ночами, сидя около твоей постели. Всю свою любовь и заботу она отдала тебе! Она жила тобой, дышала тобой! Ты не можешь ее предать!» — задыхаясь от слез, сестра снова перешла на крик.

Не угасшее эхо ее голоса нарушил шелест шелковых юбок, и ко мне вдруг пришло понимание, что наследница трона стоит передо мной на коленях.

«Сделай же что-нибудь...» — слова распались, едва касаясь моего сознания. Я уже не понимала их смысла. Я больше не могла здесь оставаться. Боль казалась невыносимой, ее становилось слишком много для меня одной: она сдавливала грудь, она заполняла все мои мысли. Понимая, что медленно начинаю сходить с ума, я снова оставила мольбы сестры без ответа и ушла.

Я не могу ее предать... Но что я могу? Я даже себе помочь не в состоянии... В зеркальном отражении я видела бледное лицо, по щекам которого лились слезы. Я закрыла глаза и отпустила все мысли. Я больше не пыталась их удержать, и тогда они свободными мотыльками устремились в обитель темного мага...

Не дожидаясь, пока боль ослабит объятия, я отравила темному письмо. Пребывая в твердой уверенности в правильности своего решения, я вышла к внешним воротам, которые матушка до возвращения короля велела держать открытыми. (Она и вестовой колокол приказала установить на главную башню, и часового распорядилась поставить). Пересекла мост, который длинной дугой связывал каменный дворец с широким горным хребтом, и вышла на темный отполированный копытами камень, который уводил на пустынное плато. Отсчитала ровно десять шагов и сошла на неприметную горную дорожку, пролегающую вдоль крутого берега реки.

Безучастным взглядом я наблюдала за серебристыми лентами вечернего тумана окутывающими скалы, пока за спиной не раздался знакомый голос. Как и ожидалось, Шампус не стал тратить время на приветствия и сразу перешел к делу.

«Чем именно я могу тебе помочь?»

Даже не задумываясь над тем, во что может вылиться моя дерзость, побуждаемая стремлением скорее покончить со всем этим безумством, я сделала шаг навстречу и коснулась его губ своими губами. На поверхности сознания мелькнула мысль, что невозможно разделить дыхание с темным, не задев при этом его смертоносную силу. И я

позволила его энергии окутать мое тело и беспрепятственно проникнуть в кровь.

Его сила спокойно струилась по моим венам, сжигая страх, выдавливая боль, во власти которых я пребывала так долго. Сердце... Ему стало тесно в груди, оно сбилось с ритма, впервые не из-за прострелившей мой разум боли, а из-за неумного жара, расцветающего во мне песней свободы. И я растворилась в этом счастье и чувстве какого-то необъяснимого душевного трепета, заливающего мои щеки краской смущения.

Я первой разорвала поцелуй. Отступив на шаг, я обратила свой взор в сторону королевских покоев. Матушка стояла у окна, и мы были перед ней как на ладони.

«Окна королевских покоев выходят на этот берег», — пояснила я.

Шампус понимающе ухмыльнулся:

«Меня не интересуют мотивы, которые сподвигли тебя на этот поцелуй».

Он всегда был слишком пронизательным, и не мог не придать значения выбранному мной месту встречи. Интересно, поцелуй он тоже предусмотрел? Боясь взглянуть в глаза БегГару и найти там ответ на незаданный вопрос, я опустила взгляд на темную воду, волнами набегающую на крутые скальные берега.

«Не так давно, ты преподавал урок придворной знати, поставив мою жизнь под угрозу. Сегодня я вернула долг. Мы в расчете, однако... Смею надеяться, по возвращении во дворец, ты примешь весь удар на себя и избавишь меня от необходимости общения с матушкой».

Шампус принял мои условия...

Это была ужасно долгая ночь, которую я провела в своих мыслях, измучивших мое сердце волнительными и опасными воспоминаниями о нашем поцелуе.

Ранним утром, как и полагается, я нанесла визит матушке. Она неподвижно сидела в кресле, впериw взгляд в светлеющее небо. Одно из зеркал было разбито, окровавленный осколок ее любимой вазы лежал совсем рядом с ее босыми ногами. Пересилив себя, я прошла вглубь комнаты, опустилаcя на колени и тихо прошептала:

«Матушка» ...

В тот же миг ее рука обрушилась на мою щеку. В осколке разбитого зеркала я заметила, как щека вновь расцветает алым цветом, только на сей раз не от поцелуя.

«Почему он? Почему БегГар Шампус?» — спросила она.

«Да потому что только его ты боишься! И ненавидишь всей душой», — жестокие мысли я оставила при себе, позволив губам прошептатъ лишь нежное:

«Прости» ...

Сестра вновь выловила меня в коридоре и, без малейшего намека на радость, с иронией, совершенно не свойственной ее натуре, поздравила с тем, что я стала центром всеобщего внимания. На этом ее поздравление оборвалось, и она с нескрываемой тревогой поинтересовалась, думала ли я, какие страдания принесет матушке та вольность, которую я позволила себе на берегу реки?

«Пытаешься вызвать во мне чувство вины?» — спросила я.

Пришлось выслушать излияния сестры на тему юных девиц, которым следует хранить чистоту до брака, а не изводить себя на черного мага, не раз шокировавшего высший свет откровенной жестокостью. Она рассказала жуткие истории про неких политических деятелей, которым Шампус взломал сознание, причинив адскую боль и тяжелые несовместимые с жизнью увечья. Описав опасную сущность Шампуса, она так же напомнила об угрозе, которую несет его деструктивная магия, ведь ни для кого не секрет, что для поддержания своих сил черному магу необходимо брать энергию живых существ. В своем желании вызвать у меня отвращение к Шампусу, сестра наделила его всеми отрицательными качествами, на которые только способно было ее воображение.

Закончила призывом не поддаваться искушению, ценить свою жизнь и служить интересам нашей семьи. А это значит, я должна отказаться от Шампуса и в кратчайший срок забыть его раз и навсегда.

Мне хватило такта не повисить голос в ответ:

«Но ведь кто-то должен искупаться в крови, чтобы нас не преследовал страх лишиться короны», — спокойно сказала я.

«Оправдываешь его?»

«Сейчас, когда мы отчаялись получить от отца даже весточку, кто сдерживает наших чиновников? Кто не допускает ослабления власти отца, даже не будучи уверенным, что он все еще жив?»

«Как смеешь ты говорить такое?!» — закричала сестра, как вдруг поверх ее голоса лег звон вестового колокола. Удар за ударом.

«Отец... Отец вернулся!» — закричала сестра, и вмиг подхватив юбки, вылетела прочь.

Я шумно выдохнула и закатилась истерическим смехом.

Лучшего момента и придумать было нельзя...

Не замечая титулованных аристократов, которые, с покрасневшими от переизбытка чувств щеками, выказывали свой восторг по поводу возвращения короля на родную землю, отец в сопровождении своих дипломатов пересек внутренний двор. Все внимание отца было сосредоточено на матушке, которая стояла на лестничной площадке, опираясь на руку старшей дочери. Когда отец преодолел последнюю ступень, матушка, пребывая в крайнем волнении, устремилась к нему. Она попыталась что-то сказать, но слезы не дали ей говорить, и отец заключил ее в свои объятия.

Два любящих сердца воссоединились!

Двор проснулся от забытья, и пытаясь наверстать упущенный сезон зимних развлечений, в считанные дни расцвел магическим светом огней и очарованием улыбок. Эти светлые, озаренные счастьем дни омрачали только слухи о произошедшем со мной на берегу. Я просила отца не делать трагедии из-за одного поцелуя, но видимо мой взгляд или интонации в голосе сказали ему, что не все так гладко на моей душе. И отец предложил партию в шахматы. Понимая, что это всего лишь предлог меня задержать, я уступила необходимости, и развязала войну между черным и белым войском на мраморной доске. Сохраняя невероятно медленный темп игры и добрый ненавязчивый тон, отец рассказал о собственном опыте общения с черным магом. Он дал понять, что относится к БегГару с большим уважением и доверием, однако том факт, что Шампус превосходит по силе большинство черных магов, делает его влияние на живое существо более разрушительным. Поэтому время от времени, под предлогом разных поручений, он просто обязан «выселять» его из дворца».

«Куда на этот раз?» — спросила я, касаясь мраморной фигурки слона.

«Есть один мальчик, у которого открылся особенный дар. БегГар отправится к южным озерам и проверит эту информацию».

«Особенный дар...» — слова отца взволновали меня так, что я поставила фигуру слона на клетку не его цвета.

«Иную магию, Мулоус. Я подразумеваю совершенно иную магию, природа которой нам пока еще мало известна».

Значит, я не одинока?! И где-то в южных озерах живет мальчишка с аномальной силой! Проснувшийся во мне интерес разлился по венам юношеским нетерпением, и я не узнала свой голос:

«Я тоже хочу быть в курсе этого расследования. Хочу знать все до мельчайших деталей».

Вытеснив таким образом из моей головы все мысли о темном, отец охотно уступил в

моей просьбе и отпустил меня» ...

Глава 31

Загнутый уголок страницы привлек мое внимание и, осторожно разгладив его, я вновь погрузилась в мир Мулоус.

В отличие от меня, инфанте довелось родиться с золотой ложкой во рту, однако в сияющем дворце, наполненном торжественными церемониями и традиционными балами, она не была счастлива. Вынужденная соответствовать, Мулоус присутствовала на каждом мероприятии, однако по окончании официальной части, всякий раз покидала высшее общество, не желая участвовать в танцах. Скакать по зале, едва успевая за молодыми красавцами или прижиматься к пропотевшему кавалеру, то и дело утирающему пот со лба, было для нее равносильно кошмару. Из трех умений, которые ценились на балу, Мулоус признавала свое поражение по всем трем: чувство прекрасного не позволяло ей добавлять излишества в свой гардероб, светские разговоры казались пустыми, а танцы смертельно утомляли. Не удивительно, что в отличие от наследницы, которая слыла всеобщей любимицей, Мулоус привлекала к себе недовольные взгляды. Не обращая внимания на пересуды и сплетни, все больше времени проводила она в библиотеке, изучая тексты, посвященные универсуму магов. Книги, рукописи, свитки — все раскрывало естественные возможности магов, но только не тайну «инога» дара. Она не находила ничего, что выходило бы за пределы привычного всем магического мира и это приводило ее в отчаяние.

Ситуацию усугубляли и отчеты Шампуса, доказывающие Мулоус, что никакого парнишки с особым даром не существует. От мыслей, что отец умышленно пошел на обман, болело в груди. Растущее чувство предательства порождало пустоту и холод в ее душе, медленно превращая инфанту в мрачное создание. Не желая выходить за пределы своего одиночества, Мулоус все чаще обращалась к дневнику, доверяя повествование разуму, но никак не сердцу. Я читала про пользу, которую чиновники приносили королевству, про встречи с послами империи, про посещение портового города и начало строительства первых военных кораблей, которые Лариусское королевство обязалось поставить в империю в сжатые сроки, про открытие нового театра, и празднование первого сбора трав, куда королевская семья отправилась не в полном составе. Несколько страниц очень много поведали мне о событиях дворцовой жизни и ничего о чувствах Мулоус к Шампусу. И вот наконец...

«Оглушительный звон подков пронзил вечернюю тишину. Я оставила свиток, и встав у окна, приоткрыла гардину. Верхом на белой кобылице, бока и грудь которой расписаны темной охрой, Шампус влетел во внутренний двор, спешил и вместе с поводом отдал конюху указания относительно кобылы, принадлежащей к аборигенной породе, на которую удивительно слабо действуют сильные яды.

«Неужели он настолько безрассуден, что до сих пор не отказался от своей идеи бросить вызов природе?» — подумала я и обратилась к иному зрению, чтобы рассмотреть энергетическую оболочку животного на наличие магического вмешательства. Взгляд соскользнул с кобылы, которая на поверку оказалась самой обыкновенной представительницей своей породы, и застыл от изумления. Кое-что Шампусу наречь все-таки удалось. Значит мальчишка, о котором говорил отец, действительно существует и доказательство тому хранится во внутреннем кармане темного, притягивая взгляд трепетным кружевом света. Этот свет имеет для меня значение большее, нежели чувства, которые завладели сердцем. Любовь можно вылечить, а вот отвернуться от света, который видится мне совершенно особенным, глубоким, неиссякаемым я уже не могу.

Благоразумно выждав время, я опустилась на каменную плиту пола и закрыла глаза. В образовавшейся темноте нарисовала светом покой темного, концентрируя внимание на деталях интерьера. Когда картинка стала ослепительно яркой, я перенесла себя в эту новую реальность и открыла глаза. Свет, недоступный магическому зрению, рассеялся, оставив видимыми лишь материальные предметы, среди которых деревянный стеллаж, глубокое кожаное кресло... и несколько удивленный черный маг с бокалом горячительного в руке.

«Переход не безопасен для тебя», — напомнил БегГар и протянул мне свой платок. Он уже успел освежиться и сменить пропитанный потом и дорожной пылью сюртук.

Вдохновленная своим прыжком, я благодарно приняла платок и проверила, не пошла ли носом кровь.

Сгорая от нетерпения увидеть артефакт, я испытала облегчение и невероятную радость, когда БегГар раскрыл ладонь с которой, натягивая кожаный шнурок, соскользнула перепачканная в золе рыбешка. Ее изогнутое тело, сделанное из толстой проволоки, оплетенной более тонкой, покачивалось, сверкая невидимым и неподвластным магическому зрению светом.

«Красиво, — выдохнула я, и выхватив артефакт, прижала его к груди. — Мальчишка с особым даром существует. Я не одна! Теперь я не одна!» ...

«Не одна», — холодно согласился Шампус, и снова наполнил бокал. Я продолжала сидеть на полу, зачарованно глядя на рыбку. Резкий звук лопнувшего бокала словно разбудил меня. БегГар разжал пальцы, засыпая стол окровавленными осколками. Его плечи и руки были напряжены, а взгляд направлен в пустоту прямо перед собой. В этот момент я поняла, что долгие месяцы неустанных поисков среди прозорливых и верных своей вере озерных жителей, жизнь которых сконцентрирована вокруг духов умерших, стали для него непростым испытанием. Его черная душа кровоточила, и это приносило мне боль.

«Спасибо», — тихо сказала я, и сжалась в ожидании его пренебрежительной ухмылки. БегГар повернул голову. В глубине стальных глаз я увидела хаос, который царил в его душе.

«Оставь меня».

Я сжала артефакт и закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями, но вместо объятых светом покоев увидела перед собой уставшее лицо темного. В уголках его глаз пролегли глубокие морщины, которые оставило время, проведенное им на стыке смертного мира и неуправляемого мира духов. Его черная энергия, служившая мне защитой, сейчас причиняла боль. Я могла бы укрыться в леденящей тишине моих покоев, но впервые в жизни не захотела этого делать. Все чего жаждало мое сердце — это остаться и освободить БегГара от терзаний.

«Ты все еще здесь?»

Ничего не ответив, я завернула артефакт в платок и спрятала сверток в карман платья. Приблизилась к БегГару и накрыла его ладонь своей.

«Мулуос» ...

Я коснулась пальцами его губ и не позволила ему говорить.

«Если бы можно было чувства стряхнуть, как песок с ладони, я бы непременно так сделала» ...

Шампус перехватил мою руку.

«Глупо было позволять себе влюбляться в черного мага. Все чего ты добьешься — это растворишь себя в мгновениях тьмы».

«Твоя тьма способна освободить меня от боли и одиночества», — тихо призналась я, на что БегГар лишь усмехнулся:

«С твоей обостренной чувственностью я сделаю твою жизнь невыносимой».

Было слишком наивно полагать, что он придаст значение моим словам. Ведь никому еще не доводилось связать свою судьбу с черным магом и не испытать на себе влияние его деструктивной силы. Страдали все: и маги, и дремы.

Мне не суждено было родиться обычным человеком. Да и магом я не стала. Моя сила не подчинялась естественным законам магии и не оказывала никакого влияния на магический мир. Не знаю, хорошо это или плохо, но знаю, что не отступлюсь от того, что мне так желанно.

«В жестокой природе твоего дара таится чудесная сила. БегГар, я осознанно открываю тебе свое сердце, ведь только священная тьма способна очистить его от боли, — сказала я, глядя в его глаза. — Но могут ли мои слова убедить тебя?»

«Твои слова способны поставить меня на колени».

БегГар коснулся моей пылающей щеки, и привлекая меня к себе, накрыл губы невероятно долгим, страстным поцелуем.

Этой ночью я открыла ему свою душу. Я пропустила через себя его смертоносную силу, напитав ее бездонным чистейшим эфиром...

Заснула я на плече БегГара, впервые ощущая себя счастливой. Однако очень быстро тихую негу сна заполнила вязкая чернота ночного кошмара. С каждым ударом секундной стрелки она становилась плотнее и полновеснее, пока не сдавила грудь так, что стало невозможно дышать. Вздрыгнув, я проснулась и до предела наполнила легкие воздухом. Однако куда большее потрясение вызвал вид БегГара. Он сидел в темном углу и, упираясь руками в холодный камень пола, сражался за каждый свой вздох. Лицо облепили мокрые от пота пряди волос, глаза затуманились, а шея раздулась темными жилами.

«Уходи!» ... — дыхание оборвалось, и судорога боли пронзила его лицо.

Я сползла с кровати и осторожно коснулась его обнаженного плеча. Его тело, объётое черными языками пламени, горело. Растущая внутри него сила проходила мистическое преобразование. В своем желании вырваться на свободу, черная энергия ломала барьер за барьером, которые едва успевал выставлять Шампус.

До боли сжав мою руку он потребовал, чтобы я убиралась.

«Немедленно!» — выплюнул он вместе с кровью. Внутри меня все похолодело. Я видела что-то ужасное, что отчаянно пыталось взять верх над БегГаром, ломая и подчиняя его изнутри.

«Это не остановить! Убирайся, пока я еще в состоянии себя контролировать!» — закричал он, и прежде чем я успела хоть как-то отреагировать, оттолкнул меня и бросился прочь.

Испуганная до полусмерти, я сидела посреди комнаты, пока страшный грохот не привел меня в чувства — в спешке Шампус разнес ворота конюшни вдребезги. Слушая как вырывается в холодную темноту ночи барабанная дробь копыт, я опустила взгляд на смятые простыни, и содрогнулась от мысли, что это я сделала с ним.

Несколько раз я обращалась к своему дару, пытаюсь вернуться в свои покои, но безуспешно. Не видя иного выхода, я вышла во двор. Мне не было дела до сплетен, которыми в скором времени снова будет наслаждаться весь двор, мои мысли были всецело поглощены БегГаром, который умножил свою силу ...

В течении нескольких дней один за другим ушли в могилу мудрейшие советники и участники королевских собраний, представители высшей знати и простого люда — все, кто попал под пожирающее действие черной магии. Не избежал прискорбной участи и мальчишка, который взнуздal БегГару коня в ту роковую ночь. Меня же, каким-то невероятным образом, это проклятие не коснулось.

Двор погрузился в траур. Несколько мучительно долгих дней прошли в изнуряющих обрядах захоронения. Из окна своих покоев я наблюдала за скорбной работой могильщиков, устанавливающих очередную надгробную эпитафию, которую аристократы щедро обливали слезами и осыпали белыми лепестками роз.

Когда вернулся отец, родные пенаты встретили его могильными тенями и шепотом молитв. Король собрал оставшихся в живых советников, и они долго обсуждали предательство Шампуса. Этим же вечером отец нанес мне визит. Я не спешила опровергать слухи, но и не подтверждала их. Не добившись от меня признания, отец передал эстафету матушке...

«...Не понимаю, кто в здравом уме способен полюбить черного мага?!» — восклицала

она, хватаясь за сердце. Пребывая в гнетущем молчании, я наблюдала за часами, стрелки которых приближались к полуночи...

Едва матушка покинула меня, как раздался робкий стук в дверь.

Сестра говорила много и долго, и каждое слово упреком вырывалось из ее груди. Ушла она с первыми лучами солнца, а я еще долго сидела, слушая предрассветное пение птиц...»

Откровения Мулоус потрясли меня до глубины души. Мое сердце колотилось, а мысли в голове путались. Покои казались душной клеткой, хотелось выйти на балкон и наполнить грудь холодным ночным воздухом, но я продолжала вчитываться в строки, пронизанные болью и чувством безысходности. Двор долго переживал трагедию, и все же, чем дальше уходило время, тем больше пробуждался интерес к жизни.

Двор набрал новых слуг. На конюшне сменили ворота и заперли их в ожидании подходящего дня, когда можно будет завезти молодых коней. Нерешенным оставался только один вопрос — никто не знал, что делать с черным хребтом, внутри которого теперь бурлил мощный источник темной силы. На нем редели леса, обнажая горную породу, из-под которой сочился бесконечный мрак. Вместе с растительностью бесследно исчезали и звери.

Однако, вопреки опасениям, черная магия не коснулась реки — ее воды все также оставались чисты и кишели рыбой. А над островерхими крышами дворца все также кружили птицы. Свободные от сердечной боли, они чувствовали себя гораздо лучше людей...

Истощенная болью окружающих, Мулоус черпала свои силы в бесконечных попытках создать уникальный, не задевающий ленту времени артефакт, способный перемещать своего обладателя в любую точку королевства. С малых лет она видела принципиальное различие между ограниченными и изменчивыми потоками магии и нашим безграничным и гомогенным миром эфира, а потому внушила себе, что нельзя отделить частицу «иной» магии и вложить ее в материальный предмет. Артефакт рыбешки заставил Мулоус пересмотреть свои возможности. Но несмотря на все свои старания, ей так и не удалось внедрить частицу своей энергии ни в металл, ни в дерево, ни в глину, ни даже в растение. Каждый раз пополняя коллекцию своих неудач, она смотрела на рыбешку, которая досталась ей от Шампуса, и снова бралась за работу.

Переломным моментом в ее жизни стал весенний бал, где дамы и господа впервые за долгое время сняли свои траурные одежды. Не получая никакого удовольствия от вечера, Мулоус порывалась покинуть веселье, когда ее остановил незнакомец. Он шагнул навстречу инфанте, галантно поклонился, вручил ей черный сверток и безмолвно растворился в толпе. Вернувшись в свои покои, она с замиранием сердца сорвала упаковку, внутри которой скрывался ценнейший дар — рукопись под названием: «Вершины мистического учения», и с головой погрузилась в загадочный мир, наполненный странной силой, прекрасно сочетающейся с разнонаправленными энергиями магического мира.

Рукопись оправдала самые дерзкие ожидания Мулоус. Она поняла причину своих неудач — невозможно наполнить то, что уже полно. Очень скоро она уже умела очищать материал от чужеродной энергии, наполнять его чистейшим эфиром и накладывать узконаправленные заговоры. Однако созданный ей артефакт все равно отказывался переносить испуганную служанку даже в соседнюю комнату.

В дальнейшем Мулоус получила еще несколько рукописей, и каждая из них хранила в себе недоступные обычным магам знания. Однако не только это стало доказательством истинных чувств темного. Вскоре она любовалась подвеской с камнем кроваво-красного цвета, который ограждал ее от каких бы то ни было проявлений черной магии. Однако то, что сделала Мулоус, меня удивило. Вместо того чтобы опустить подвеску на шею, она расковыряла каст, вынула камень, а после избавилась от золотой цепи, словно та ничего не стоила:

«Сжимая в руке кроваво-красный камень, я смотрю на эти белые листы. Я знаю, какие бы мысли я вам не доверила, вы сохраните их, все до последней буквы. Однако сейчас я нахожусь во власти эмоций, и я не знаю, как быть. С одной стороны, мне сложно

отказать себе в удовольствии увидеть того, по ком тоскует мое сердце, с другой, если что-то пойдет не так, я не хочу, чтобы моя семья страдала.

Не думала, что захочется рассказывать про свой первый «прыжок». К сожалению, память не позволяет мне детально вспомнить все обстоятельства, при которых мы с отцом оказались в темном лесу. Помню только, что наша лошадь повредила ногу, и нам пришлось оставить ее. Отец, склонившись надо мной, успокаивал, что бояться мне нечего, и что очень скоро мы отправимся домой, нужно лишь подождать, пока он поможет Заре (так звали нашу серую в яблоках). Он коснулся губами моего лба и пошел помочь кобыле, которая в попытках подняться, причиняла себе невыносимую боль. Оказавшись одна посреди черного леса, полного враждебных звуков, ощутив чужую обжигающую боль в груди, я в испуге сжала маленький камень, который подобрала на безлюдной дороге, когда мы останавливались на привал. Вдруг пространство омыло волной яркого света. Этот свет зажег землю, расцветив стволы и ветви деревьев, каждый листочек, каждую травинку. Свет был ослепительно ярким, и я зажмурилась. А когда открыла глаза, то поняла, что лежу на том самом месте, где подобрала камень. Мне стало легче, но всего на мгновение. Голова пошла кругом, из носа хлынула кровь, и я потеряла сознание. Тогда я была слишком мала, чтобы понять, что между камнем и местом где я его нашла существует связь.

Сейчас я это понимаю, и переместиться в пространстве для меня не составляет труда...

В тот день Мулоус снова решила на «прыжок». Когда это произошло, она поняла, что для правильной работы ее амулета необходим ориентир. И не важно какой формы и цвета он будет, ведь даже самый неказистый камень в ее руках будет работать.

Дело стало за малым — найти Шампуса. К счастью, на отрезанном от материка острове о черном маге знали абсолютно все.

Никак не ожидая увидеть возлюбленную, Шампус смотрел на Мулоус так, словно она была призрачным видением. Чувствуя острую потребность заполнить тишину Мулоус делилась последними новостями высшего света. Она рассказывала о многочисленной делегации, прибывшей из себрийской империи, и о торжественной церемонии передачи военных кораблей, построенных лариусскими умельцами. Ее рассказов хватило на целую ночь, а поутру она ушла, растаяв как дым.

Вернувшись, Мулоус долго подбирала форму для будущего артефакта: продумывала до мельчайших деталей, делала зарисовки, сидела у мастера ювелирного дела и каменщика, объясняя, что именно она хочет. Первому предстояло изготовить серебряную птицу, второму — сосуд из горного хрусталя.

Через день Мулоус снова встретилась с Шампусом, который ни на минуту не покидал ее мыслей. Энергия Шампуса не причиняла ей вреда, и как только черный маг это понял, им уже было не до разговоров.

Мулоус была достаточно хитра, чтобы не вызывать подозрения у домашних. Да и им было не до нее — король со своими подданными были заняты влиятельными гостями, стараясь делать все, чтобы добиться их благосклонности, ведь сохранение худого мира лучше доброй войны.

Как-то днем, когда Мулоус собирала в шелковый платок зерна мака, в сад вышел Салт де Фиер. Пряча зерна от его любопытного взгляда, Мулоус осторожно завернула края платка. Богатый выходец из империи улыбнулся и, не спуская с нее глаз, склонился в поклоне. Мулоус поспешила уединиться.

Затворившись в своих покоях, Мулоус открыла резную шкатулку с серебряной птицей внутри. Один за другим она «очищала» маковые зерна и наполняла их энергией эфира, пока они не начинали искриться. Она так и не успела доверху наполнить хрустальный сосуд, и горстка темных зернышек осталась лежать на платке, когда пришел доверенный слуга короля.

Через приоткрытую дверь она услышала обрывок разговора отца с имперцем, которому, как оказалось, очень понравилась инфанта. Похолодев от ужаса, она распахнула двери, и заявила, что ни за что не выйдет за Салт де Фиера. Той же ночью она, упав в объятия Шампуса, прорыдала на его груди до самой зари. Однако, как это обычно бывает, беда не

приходит одна, и вернувшись в свои покои, Мулоус обнаружила пребывающую в полубморочном состоянии матушку, зажимающую мертвенно бледными пальцами ее дневник, и отца, внимательно рассматривающего подаренные Шампусом рукописи.

«... Стоило нашим взглядам встретиться, я сразу поняла, что, если у отца и были сомнения, относительно моего брака, теперь их не осталось».

На этом повествование Мулоус обрывалось. Я перевернула залитую слезами страницу, и убедившись, что она пуста, закрыла дневник. Я знала, что случилось дальше. История донесла до наших дней события тех лет. Король действительно посчитал брак доверенного лица императора Себрии и инфанты Мулоус благоприятным стечением обстоятельств и, вопреки желанию своей дочери, благословил этот союз. Королевская чета занялась подготовкой к свадьбе. Однако, когда настал судьбоносный день, в распахнутых дверях торжественной залы появилась фигура черного мага. В тот день многие ощутили на себе всю жестокость выпущенной на свободу страшной силы. Шампус стер с лица земли себрийскую делегацию, не оставив и пепла от первых лиц могучей империи, уничтожил дворцовую стражу, и всех, кто пытался его остановить. Я помнила так же, что в том ожесточенном сражении при невыясненных обстоятельствах погибла и сама Мулоус.

Я потушила свечу и сжала на груди артефакт серебряной птицы. Перед глазами стали мелькать картины из необыкновенной жизни Мулоус. Она ведь любила Шампуса, любила глубоко и страстно. И это чувство было взаимным. Я будто слышала тихий смех Мулоус, которая в словах Шампуса видела признание в любви. Он говорил, что она болевая точка, которая сводит его с ума. Она с улыбкой на устах отвечала, что тоже любит его. Однако этой любви не суждено было выжить.

Стало трудно дышать, я в потемках накинула плащ и вышла в сад. Бредя по узкой каменной дорожке и пытаясь утихомирить беспокойное сердце, я не сразу заметила Шампуса. Удерживая меня взглядом, он вышел из темноты и склонившись так, чтобы я смогла почувствовать ток его черной энергии, тихо и спокойно произнес:

— Это я убил Мулоус.

Глава 32

Не дав мне опомниться, Шампус добавил:

— Твоим выбором всегда будет тьма.

Голос темного, словно льющийся воск, обездвижил и раскалил прохладный воздух, заглушив аромат просыпающегося сада. Я словно очутилась в непроницаемом коконе тумана, где многократным эхом повторялись эти страшные слова, съедая способность мыслить, стирая волю в прах. Вдруг что-то во мне стало меняться, но набежавший свежий ветер унес с собой неясное чувство тревоги. Я пошатнулась. Шампус поддержал меня одной рукой, второй успокаивающе коснулся моих волос и чуть заметно усмехнулся.

— Тебе нужно отдохнуть. Идем, я провожу тебя...

Ранним утром я уже крутила в руках артефакт Мулоус, поворачивая его то одним боком, то другим, любовалась гармоничной игрой зернышек, очерченных высшим светом эфира. Я уже знала, для того чтобы оживить эту силу, мне необходим камень, добытый в самом дальнем уголке нашего мира. Тут же пришла идея навестить Коммела Фонранта. Сердце зашло от предвкушения запустить свои ручки в коллекцию его камней. К счастью, судьба оказалась ко мне благосклонной, и я застала мага на больничной койке.

Неторопливо макая имбирное печенье в вино, добродушный лекарь как раз уговаривал босого аристократа пройти по палате, чтобы оценить проделанную работу. Справившись о здоровье больного, я присела в заботливо предложенное лекарем кресло, и призвав на помощь все свое самообладание, завела непринужденную беседу. Комелл слушал молча, периодически бросая на меня напряженный взгляд. Когда же он смекнул, что может отделаться от меня всего одним камнем, тут же протянул бархатный мешочек с разрешением забрать их все.

Радости моей не было предела!

Вернувшись к себе, я вытряхнула содержимое мешочка на кровать, застеленную множеством покрывал. Мне повезло — здесь были редкие экземпляры: янтарь, радужный обсидиан, хрусталь, проросший тончайшими иглами кристаллов, и даже зеленый сапфир с уникальным, не побоюсь этого слова «лукавым» отливом. Камень почему-то напомнил мне взгляд Фициона, и не задумываясь, я выбрала его.

Накинув на плечи белоснежное меховое манто, я вышла на открытый балкон и, сжав на груди артефакт Мулоус, устремила взгляд в бездонное синее небо. На короткий миг я представила себя птицей, готовой распахнуть свои широкие крылья навстречу свободе. Я даже услышала, как в хаотичном шуме воды растворяются последние секунды, отделяющие меня от мечты.

— Молю, только не подведи, — прошептала я, после чего активировала артефакт, вдавив сапфир в «корону» шипов, сформированную на голове серебряной птицы, и к моему невообразимому счастью растаяла в воздухе подобно Мулоус.

Я даже успела почувствовать волнующую радость парения. Как вдруг недоступная моему пониманию сила сдавила грудь, и все вокруг заволочло отвратным черным туманом.

Тьма отступила, впечатав меня в жестокую реальность.

— Следовало ожидать! — нервный смешок сорвался с моих уст, и я уронила голову на грудь темного.

Собственная глупость меня позабавила. Ну правда, неужели Шампус позволил бы столь раритетному артефакту, аналогов которому нет в мире, перейти в мое безграничное пользование, не будучи уверенным, что его действие не распространяется на весь дворец?! Чувствуя, как радость сменяется злостью и разочарованием, я попробовала выскользнуть из объятий темного, но сильные руки Шампуса удержали меня на месте.

— Простите что без предупреждения навестила вас, — начала я учтивым тоном. — Я

пока плохо понимаю, как это работает...

Глядя на серебряную птицу, я внимательно всмотрелась в чистейшей воды горных хрусталь, в котором большая часть маковых зерен вернула себе привычный черный цвет.

— Сбежать не получится, — озвучил мои мысли Шампус. — Свобода к которой ты стремишься — всего лишь иллюзия. Ты умная девочка. Не обманывай себя. Не пытайся схватить в воде отражение луны.

Слова Шампуса оставили меня совершенно равнодушной. Мне мало дела до «луны и ее отражения», когда нить моей жизни зажата в руках бессменного короля, черная аура которого с жадной обволакивает мое тело всякий раз, когда я оказываюсь близ него. Сегодня Шампус особо нуждался во мне. Я чувствовала воздействие его темной силы — оно причиняло мне физическую боль.

Понимала я и то, что поцелуя не избежать.

Небесные, как же я хочу сказать «нет».

Ненавижу темного.

Ненавижу его разрушительную ауру.

Ненавижу его губы, его колючую щетину ненавижу тоже, — думала я, внутренне вся сжимаясь. И какого же было мое удивление, когда Шампус, не позволив ни одного лишнего прикосновения, меня просто отпустил. Отступая, я невольно ускорила шаг, резко распахнула дверь, но вдруг обернулась и тихо спросила:

— Мулоус. Вы сказали, что убили ее. Но это не может быть правдой? ... Вы могли погубить всех, но только не ее.

— Это было непросто.

— Я не верю.

Шампус вышел на узкий балкон, оставляя мне выбор, сбежать или пойти за ним. Я не любила ничем не сдерживаемую высоту (слишком много негативных воспоминаний), однако окинув взглядом утопающий в темноте лестничный пролет, тихо закрыла дверь.

— Я мог сделать ее счастливой, но Мулоус решила иначе.

Шампус подал мне руку, и я ступила на балкон.

— Она была слишком встревожена здоровьем своей матушки, и тем, что продолжает причинять ей боль. Она любила ее. Любила так сильно, что готова была принести себя в жертву, лишь бы положить конец ее страданиям...

— Мулоус дала свое согласие на брак с имперцем, — догадалась я.

— Это был ее выбор. Вот только я... не смог уступить ее другому. Владея неограниченной силой, движимый ревностью, я ворвался в церемониальный зал, чтобы уничтожить Салт де Фиера. Она встала на пути выпущенного мной смертоносного заклятия... С последним ее вздохом, я впервые потерял контроль, и черная всепожирающая энергия взяла верх над разумом. Многие в тот день взглянули в лицо неизжитой Тьмы и погибли.

В словах Шампуса не было ни сожаления, ни ненависти, ничего. Воспоминания не причиняли ему боли, ведь вместе со своей любимой он похоронил и свою душу.

Моя рука поднялась и коснулась щеки Шампуса, и в этом жесте я не узнала саму себя. Мгновение и привычный мир расцвел чудесным неземным светом, который никому кроме меня не дано было видеть. Сильнее и ярче всего сияли артефакты. Они буквально разлились плотным радужным ореолом, вместившим в себя невероятное количество разнонаправленной магии, сплетенной меж собой энергией эфира. И я коснулась этой энергии. Коснулась осторожно, словно боялась повредить древний узор, проросший на тончайшем крыле бабочки, боялась нарушить его гармоничное звучание.

Чужая, отмеченная эфиром магия, проникла сквозь кончики моих пальцев. И я выпустила

эту магию в себя. Впустила ее в свои вены.

Огненный ветер обжег мои легкие, черная вода наполнила тело прохладой. Игла мертвого знания царапнула душу, вынуждая набрать полную грудь воздуха, но тут же магия земли, сплетённая с магией духов, очистила, успокоила, и вернула меня в реальность. Всего на миг. И меня вновь накрыло волной могущественной силы.

Во мне сплелись свет и тьма, вода и пламя, жизнь и мертвое знание...

Эта сила принадлежала мне одной, и она мне нравилась. А я ей.

— Останови это, — вдруг крикнул Шампус.

Он не мог видеть эфир, однако прекрасно видел магические потоки, которые сейчас бурлили внутри моего универсума, образуя нечто ослепляющее светом и обжигающее своей мощью.

Контролировать этот процесс мне становилось все сложнее, и я попыталась подчиниться приказу короля. Вот только сил «свернуть» эту энергию мне не хватило, и тогда я направила ее в Шампуса.

В тот же момент он вздрогнул, его аура уплотнилась, непробиваемой броней закрывая хозяина. Не найдя выхода, энергия осталась во мне, готовая разорвать мои внутренности. Вены на руках и шее вздулись, и я закричала.

Если бы я знала, что будет так больно...

— Избавься от этого, немедленно! — заорал Шампус.

Еще одна попытка оборвать поступающей в мое тело поток энергии, отозвалась во мне испепеляющей сознание болью. В этот момент я поняла, что не справляюсь. Я столько всего хотела сказать, но в итоге лишь захлебнулась собственной кровью.

Шампус знал на что идет, снимая с себя защиту. Другого способа подавить эту дикую магию, растущую в универсуме смертной, не было.

Ухватив за рукав, он бросил меня в свои объятия.

На лицо опустились холодные пальцы, ледяные губы прижались к моим, утягивая меня во тьму.

В этот момент я готова была потерять сознание или даже умереть, но секунды складывались в минуты, а этого не происходило. Я безвольно лежала на коленях Шампуса, чувствуя лишь раздирающую боль в груди, которая постепенно гасилась темной энергией мага.

— Все хорошо. Дыши... — он нежно стер слезу с моей щеки, и больше не произнес ни слова.

Глава 33

— Активированы все разом, — голос Валтора звучал ровно, однако удивление в его глазах было заметно. — Впервые сталкиваюсь с подобным явлением.

Личный секретарь короля рассматривал стеллажи с артефактами, история которых насчитывала не одну сотню лет. Наконец, он обернулся и поглядел на Шампуса. Король сидел на мраморной плите пола, спиной упираясь в стол. Его обожженная кисть лежала на кроваво-красном камне, блокирующем воздействие ауры смерти.

— Изрядно тебя потрепало.

Шампус поднял на Валтора взгляд, углы его губ дрогнули в улыбке.

— Отнеси ребенка к лекарю. Нужно нейтрализовать вред прежде, чем он станет необратимым. И возвращайся. Мне нужна твоя помощь...

Валтор не успел ничего предпринять, так как на пороге появилась камеристка. Она, как и секретарь сразу пришла на зов, которым послужил направленный на нее сгусток темной силы.

— Глазам своим не верю! — не удержалась от восхищенного возгласа Велория. — Это ведь невозможно!? Чтобы все артефакты... и разом...

Обернувшись к королю, она вскрикнула от неожиданности:

— Ваше темнейшество?! Боги! Я помогу...

Велория кинулась к королю, но тут же была остановлена грубым:

— Не подходи. Это опасно.

— Но ведь...

— Не шуми, — Шампус скривился от боли. — Отправляйся с Валтором и проследи, чтобы девчонка, когда придет в сознание, не навредила себе.

— Ваше темнейшество... — негромко произнесла Велория, глядя на окровавленную руку монарха. Она чувствовала, что нужна здесь. Она могла помочь. Она обладала всеми необходимыми для этого знаниями и опытом. И она достаточно долго служила королю, чтобы соизмерять свои силы с возможным риском.

— Я надеюсь на тебя, — улыбнулся Шампус. — Идите.

Валтор подхватил тело, безвольно лежащее на узком балконе башни, и в сопровождении камеристки покинул покои монарха.

Стоило мне разлепить глаза, как Велория тут же принялась хлопотать вокруг меня. Я же лежала точно окаменевшая, распахнутым взглядом уставясь в потолок, и только слезы ручьями стекали в подушку.

— Не реви, — одернула Велория, нависая надо мной. — Это не конец. Да и боли ты чувствовать не должна. В тебе солидная доза обезболивающего.

Я и не чувствовала. Ничего. Кроме привкуса крови на губах и отвратного запаха обожжённой человеческой плоти, смешанного с запахом спирта и еще чего-то, не разобрать.

— Раздражает? — Велория понимающе улыбнулась. — И меня. Вот только это вотчина нашего лекаря, а у него особое отношение к запахам. Запахи его помощники в делах исцеления... — пояснила она и тут же добавила:

— Сказать по совести, наш достопочтимый лекарь знаток по части вин. И если мы «навесим» развеивающие заклинания, то сникнет он, как крапива после первых заморозков. Для него вино без аромата, что напиток без души...

«Какое мне дело до вашего лекаря и его пристрастий?» — подумала я, презрительно скривив губы.

Заметила. Замолчала. Склонилась чуть ниже и ласково так спросила:

— Как твое имя, дитя?

Я непонимающе уставилась на Велорию. Она отступила, изящным жестом одернула короткий пиджачок и опустилась в кресло возле моей кровати.

Пытаясь восстановить в памяти все, что произошло, я вспомнила лишь боль, которая не умещалась в сознании. А потом на мою грудь опустилась рука Шампуса, и меня поглотила тьма... И вдруг у меня пазл сложился. Я отключилась и утратила контроль над иллюзией. И теперь Велория видит, кто я. Они все видят!

«Мое имя и все, что с ним связано, тебя не касается!» — хотела сказать я, но из горла вырвался лишь сухой хрип.

Это испугало меня.

Я попыталась приподнять голову, но она не сдвинулась с места. Ни руки, ни ноги не шевелились. Проклятое тело меня не слушалось, оставаясь беспомощно лежать на постели.

Испуг перешел в панический ужас. Открылась незажившая рана. Рот вновь наполнился кровью. Я стала задыхаться.

Побледнев, Велория быстро, но аккуратно перевернула меня на бок, и это помогло мне сделать резкий короткий вдох. Она держала мою голову, пока я заливала кровавой жижей ее брюки и пол. Когда меня отпустило, Велория с поразительной ловкостью и уверенностью стала перебирать стоящие на прикроватном столике ярко синие бутылочки с широкими горлышками. Откупорив нужную, она втерла в мои виски какую-то дрянь, снимающую тревогу и эмоциональное напряжение. Глаза медленно сомкнулись, и я провалилась в сон.

Велория еще долго потом стояла у распахнутого окна в попытке успокоить свои трясущиеся руки.

Какого черта, думала она, пряча руки за спину и сцепляя их в замок.

— Какого черта!

Второе пробуждение оказалось менее тревожным. Велория была молчалива и старалась лишний раз на меня не смотреть.

Я прислушалась к себе. Ничего нового. Мое застывшее тело все так же было недвижимым, а вот запах его насторожил. Он изменился, со всей очевидностью доказывая мне, что что-то действительно идет не так.

Выходит, вред не устранили и беду не отвели, думала я, продолжая слезящимися глазами смотреть в потолок. Хотелось вернуть контроль над своим голосом и над своим телом. Но больше всего хотелось вдохнуть живой и невесомый аромат свежесрезанных роз. Я даже представила, как сжимаю в ладони хрупкие лепестки, наслаждаясь их нежным успокаивающим ароматом...

Дверь скрипнула, и в комнату в сопровождении лекаря вошел некромант.

«Силен», — заметила я, однако стоило нашим взглядам встретиться, как я поняла зачем он здесь.

«Ну, нет! Это запрещено законом! Я не хочу! Не желаю становиться частью его мира!» — хотела заорать я, но горло по-прежнему выдавало лишь надсадные хрипы. Пришлось сделать усилие над собой и затихнуть. «Нет, мне нельзя паниковать и снова терять связь с реальностью. Отключусь и проснусь уже в мертвом теле, со сломанным, измененным, изувеченным сознанием, в которое эта мразь, по приказу его темнейшества, внедрит неизвестно какие запреты».

Велория встала у изголовья и сказала мягким и проникновенным голосом:

— Ты нуждаешься в некроманте. Тебе не выжить без него. Мы больше месяца боролись за тебя. И продолжаем бороться. Понимаешь? Ты понимаешь?

Готова спорить, вам бы было куда удобнее «бороться», если бы я не пришла в сознание? Молча сделали бы порученное вам дело и забыли о нем.

Во взгляде Велории мелькнуло подобие сочувствия.

— Пойми, мы не можем проиграть. Прими это. И помоги нам вернуть тебя к жизни...

«Возродив из смерти?!» — закончила я, зло сверкнув глазами.

Думаешь я настолько глупа, и не понимаю, зачем вы притащили ко мне некроманта? Вы решили меня умертвить! Чтобы после, пока еще душа не покинула мое тело, воскресить! Это ты называешь — «вернуть к жизни»?! А если что-то пойдет не так? Я не хочу становиться безвольным, разлагающимся зомби!

Велория отошла от кровати, предоставляя некроманту делать свою работу.

— Больно не будет, — ехидно заметила эта тварь, закатывая рукав черной рубашки.

«Черта с два! Лучше сдохнуть, — подумала я, но тут же себя одернула. — Тогда из меня точно соберут лазара».

Обнажив клинок, некромант попытался меня успокоить.

— Незачем бояться, — сказал он, видимо считая меня глупее овцы.

Полоснув клинком по ладони, он положил мне руку на лоб. Я невольно закрыла глаза, чувствуя, как на веки вдоль носа стекает струйка его горячей крови. С высокой точностью он творил сложнейшее заклинание, структура которого росла и уплотнялась, медленно связывая мое сознание. Это был первый шаг, основа, подготавливающая жертву к тому, чтобы свободно и без помех провести ее по ритуалу.

Вдруг стало очень холодно. Медлить было нельзя. Требовалось сделать хоть что-то чтобы нарушить, оборвать эту связь, но я не знала, как. Невозможно одолеть некроманта, когда ты даже пальцем пошевелить не в силах.

— Идеальная пациентка. Ваши опасения были напрасны, — сказал некромант обращаясь к лекарю, и в его голосе я уловила восторженные нотки.

Его паталогическая наглость и чувство безнаказанности шокировали меня. Не отдавая отчета в своих действиях, я «пинком открыла двери» в иную реальность. Ни Велория, ни лекарь, ни тем более приглашенный монархом некромант не были вхожи в нее, а потому не могли вступить с ней в контакт. Со мной все было по-другому. Эфир был частью меня, и я решила потратить остаток сил на борьбу. Я потянула на себя тончайшие нити эфира, наполняя им свое тело и выжигая структуру, которую вновь и вновь выстраивал некромант. И мне стало плевать на последствия. Уж лучше рискнуть и погибнуть, чем стать королевским лазаром.

— Скажите мне ее имя? — неожиданно потребовал некромант, продолжая с каким-то яростным упрямством давить на меня силой своего мертвого знания.

— Не могу знать, — растерянно сказал лекарь.

— Мы не знаем имени, данного ей от рождения. И мы не можем так рисковать, — вмешалась Велория.

— Уверены?

— Меня беспокоит ваше злоупотребление мертвым знанием... — осторожно начал старый лекарь, как был перебит Велорией. Вскинув руки, которые тут же обьяло рыжее пламя, она в упор глядя на некроманта, потребовала:

— Отойди от девчонки.

Глава 34

Эфир, который получило мое тело принес неоспоримую пользу. Увидев, как исчезает в свете моего эфира черная энергия Шампуса, лекарь изменил свое решение.

— Я дам тебе еще один шанс, — с надеждой в голосе сказал он, и целиком погрузился в мое лечение.

Потянулись мучительные дни ожидания. Я старалась не думать о своем немощном теле. Старик-лекарь был лучшим в своем деле — казалось, он знал все о человеческих органах, болезнях и способах их лечения, — и он из кожи вон лез в попытках возродить мое тело. Сутки напролет он просиживал в полутемном хранилище, пытаясь повысить эффект своих настоев, экстрактов и соков, которые я принимала с благодарностью, и не важно сколь горькими и пахучими они были. Сказать по правде, я была готова пить даже болотную воду с плавающими в ней жабами, лишь бы вновь не встретиться с некромантом.

Однажды утром ко мне вернулась способность говорить, и я сразу потребовала принести мне серебряную птицу, которую я получила в дар от короля. И только получив артефакт и заметно успокоившись, я решила поговорить о своем здоровье. Прибывающий в благодушном настроении старик-лекарь заметил, что специализируется лишь на болезнях тела. Меня же принесли к нему не только с ужасными ранами, покрывающими мое тело, но и с еще более глубокой травмой энергетической оболочки.

Лекарь не знал, что случилось тогда в покоях монарха, однако это не помешало ему озвучить свои догадки, благодаря которым я смогла нарисовать полную картину. Там на башне мне удалось впустить в себя и даже создать некий симбиоз из мощных, разнаправленных энергий. Эта нестабильная, растущая в моем теле сила готова была меня прикончить, и если бы не своевременное вмешательство Шампуса, я бы проиграла. Меня не интересовали жертвы, на которые пошел Шампус, главное, что я осталась жива. Однако, как оказалось, впустила в себя большое количество черной энергии, против которой лекарь был абсолютно бессилён. Лекарь боролся за мою жизнь, но лучше мне не становилось. И тогда Шампус обратился к услугам некроманта, но тут мое тело напиталось живительным эфиром, растворив черную энергию Шампуса, и ничего более не мешало лекарю делать его работу.

— Что с королем?

— Наш король здравствует, а в гости не жалуется лишь потому, что боится нарушить хрупкий энергетический баланс твоего организма.

Другими словами, Шампус ждет, когда я окончательно поправлюсь.

Я и поправлялась. Мое тело крепло, а вместе с ним крепло и желание сбежать. Сбежать от Шампуса. И не важно куда, лишь бы только сбежать...

— Валтор?

Валтор пошарил в нагрудных карманах, к которым так и не смог привыкнуть, перешел комнату и протянул королю сверток.

— Здесь все указания.

— Указания? — ухмыльнулся Шампус. — Были времена, когда они боялись слово лишнее сказать. А сейчас — указывают.

Сорвав восковую печать Совета, представляющую собой круг с девятью клинками, Шампус расправил лист и углубился в чтение.

Валтор отвернулся к артефактам, малая часть которых оставалась все еще активирована, и голосом, лишенным эмоций, сказал:

— Если ты откажешься передать им «иную», они вынуждены будут забрать ее силой.

— Надо полагать, они придут в полном составе? — спросил король, не отрываясь от

чтения.

Несколько минут прошли в полной тишине.

— На этот раз они превзошли себя, — наконец сказал Шампус. — Раззвонили на все королевство, что во дворце проживает «иная». Потребовали подчиниться закону и передать им девчонку. Даже дату назначили.

— Что будешь делать?

Шампус улыбнулся своим мыслям. Медленно разорвал лист и бросил клочки на пол.

— На их стороне закон, — Валтор развел руками.

— Закон давно требует изменений.

— Народ встал на сторону Совета.

— Все к лучшему. Я давно планировал послать вооруженную армию магов на помощь императору. Империя переживает тяжелые времена. Наш долг поддержать большого брата, несмотря на все наши разногласия в прошлом.

— Выходит, ты не намерен отступить.

— Они ее не получают.

И дело не только в «иной».

Власть развращает. Абсолютная власть доводит до маразма. Девять хранителей первичного знания возглавляющих Совет Судеб, только и ждут дня, когда смогут сместить его. Ненасытные ублюдки в выбеленных тогах искренне верят в то, что им по силам изгнать повелительницу Мрака и ее демонов обратно в низшую сферу. Что ж, он не позволит глупцам объединить энергию своих универсумов, не позволит воссоздать мистическое оружие, не позволит вновь открыть портал между мирами. Хотят создать новый мир и встать во главе его? Пусть катятся в бездну. Он их проводит.

— Совет не раз отступал передо мной, подавляя свою ненависть. Отступит и сейчас, — рассудил Шампус.

— Меня пугает твое спокойствие, — помертвевшим голосом произнес Валтор.

Я положила ладонь на стекло, которое служило границей, разделяющей мир сумрачных гор, залитый яркими красками свободы, и серый безрадостный мир реальности, сковывающий мою жизнь дворцовыми стенами.

«Как мало времени осталось» ... — думала я, ощущая, как проникает в меня холод оконного стекла.

Ночью кто-то принес старику-лекарю травяной настой. Мужчины тут же ввели его в вино и разлили напиток по глиняным кубкам. Притворяясь спящей, я слушала тихие голоса, которые доносились из-за приоткрытой двери хранилища. Лекарь пил не спеша, он рассказывал состав новой мази, которая хорошо справлялась с гнойными ранами, а когда вино немного развязало ему язык, поделился своим горем, как он до седьмого пота трудился, чтобы вернуть меня к жизни, когда шансов на успех практически не было. А когда ему удалось одержать победу над смертью, он узнал, что во дворец прибывают девять хранителей первичного знания... Нет, предать смерти «иную», чтобы не выпустить на свободу все зло низшего мира, дело, конечно, хорошее, но он потратил столько сил, чтобы удержать в моем теле искру жизни! Лекарь хмелел и говорил снова и снова, но я уже не слушала его...

С первыми лучами, я, утомленная долгой и напряженной ночью, проведенной в раздумьях, потребовала вернуть меня во дворец. Лекарь попытался меня удержать. Он говорил, что еще не время, что мое тело слишком слабо — ведь я даже ходить не могу без помощи, — но я стояла на своем. И старик уступил.

Поддерживая под руку, Велория сопровождала меня в королевские покои. Я оглядела

комнату. В ней ничего не изменилось: угловой диван и кресло, обитые изумрудным аскамитом, ширма, резной столик и корзинка с охапкой свежесрезанных роз, наполняющих комнату теплым нежным ароматом. Все было таким же, за исключением существа, которое холодно-безучастным взглядом смотрело на меня из зеркал: худые щеки, заостренные скулы и белая кожа, которую закрытое серо-жемчужное платье из дамаска сделало просто прозрачной. И это прозрачное существо было мной.

«Нужны шпильки», — думала я, приглаживая безжизненно-тонкой рукой небрежные прядки.

— Тебе нужно поесть, — сказала Велория.

— Спасибо, не голодна.

Вскоре подали мой любимый чай с ароматными медовыми шариками, сдобные булочки с яблочным соусом, фрукты, и сыр с медом. Не поднимая головы, одна из прислужниц поинтересовалась, желает ли госпожа что-нибудь еще.

«Госпожа?» — мысленно повторила я, скрывая свое удивление.

Болезнь заставила меня сбросить личину Ликерии. Я больше не ваша королева, но вы, словно театральные куклы в руках короля, встречаете меня низкими поклонами и продолжаете называть своей госпожой.

Должно быть непросто прислуживать «иной»?! Впрочем, долго это не продлится.

Завтрак уже ждал меня на диванном столике, а я недвижимо стояла у окна, вглядываясь в пейзаж. Всегда одинаковый не зависимо от времен года, наполовину темный и наполовину светлый, он под дождями и солнцем каждый раз был непредсказуемо прекрасным: обнаженную без единого островка зелени каменную плоть, застывшую в траурном облачении, венчала светлая корона вечного неба. Но тут я вдруг вспомнила несчетное количество тел, упокоенных в мрачной и жутко холодной пещере, и картина вмиг утратила свое величие.

Тонкие пальцы сжались в кулак.

— Что тебя беспокоит? — спросила Велория.

Камеристка сидела на моей постели, расслабленно покачивая ногой. Она не могла знать о подслушанном мной разговоре. Не догадывалась она и о мыслях, которые роились в моей голове.

Пришлось сделать над собой усилие, и с рисованной улыбкой, бросить на нее растерянный взгляд:

— Какой сегодня день? Я потеряла счет времени...

— Второй день первого весеннего месяца.

Я кивнула, больше ничего не сказав.

В этот момент я поняла, что очень устала. Устала от бесконечных угнетающих мыслей, от бессильного, обезображенного болезнью тела, от пустого и разрушительного чувства надежды. Я столько сил потратила на борьбу со смертью, а что имею в итоге? ... Мама часто говорила мне, что я обладаю уникальным и неповторимым даром. Что я не такая как все. Но что в этом хорошего? Какую бы я не выбрала дорогу, каким бы путем не пошла, все сводится к одному: помост с немногочисленными зрителями, облаченными в белые тоги, костер, с играющим до небес пламенем и сожженное до неузнаваемости тело. Мое тело.

«Чертов Совет! Чертовы ублюдки в белых одеждах. Да пропади они все пропадом! — в сердцах воскликнула я. Взгляд упал на серо-аметистовый эфес меча, и я со странной отчужденностью подумала: — Ну нет, я не доставлю им такой радости. Они не получают меня».

— С отъезда Ликерии ты ни разу не обнажила его, — проследив за моим взглядом,

сказала Велория. — Я унесу его.

«Конечно. Мне он ни к чему», — подумала я, но тут мне в голову пришла догадка. Неужто Велория боится, что я окроплю лезвие «Лунного цветка» своей кровью? ... Но это же глупо! Меч может забрать мою жизнь, но не душу, и ничего не помешает монарху вновь пригласить некроманта. Для меня этот меч — бесполезный кусок железа.

«Но за идею спасибо!» — подумала я, озвучивая твердое «нет».

— Нет? — не сдержала удивления Велория.

— Это не просто меч. Это уникальное оружие отличное от остальных железных братьев, которое преподнес Ликерии ваш кузнец.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Считаю правильным вернуть меч хозяину.

— Ты выбрала не самое удачное место для оздоровительного променада, — заметила камеристка, слегка нахмутив брови.

— Ты права. На это мне не хватит сил, даже с твоей любезной помощью, — поникшим голосом сказала я, вспоминая длинную местами круто изгибающуюся лестницу со стертymi ступенями, ведущими к самому берегу реки, — поэтому я вынуждена просить тебя исполнить мою просьбу.

Ощувив на себе задумчивый взгляд Велории, я ласково прощлась пальцами по утяжеленным серебром ножнам.

— Он должен храниться у своего создателя, и ни у кого другого. Отнеси меч кузнецу, а я тем временем с удовольствием съем свой завтрак.

Стоило Велории удалиться, как я сразу про нее позабыла. Набрал полную салфетку медовых шариков, я в компании Мели спустилась в конюшню, где меня дожидались гордые представители салтедской верховой. Лошади изящно выгибали шеи, слизывая с моих ладоней лакомство. Я рисовала улыбку и протягивала им медовые шарики, пока они не закончились. Пришлось просить Мели сбегать за сахаром.

— Мели, — ласково обратилась я, — я давно не получала такого удовольствия. Пожалуйста, не заставляй меня тащиться на кухню самой. Это будет настоящим испытанием для моего тела.

Как бы быстро Мели не бегала, а этого времени хватит, чтобы забрать из пустующего стойла клинок и закончить свою жизнь.

— Спасибо тебе, Мели. Ты милая и добрая девушка.

Мели широко улыбнулась, отчего на ее щеках появились соблазнительные ямочки, и убежала. Я убрала с лица улыбку и толкнула металлическую решетку пустующего стойла.

Клинок, целиком выполненный из стали, был направлен острием в грудь. Вот только я никак не могла заставить себя нанести последний удар. И тогда я попыталась воскресить в памяти подробности казни, которую устроил Совет Судеб в день моего совершеннолетия. Я вспомнила, как выгибалось в агонии скованное цепями тело заключенной, которую моими стараниями приняли за «иную», вспомнила ее нечеловеческие, раздирающие душу крики, и смрад, который источала ее обугленная плоть.

«Нет. Я не выдержу пытки огнем».

И все же я медлила.

«Сейчас, пока у меня еще есть эта возможность».

Так уж вышло, что со здоровьем я безнадежно утратила и веру в свои силы, и я понимала, что мне не сбежать. Болезнь сильно ослабила меня, я потеряла в весе и плохо

владела своим телом.

«Ну же!» — мысленно закричала я, чувствуя, как от напряжения начинают дрожать руки.

«Ты наконец-то решила сделать что-то полезное для этого мира? — малодушно протянул внутренний голос. — Ну тогда без меня. Я не могу позволить клинку забрать вместе с твоей душой еще и частицу себя».

Я застыла, на мгновение прислушиваясь к себе. Разве эти мысли могли быть моими?

«Кто ты?»

«Тот, кто тебе был нужен, пока ты не решила помочь Совету уничтожь еще один «ключ», открывающий врата глубин ночного мрака».

«Какой еще ключ? Не понимаю, о чем ты?»

«Опусти клинок, — приказал непонятно кто поселившийся в моей голове. — Тогда и поговорим».

Я разжала пальцы, выпуская лезвие...

Велория застала нас в конюшне. В этот момент Мели держала за переносицу гнедого, не подпуская его к кормушке, в которую я вытряхивала последние кубики сахара. Смерив прислужницу недобрым взглядом, Велория хотела что-то сказать, но едва слышный стук копыт донесшийся откуда-то издалека привлек наше внимание. А следом за ним раздался звон вестового колокола.

— Уведи «пресветлую», — вдруг приказала камеристка.

Я видела, как меняется лицо Велории, как сквозь привычную маску спокойствия проступает тревога. Я слыша тихий исполненный мольбой голос Мели, которая подхватив под локоток, пыталась куда-то меня увести. Реальность вдруг стала восприниматься мной в каком-то замедленном темпе, но длилось это недолго; я сделала пару шагов, и все стало на место.

— Мели, я должна видеть, что там происходит.

Вместе мы поднялись на смотровую площадку, откуда открывалась занимательная картина — длинная лента всадников спускалась к подножию черного хребта. Как и полагается, хранители первичного знания были в белом и без металлического оружия. Их лица были сованы масками холодного спокойствия, тогда как универсумы буквально кипели энергией. Казалось не кровь, а чистая энергия течет по их жилам. Их боевые кони не имели защитных доспехов. Широкие груди салтедцев украшали куски белой кожи с протравленным орнаментом, изображающим круг с девятью клинками.

Всадники въезжали на мост, и исчезали, скрываясь за каменной кладкой стены, соединяющей укрепленные внешние ворота с внутренними, и появлялись уже внутри двора. И ничего не препятствовало их вторжению! Наоборот, сам БегГар Шампус встречал их.

БегГар... На мгновение мелькнула мысль, что было бы неплохо находиться под покровительством монарха. Однако развить эту тему я не успела, взгляд приковала фигура, стоящая по правую руку от Велории.

«Валтор? Ты ли это? — спросила я у скрытого за пеленой иллюзии лазара, словно он мог меня слышать. И тут же едва не расхохоталась в голос. — Валтор! Чтоб тебя черви съели!»

«Время уходит», — напомнил голос внутри меня, и веселье мигом сошло с лица.

— Мели, сколько сотен собрали, как думаешь? — спросила я, медленно отступив от перил.

И пока Мели, вытянув шею, всматривалась в толпу, я сорвала с лодыжки клинок. Ничего

не подозревая, Мели обернулась. Блеснул клинок. Наделенное нечеловеческой остротой, жаждущее крови лезвие, легко и по самую рукоять вошло в грудь прислужницы.

Онемев от ужаса Мели смотрела на меня широко распахнутыми глазами. Казалось, еще немного и по ее детским щекам, усыпанным желтыми веснушками, побегут слезы.

— Прости... — сказала я, укладывая оседающее тело Мели на пол. — Прости, если сможешь. Мне тяжело далось это решение. Я не хотела, но такова цена моей свободы.

Красивые глаза Мели закрылись, и она испустила последний вздох. Впервые в жизни я наблюдала, как частица божественного огня покидает физическую оболочку и становится пленницей клинка. Вдруг, я совершенно отчетливо поняла, выковать такой клинок могли лишь свирепые порождения тьмы — ведь только Леги способны вместе с жизнью мага отнимать шанс на перерождение его души. И тут же в позвоночник вонзились холодные иглы страха:

«Что если отсутствие души повлияет на ритуал?»

«Душа не нужна, — сказал голос внутри меня, — нужна кровь».

«Тогда поторопимся. Мы должны завершить ритуал до того, как нам помешают».

Я как могла скрыла все происходящее за пеленой иллюзии, но впереди ритуал, и как только я открою доступ инфернальной силе и призову демона, все непременно это почувствуют.

«Очерти круг».

Я погрузила пальцы в кровавую лужу, в которой лежало бездыханное тело Мели, и пребывая в мрачной решимости закончить начатое, исполнила приказ.

«Проставь магические знаки ориентируясь на стороны света».

В следующее мгновение в мое сознание вторглась картина поразительной точности, не позволив мне запаниковать.

Пальцы скользили по камню с поразительной быстротой копируя символ за символом. Плиты пола были плотно подогнаны друг другу, образуя единый холст, на безмолвную поверхность которого неровным слоем ложилась кровавая краска. В лучах утреннего солнца кровь быстро темнела, и символы приобретали матовый оттенок.

Я не совершила ни одной ошибки, не забрала ни одной лишней секунды. Закончив последний, одиннадцатый, я призвала демона. Воздух в пентаграмме вскипел, символы взорвались обжигающим светом. Тишина, завернутая в кроваво-красный цвет, оглушила меня. Вихрь зловещей пыли ослепил. Налипая на бледную тень, незримо стоящую за моей спиной, кровавая пыль придавала ей форму лишь частично повторяющую человеческий облик.

Повинуясь тяжести костлявой руки на своем горле, я запрокинула голову. Виска коснулись холодные губы, на миг затмив сознание ощущением ледящего ужаса.

Всегда безмолвное нутро башни сотряс топот сапог. Из узкого входа в полу посыпались темные силуэты. Я видела их перекошенные от ярости лица. Они казались могильными масками, пляшущими в кровавом зареве света. Как вдруг их заслонила черная тень. Движимый лихорадочной жаждой стереть с лица земли мерзкое порождение мрака, а вместе с ним и меня, Шампус обрушил град мощнейших заклинаний на суровый камень, лежащий под нашими ногами. Раздался страшный выламывающих треск. Гигантская плита содрогнулась и раскололась на части, разорвав единую сеть рисунка, но было уже слишком поздно. Нас отбросило в пустоту.

Над головой раздался дьявольский смех Лега:

— Теперь ты в моей власти, истинная дочь «иных».

Продолжение следует...